

Максим Александров

**МИФИЧЕСКАЯ КОСМОГРАФИЯ:
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ**

Максим Александров

**Мифическая космография.
Путевые заметки**

«Издательские решения»

Александров М.

Мифическая космография. Путевые заметки /
М. Александров — «Издательские решения»,

Мифическая космография повествует о той части архетипической реальности, которая может быть представлена «географически» — как описание «стран», «миров», «планет», «путешествий». Три предыдущие книги этой серии я посвятил описаниям архетипической реальности в письменных источниках, как самых ранних, так и недавних. Задумав эту книгу, я обратился к четверым современным «психонавтам» -визионерам с предложением «пройти» древними маршрутами...

Содержание

Введение	7
Архетипическая модель космоса	9
Глава 1. Начало пути	12
1.1. Путешественники	13
Венделл	13
Ла Меча	15
Маркус	17
Рута	20
1.2. Как происходят «путешествия»?	21
Маркус	21
Ла Меча	22
1.3. Иерархия миров	25
Стихийная сфера	25
Эфирная сфера	29
Астральная сфера	30
Глава 2. Стороны света	33
2.1. Маркус	34
Север	34
Запад	34
Юг	35
Восток	36
Промежуточные стороны	38
Подземелья	39
2.2. Венделл	43
Западный континент	43
Восточный континент	44
Северный континент	46
2.3. Ла Меча. Континенты	48
Западный континент	48
Восточный континент	49
Северный континент	54
2.4. Ла Меча. Астральные маршруты	59
Запад	59
Север	62
Восток	67
Юг	70
Глава 3. Три вектора	76
3.1. Венделл	77
Нижний мир	77
Асурический мир	77
Верхний мир	77
3.2. Рута	80
Океанский мир	80
Нижний мир	80
Верхний мир	82
3.3. Маркус	87

Верхний мир. Эмпирей	87
Переходный мир	90
Нижний мир	90
3.4. Ла Меча	94
Переходные миры	94
Верхний мир	100
Путь через Нижний мир	106

Мифическая космография Путевые заметки

Максим Александров

© Максим Александров, 2017

ISBN 978-5-4490-0186-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Архетипическая реальность соотносится с тем уровнем сознания, который обычно называют подсознательным или сверхсознательным, – с миром снов, видений, откровений, галлюцинаций, – но в той его части, где он выходит за пределы чисто индивидуального, субъективного и переходит в область всеобщего, повторяющегося, являющегося раз за разом, независимо от стран и эпох (хотя и облачённым в разные одежды).

Мифическая космография повествует о той области архетипической реальности, которая может быть представлена «географически» – как описание «стран», «миров», «планет», «путешествий».

Три предыдущие книги этой серии я посвятил описаниям архетипической реальности в письменных источниках, как самых ранних, так и недавних. Тема эта восходит к глубокой древности. Шаманизм – распространённая по всему земному шару среди первобытных (и не очень) народов практика – основан именно на «путешествиях», совершаемых душой шамана, находящегося в состоянии транса. Картина мира во всех древних цивилизациях базировалась как на результатах астрономических и географических наблюдений, так и на подобном опыте переживания и интерпретации архетипической реальности. Причём «протонаучные» и «шаманские» описания оказывались согласованными в рамках единой модели, принятой и санкционированной традицией. Этот архаичный синтез оказался очень живуч и, по сути, создал язык и для всех более поздних учений, продолжающих говорить об «эфирном» и «астральном» (звёздном) мире, выходе души из тела и т. п. Да и модель Мирового яйца при исследовании мифической космографии по-прежнему актуальна.

Рассмотрению этих традиций и архаичных моделей реальности посвящена книга «Шаманской тропой: Введение в мифическую космографию». Основное внимание в ней уделено архетипам «трёх миров» и «четырёх сторон света»¹.

Три мира: верхний, нижний и океанский (или переходный).

Первый соотносится с миром богов, небесами, северной полярной областью небосвода, Мировой горой, центром.

Второй – с подземельями, миром мёртвых (часто inferнальным), болезней и бесов, трещиной в мироздании, открытой в хаос, невидимой частью небосвода.

Третий – с водами, «нижними» небесами, горизонтом, периферией, миром демонических противников богов (не обязательно враждебных человеку) и магических иллюзий; как переходный мир он расположен и выше, и ниже поверхности земли – мира людей.

Стороны света также исключительно важный архетип, равно моделирующий пространство «физическое» и «внутреннее» пространство трансперсонального опыта. За редким исключением (имеющим астрономические объяснения), север – область смерти и демонов; юг – жизни, роста, огня, страсти, становления; запад – океанский, переходный, магический, амбивалентный, связанный с тайными знаниями; восток – изначальная страна первотворения. «Алхимические» архетипы – нигредо, альбедо, рубедо – моделируют движение с севера через запад на юг или из нижнего мира в средний и верхний.

Мировое яйцо – это модель мироздания, в которой земля в центре («желток») последовательно окутывается сферами («белком») – стихийной, эфирной, астральной, – где каждая последующая имеет более высокий статус, постепенно приближаясь к божественному миру – Эмпирею. Более подробно эта модель рассмотрена в книге «Восхождение к Сфере Разума», посвящённой «мифокосмографическим» сюжетам в художественной литературе и искусстве и откровениях мистиков Нового времени. Сферы Мирового яйца хорошо накла-

¹ Число может быть доведено и до семи, включая направление вверх (зенит), вниз (надир) и центр.

дываются на векторы трёх миров и сторон света, придавая им глубину: путник-психонавт, двигаясь в любом направлении, пересекает их последовательно.

Третья книга – «Дороги и тропы» – посвящена мировым мистическим традициям: «миры», описываемые мифической космографией, оказываются маркерами «стоянок», стадий на пути духовного совершенствования, приближения к Абсолюту.

Познакомимся с описываемой в этих книгах «картой» чуть более подробно.

Архетипическая модель космоса

Сферы

Три вектора – небесный, адский и океанский (переходный) – могут рассматриваться как по принципу взаимного отражения, так и иерархически.

В первом случае Центральная Мировая гора Небес противостоит Конусу (бездне) Ада как верхняя и нижняя часть вертикали, а переходный мир – это условная плоскость-горизонталь, ей почти перпендикулярная².

В космологической версии Мирового яйца верх – это область северных полярных созвездий; низ – область, невидимая из северного полушария, вблизи Южного полюса мироздания; океанский мир – область звёзд, восходящих и заходящих за горизонт, условно в воды вселенского океана. Наклонная «плоскость земли», по которой проходят маршруты мифических странствий, соответствует эклиптике.

Но часто мы видим другую – геоцентрическую – модель, в которой ад – это направление «под землю», небесные сферы верхнего мира окружают землю, как оболочки яйца – желток, а переходный мир оказывается областями, ближайшими к поверхности земли сверху и снизу. И естественно, они не равноценны.

Для удобства современного читателя эту картину можно условно соотнести с современной научной моделью. Тогда:

сфера вод – это гидросфера: воды поверхностные, подземные и атмосферные – в тропосфере;

сфера воздуха – стратосфера;

холодная мезосфера хорошо соотносится с мифическим ледяным хребтом,

а термосфера (с температурой в 150 градусов) – с хребтом огненным (сферой огня).

Выше лежит эфирная сфера – это, так сказать, «экзосфера».

Дальше начинаются уже астральные миры, где проходят пути планет (нижний астрал) и звёзд (верхний астрал). Понятно, что в геоцентрической модели они будут восприниматься тоже как сферы, окружающие Землю. Но там, на границе нижнего и верхнего астрала, появляется архетипический образ «Духовного Солнца» – высших миров, образующий новый центр притяжения.

Чередующиеся слои мыслились и внизу – внутри Земли. (Сфера подземного огня здесь, допустим, – слой вулканических магм).

Иерархия миров

Для восприятия стихийных сфер характерны амбивалентные или опасные существа, лабиринты, заставы. При направлении «вверх» – образы небесных вод, бурь, злых духов. При направлении «вниз» – чистилища, образ многослойной земли, «нижних земель». По горизонтали – водные пространства (в основном на западе), пустыни (главным образом на востоке), неведомые земли, монстры.

Рубеж стихийной и эфирной сфер может восприниматься как место сражения (например, между силами света и тьмы), место суда, сфера Луны, горы льда и огня.

Эфирный мир имеет чёткую полярность между земным раем (обычно на востоке – северо-востоке) и адом³ (как правило, с входом на западе – севере). Пространство между

² Почти, поскольку она наклонена так, что юг (и восток) оказывается ближе к «верху», а север (и запад) – ближе к «низу».

³ С ним связан также образ демонов ада (см., например, семь залов нечистоты в иудаизме).

ними – это океанский мир – область полубогов/даймонов. Здесь же (или отчасти в стихийной сфере) находятся так называемые континенты – кешвары, двипы и т. п. – места обитания параллельных человечеств, оставшихся на уровне золотого/серебряного века. Характерны также образ Водной бездны – Устья рек, куда проваливаются мировые воды, – и образ Мировой реки, ниспадающей с небес/горы на землю, а также Источника или Древа мудрости.

Рубеж эфирной и астральной сфер нередко воспринимается как стена, граница неба и земли, Окружающая Мировая гора.

Нижний астральный мир описывается как ряд концентрических стен Небесного града, как концентрические хребты, как «семь небес», как планетные сферы. С ним связаны «власти мира сего», благие и злые ангелы, или дэвы и асуры, астральные (звёздные) образы, пути восхождения и нисхождения души, «небесные страны», образ Мирового древа.

Рубеж нижнего и верхнего астрала часто связывается с верхним океаном, образами Древа Жизни, Огромной птицы, Солнца (Духовного).

Верхний астрал – это небесный рай, небесные дворцы, страна богов во главе с восседающим на троне небесным царём (или «вице-королём»), вершина Мировой горы, истинная родина человечества.

Выше находится Эмпирей – мир божественного присутствия и завес, отделяющих его от нижних миров.

Движение шаманскими тропами по «плоскости земли» тоже предполагает последовательное пересечение границ «сфер» от стихийных до астральных. Именно здесь решающее значение имеет направление по сторонам света, в зависимости от выбора которого будет меняться и наблюдаемая картина.

Примером такого маршрута в художественной литературе может быть путешествие Фродо в трилогии Толкина. Здесь стороны не совпадают с архетипическими и связаны с иной ценностной системой (запад – добро, восток – зло⁴), но сам маршрут актуализирует последовательно ряд базовых архетипов⁵.

Сфера земли представлена Вековечным лесом с его хранителем – земным богом Бомбадиллом, чуждым космическим войнам света и тьмы.

Сфера вод – буйными водами Бруинена, снежно-ледяными хребтами Мглистых гор (соответствие – неодолимый ледяной хребет на границе с эфиром). Здесь же эльфийская «чистая земля» в Раздоле.

Сфера огня – в виде Лабиринта – пещерами Мории.

Граница стихийного и эфирного слоёв с полем бесконечной битвы света и тьмы представлена всей «линией фронта» вдоль Андюина – там происходит действие второй и третьей частей трилогии.

Полюса эфирного слоя – земной рай и ад – соотносятся с Лориэном и Мордором, с окружающими его болотами. Хребты и стены Мордора находят соответствие в городе Дит – inferнальных областях астрала – с эпицентром в бездне Роковой горы. Астральный контрполюс inferнальному востоку – Небесный мир, предельный заморский запад – Валинор, образ верхнего астрала.

«Души»

С описываемыми сферами в мифологиях связаны определённые «души», или «тонкие тела» человека, позволяющие «входить в них».

⁴ В соответствии с «асурической» мифологией германцев и кельтов.

⁵ Архетипы стихийных сфер проанализированы в книге «Восхождение в Сферу Разума».

Эмпирею соответствует высшая душа, никогда не покидающая небеса, – нешама каббалы или виджнянамайякоша индуизма.

Высшему астралу – дух – рух (исл.), руах (иуд.), Ум (антич.). В древних системах эта душа рассматривалась как отдельное небесное существо, покровительствующее человеку,⁶ – его фраваша или даймон (гений). Также это жизненная сила, даруемая свыше. После смерти человека возвращается на небеса⁷.

Низшему астралу соответствует разумная душа, или Сердце⁸. Способность к рациональному и этическому суждению. Совесть. Она выступает свидетелем на суде.

Собственно душа – психе, человеческая душа – субъект посмертного воздаяния – соответствует эфирному миру⁹.

Слоям стихийного мира соответствуют:

огненному – душа вожделеющая, нафс¹⁰ – эгоцентрированная психика, рассудок, полностью поглощённый обслуживанием машины желаний;

водно-воздушному – так называемая свободная душа архаических систем, двойник¹¹, «тело сновидения»;

сфере земли – животная душа – витальное начало, способность желать и воливать¹²;

физическому – душа тела, растительная душа, сила жизни, рассеивающаяся после кончины тела.

⁶ Возможно, ему соответствует египетское Ба.

⁷ Соответственно, в высших системах обретший/актуализировавший этот уровень сознания человек тоже посмертно восходит на небеса (на Солнце, в Рай, в свою звёздную родину).

⁸ Сердце отнюдь не рассматривалось как вместилище эмоций, противопоставляемое разуму. Соответствует скорее суперэго.

⁹ Эго.

¹⁰ Понятие «нафс» в исламе может относиться и к эго, т. е. человеческой душе.

¹¹ Возможно, соответствует египетскому Ка.

¹² Фрейдковский Ид.

Глава 1. Начало пути

Задумав эту книгу, я обратился к четверым современным «психонавтам» - визионерам с предложением «пройти» древними маршрутами. Их отчёты, беседы с ними, мои комментарии со сверкой увиденного с «картами» и «лоциями» (путешественникам неизвестными) и составляют основное её содержание.

1.1. Путешественники

Венделл

Университетский преподаватель. Лингвист.

М. А.: Как у тебя появился интерес к мистике?

Насколько себя помню, он был всегда. Моя бабушка стала в детстве свидетелем бурного полтергейста в деревне, где она выросла. Из-под кроватей в избе вылетали предметы, тыквы катались по полу, раздавались стуки и всё такое. Родители тоже рассказывали сверхъестественные истории, в основном из жизни знакомых. Мне было легко в них верить, так как я чувствовал: у будничного мира есть изнанка, которая, на самом-то деле, гораздо интереснее, чем «лицевая сторона».

Из художественных книг в детстве мне больше нравились сказки, фантастика. Перечитывал «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Лет в десять прочитал «Мастера и Маргариту» и возвращался к ней ещё много раз. Стругацкие, Лем, западные фантасты, позже – Толкин, Кафка, Кортасар... Со старших классов школы сам пытался что-то писать.

В студенческие годы увлёкся Кастанедой; «мир не то, чем кажется» – эта мысль казалась мне моей собственной. Начал практиковать осознанные сновидения. Хотя первые спонтанные ОС случались ещё в детстве.

Студентом же с друзьями бродил по подземельям МГУ. Думается, что Главное здание МГУ было для меня, в системе координат моей стихийной мифологии, эквивалентом горы Меру. Например, в нашей среде ходила легенда, что Главное здание вниз уходит столь же глубоко, сколь высоко поднимается над землёй. Мне удалось попасть лишь на «профанный» 28-й этаж, и я завидовал посвящённым, добравшимся правдами и неправдами до 33-го. Другая легенда повествовала о ээке, который был занят на стройке верхних этажей и однажды встал на краю, распростёр рукотворные крыла и, оттолкнувшись, улетел прочь, перелетел Москву-реку и был таков. А надзирателям оставалось лишь злобно материться ему вслед...

Мои стихи и проза, которые я иногда под настроение пишу, в основном снопоподобны, иррациональны. Мне нравится погружаться в снопоподобное пространство – оно гибкое и пластичное, им можно управлять, но в нём можно также искать ответы на волнующие вопросы. Часто они основываются на снах или на «всматривании» в изменчивую рябь, покрывающую океан бардо («Бардо Тхёдол» тоже произвела на меня большое впечатление в своё время).

Так как «новые видящие»¹³ не берут энтузиастов, а последователи Кастанеды в Сети производили унылое впечатление, я стал искать что-то похожее. Это было начало нулевых. Похожим, в первом приближении, мне показалось описание учения суфиев у Ошо и восточные учения индийского корня. Особенно заинтересовал буддизм, буддийская медитация. С интересом читал Йогананду, книги А. Давид-Неель, книжку по шести йогам Наропы. В какой-то момент увлёкся христианством, исихазмом, практиковал умную молитву. Перечитал дюжину книг оккультных авторов – искал интегральный подход, который позволил бы сгладить противоречия между религиями и культурами. Наткнулся в Интернете на «Розу мира» Андреева. Описание миров в книге показалось очень живым и реалистичным, от фактурности, обилия деталей захватывало дух.

¹³ Тольтекские маги – персонажи книг Кастанеды.

Со временем горячее увлечение творчеством Андреева стало проходить, по мере осознания, что на основе «Розы мира» формируется лишь ещё одно догматическое верование, ошибочно претендующее на недогматический характер.

В андреевском сообществе познакомился с будущими участниками «клуба астральных путешественников». Первые попытки «путешествовать» были не слишком удачными. Существенные подвижки произошли через несколько месяцев, зимой, во время длинной ночной медитации. Я увидел некоторые образы, которые зацепили: прежде всего, великана в ледяной пещере, которая должна была растаять от света, льющегося сверху на лёд, а также океана с живой водой и пляжем из «драгоценной гальки». Как я понял тогда, главное – предельно расслабиться, успокоить сознание, сохранив при этом бодрую ясность, и перестать цепляться за образы, позволив им течь по своим собственным законам. Ещё важно, особенно на первом этапе, не ожидать слишком многого. Для начала достаточно восприятия на уровне «то ли вижу, то ли нет» (этот принцип я подсмотрел в инструкциях школы Чжун Юань цигун).

М. А.: А что за великан?

Великан сидит в ледяной пещере. Стены – очень красивый голубой лёд – сияют, преломляют свет, играют бликами. Пещера с некоторым запасом повторяет форму и размеры моего тела. Я очень большой. Место, как ни странно, совершенно комфортное.

Лёд постепенно подтаивает, ощущение стекающей по стенам пещеры и по моему телу талой воды нравится мне. Я как бы в ледяной скорлупе, снаружи сияет белый свет, временами проникая внутрь сверху – там, где лёд тоньше, – вливается в моё тело через темноту. Я понимаю, что со временем он растопит скорлупу. Я попытался управлять светом, чтобы он вливался быстрее (воздействие любопытного и нетерпеливого эго). Как следствие, возникло напряжение. Поняв, что торопиться не надо, я позволил всему идти своим ходом.

Потом я вдруг увидел, что сижу на земле, поджав колени, – великан с небольшую гору размером. Внизу далеко – городок или село, крошечные люди, машины, дома. Я хорошо к ним отношусь, думаю, как бы не раздавить кого-нибудь нечаянно. Дальше я несколько раз переключался между образом сидящего великана и ледяной пещерой. Видимо, я перенёсся в «будущее», когда ледяная скорлупа уже растаяла.

Образ ледяной пещеры и терпеливого великана оказался очень позитивным, заряжал энергией. Будучи великаном, я хорошо ощущал свои огромные размеры и великанскую силу. Ледяная пещера была прекрасна, в ней царили покой и величественная красота. Ослепительный белый свет, поливающий искрящийся ледяной купол, – тоже мощное переживание.

Расскажу о другом важном опыте: некоторое время я регулярно практиковал по методике школы Гелуг-па шаматху с изображением статуи Будды из храма Махабодхи в качестве объекта. Статуя позолоченная. В одной из сессий я в какой-то момент ощутил себя погружённым в жидкую среду, напоминающую расплавленное золото. Эта среда была проявлением Буддовости, Сознания Будды. Сравнение с расплавленным золотом условно: ни жара, ни давящей тяжести металла я не чувствовал. Ощущение было приятным и лёгким, экстатическим, моё тело пронизывали приятные токи энергии. В голову сразу пришло название этой среды: «Огненное озеро Будды» или «Золотое озеро Будды». Золото было живое, оно стало меня «выправлять»: находило в сознании затемнения и высветляло их. Приходят на ум две метафоры, описывающие тот процесс: (1) выгорание тёмных включений и (2) растворения, переплавки их в «тигле». В конце концов тёмных мест не осталось, одновременно исчезла граница между мной и тем, что вокруг. То есть я растворился. Ощущение свободы.

Ла Меча

Поэт. По образованию психолог.

М. А.: Как всё началось?

Вообще-то я всегда была странной девочкой... Но осознанный интерес к мистической стороне жизни возник в сравнительно зрелом возрасте. Этому предшествовал серьёзный внутренний кризис, связанный с сильной влюблённостью, которая не была взаимной.

Психологический кризис привёл меня к состоянию физического расстройств – я заболела и болела довольно долго.

Однажды я лежала с температурой в своей комнате, потом заснула и увидела сон, который запомнила на всю жизнь и который помогал мне потом «держаться на плаву».

Мне снилось, что я нахожусь огромном храме, сложенном из белого камня, с открытым небу куполом. В куполе сияет небесный свод – чистая лазурь.

Происходит нечто вроде Апокалипсиса, воскрешения мёртвых и Божьего суда.

Огромная толпа народа стоит в храме, который оканчивается алтарём, к нему ведёт высокая белая лестница.

Все ждут суда – решения своей судьбы.

Я стою где-то в конце большой очереди, ведущей к алтарю, где видна маленькая простая дверь.

Люди всё идут, идут, и конца этому не предвидится.

В конце концов, я решаю обойти толпу и прохожу в числе тех, кто уже близок к лестнице, поднимаюсь по ней и подхожу прямо к дверям, где стоит пожилой седой человек в простой одежде сероватого оттенка.

Я думаю, что это апостол Пётр.

Я обращаюсь к нему с вопросом: «Могу я увидеть самого Бога?»

Он отвечает что-то вроде: «Сейчас Он придёт».

Открывается дверь, появляется Иисус.

Именно такой, как рисуют на иконах. Он одет в синюю шёлковую длинную одежду.

Я подхожу к нему и опускаюсь на колени. Помню шелест шёлковой ткани, которая обвивает мне лицо и голову, и нежнейшее прикосновение Его рук, которые гладят меня по голове. Я помню, что плачу, плачу, не имея силы успокоиться, – так сладки эти слёзы.

И слышу откуда-то сверху: «Что ты плачешь? Я никогда тебя не оставлял и не оставлю».

Я просыпаюсь.

Больше никогда и нигде я не испытывала такого упоения, такой надежды, заботы и доброты – поскольку всё это снизошло на меня в то время, когда я считала себя заблудившимся и глубоко несчастным человеком.

В этот же период произошло знакомство с людьми, в силу профессиональной принадлежности (психология) включёнными в круг вопросов и проблем пациентов, которые не могут быть решены только путём рациональных методов практической психологии, но требуют активного участия пациента в осознании некоторых моментов бессознательного, архетипического содержания.

Впоследствии я отошла от занятий психологией, погрязнув в круге различных бытовых проблем.

Моё «второе рождение» в инобытие состоялось несколько лет спустя после описанных событий, а именно в 2003 году, когда судьба свела меня с представителями различных твор-

ческих профессий (философы, поэты, художники и другие). Тогда начались более целенаправленные, активные опыты погружения в иную реальность, в том числе в мир архетипических образов.

Под руководством одного из моих друзей я стала учиться медитациям различного рода: использовались медитативные техники, направленные как на развитие умения концентрировать внимание на определённых объектах, так и просто расслабляться. В одну из таких медитативных сессий я пережила невероятное расширение сознания, сопровождавшееся столь мощным ощущением беспредельности своего существа, что это походило на сумасшествие. Моё привычное «я», которое я знала и с которым давно свыклась, и особенности моей личности, которые проявлялись всю жизнь, подчас весьма проблемные поведенческие реакции – все они вдруг отлетели на периферию сознания, а их место заняла бесконечность, протяжённость вширь и вглубь, которая с каждым вдохом разрасталась, набирала силу. Мне стало смешно – на что я тратила свою жизнь! Настолько мелкими и незначительными ощущались в этом состоянии известные мне заботы и проблемы. Они и вправду не стоили ничего. В этом состоянии была какая-то особенная сила, которая не подвергалась сомнениям, была неподвластна ходу времени и существовала как бы сама по себе. Несмотря на краткую длительность переживания (быть может, не более минуты), всё происшедшее было каким-то чудом, воспоминание о котором не меркнет с годами.

Впоследствии этот удивительный опыт «попадания» в бесконечность я пережила на реколлекциях по методу Игнатия Лойолы, проводимых Католической церковью. В то время я находилась в часовне на адорации (поклонение Пресвятым Дарам). Когда вынесли Гостию в сверкающей лучами монстранции, я долго смотрела на неё, и тут пространство покачнулось, раздвинулись стены, хлынул свет – я ощущала его и внутри, и снаружи – и я испытала такое же чувство бесконечности, только меньшей интенсивности по сравнению с первым опытом. Это ощущение длилось дольше, чем в первый раз – минут десять.

Некоторые переживания, связанные с новыми открытиями, мне посчастливилось выразить в своих стихах.

Многие путешествия в иные миры и альтернативные реальности я записывала, ведя своеобразный дневник.

М. А.: Расскажи ещё о каких-нибудь ярких переживаниях.

В 2012—2013 годах мы с дочерью совершили путешествие по южной части Испании (Андалусии). Мы побывали в разных городах, в том числе посетили Гранаду.

В Гранадском кафедральном соборе, совмещающем, как и большинство крупных католических храмов Испании, функции церкви и музея, я испытала ещё одно потрясение. Я стояла перед картиной Мемлинга, фламандского живописца XV столетия. Это были «Святые жёны». Неожиданно храм, окружающие люди, многоязыкая толпа туристов, всё привычное перестало для меня существовать, сместилось на край сознания. Картина, укрытая сверхпрочным стеклом, обернулась окном в другой мир – в мир Средневековья. Стекло отражало современность, по нему скользили бледные тени людей, но сама картина налилась красками, засияла, словно и не было шести пролетевших столетий. Более того, я услышала плач, похожий на тихую музыку, шорохи одежд, чьи-то тихие вздохи... Я стояла перед картиной, и слёзы лились у меня по лицу. Было ли это переживание навеяно уникальным творением художника, или это было переживание чего-то безусловно родственного, близкого, долетевшего ко мне сквозь толщу столетий? Не знаю. Незадолго до этого момента мне удалось увидеть фрагменты прошлых воплощений. Некоторые были очень яркие.

Ещё одно из ярчайших переживаний у меня случилось во время медитации в метро.

Произошло расширение, но оно сопровождалось другим открытием. Сначала было ощущение сильного света и воздуха, как бы некоего замедления течения времени, зависания. А потом я обнаружила, что люди, которые едут со мной в вагоне поезда, изменились. Их лица стали другими – я воочию увидела лики с картин старых мастеров. Люди сидели напротив, читали, кто-то разговаривал, иные рассматривали картинки в своих смартфонах... и все они были невероятно, потрясающе красивы. Мне казалось, что когда-то, давным-давно, я уже видела эти лица, только не могу вспомнить где. В их движениях сквозила особенная стать, пластика рук была совершенной. Эти люди... они были прекрасны. Я едва не плакала. Обычно в метро видишь усталых, измотанных пассажиров, черты их лиц резки или смазаны. Но в этот воскресный день (я ехала на мессу) они были Людьми, они были совершенны, они вышли из рук Творца, они были Его детьми. Эти лица живо напомнили мне картины Мемлинга. Картины, где человек предстаёт воистину Человеком – совершенным существом, сотворённым гениальным Мастером.

Маркус

По образованию химик. В настоящее время наставник одной из буддийских школ.

М. А.: Как ты вообще ко всему этому пришёл?

Началось всё в мае 1995 года, когда я впервые испытал состояние осознанного сновидения, прочитав тексты Карлоса Кастанеды. Этот опыт совершенно меня поразил, приоткрыв дверь в скрытую часть реальности, полную чудес. Побуждаемый острым интересом, я продолжал заниматься «тольтекскими» практиками, параллельно знакомясь с различными мистическими традициями. С разной степенью знаком с такими, как суфизм, буддизм, исихазм. Постепенно мой опыт углублялся, становился всё шире.

В ходе этих занятий я начал изучать слои реальности, описанные Даниилом Андреевым. В результате сложилась аутентичная практика, связанная с природными явлениями, которую я назвал «стихиаль-йога». Этот опыт я систематизировал в виде одноимённой книги. Некоторое время именно стихиаль-йога была моей основной практикой.

Одновременно происходило углубление в более традиционные формы мистицизма, из-за чего моё отношение к путешествиям по иным мирам стало скорее негативным. Во всяком случае, опасности, реальные или мнимые, связанные с этими практиками, начали занимать в моих суждениях главенствующее место.

Спустя какое-то время традиционную религиозность я перерос, а вместе с ней временно утратил какой бы то ни было интерес – положительный или отрицательный – к мистицизму вообще. Тем не менее психопрактику я не оставлял, занимаясь в основном разного рода медитациями.

Так или иначе, постепенно, под влиянием общения с тобой, у меня сложилось понимание, что практики, связанные с путешествиями в иные миры, могут быть интересны и полезны в плане развития сознания. Кроме того, в ходе занятий в рамках буддистской Дхармы я подошёл к такому этапу, когда подобные техники оказались естественным продолжением практики и, более того, даже были рекомендованы моим буддистским учителем. Таким образом, сейчас для меня практика мистической географии (назову это так) является одним из важных элементов внутреннего делания.

М. А.: И как ты воспринимаешь «иную реальность»?

Вторым зрением смотреть для меня привычнее, чем последовательно двигаться по сторонам света. Например, я смотрю на дерево, но могу видеть его как поток мгновенно сменяющих друг друга элементарных форм, как в Матрице нули и единицы. Особенно интересен эффект такого зрения при общении с человеком или другим живым существом. Перестаёшь воспринимать происходящее с позиции субъект – субъект.

Другим вариантом второго зрения является видение разлитой везде магии.

Третий вариант – видение всего вокруг в виде энергетической сети – скопления волокон света, которые состоят из более тонких волокон.

Четвёртый – восприятие всего в виде текучих световых форм.

Пятый – видение пронизывающей всё Божественности и Благословения.

Шестой – видение всего как бы прозрачным, как на рентгене.

Седьмой вариант – видение всего через призму безмолвия.

Я почти всегда в той или иной степени осознаю наличие того, что Даниил Андреев называет «сквозением» – это видение множественности миров прямо здесь и сейчас. Это сродни Второму Знанию Будды: мы видим, что вот эта вот обыденная реальность – совсем не единственная, а просто одна из бесконечного множества локалей¹⁴. Некоторые из иных локалей доступны внутреннему восприятию прямо тут же. Я могу увидеть игру стихий¹⁵ в кроне дерева или нисхождение высших реальностей где-нибудь у храма. Или тёмное свечение ада в глазах какого-нибудь человека. Это видение помогает не поймаваться в ловушку этого мира. Если он видится как единственная реальность, во всяком случае доступная какому бы то ни было восприятию, это медленно убивает в нас всё живое. А так... да, наша локаль (особенно в России) – весьма суровая. Но... это всего лишь локаль.

И, точно как описывает Будда, можно видеть, как образ мыслей и действий человека втягивает его в ту или иную реальность.

В «странствиях по мирам» я летаю. Поэтому путь проделываю довольно быстро. Ещё – не задерживаюсь на деталях. Вообще, обнаружил в себе равнодушие к тому, что там происходит. Но само путешествие преображает.

М. А.: Расскажи про наиболее значимый для тебя опыт раннего периода.

Конец 90-х. «Тонкий сон»: я в своей комнате. Вижу на полу листок бумаги, поднимаю его. На нём ручкой нарисована какая-то схема, похожая на дерево. Интересно, что схема эта не «плывёт», как это обычно бывает в осознанных сновидениях с картинками и текстом. Понимаю, что это – схема человеческого сознания. Приглядываюсь поподробнее: уровни, этажи, ответвления... Один из уровней мне кажется почему-то смутно знакомым: он не самый высокий, но предпоследний, слева. Рассматриваю его изображение и вдруг перевожу туда...

...Вокруг – ослепительное золотое сияние, всё тонет в нём, очертания предметов угадываются смутно, всё плывёт в этом мареве, в этой золотой радиации. Это энергия, очень плотная и мощная. Оглядевшись, я вижу нечто вроде дворцового зала, где всё создано из этого сияния. Одной стены в зале нет, и там – Ничто, похожее на небесную пустоту. В противоположном конце зала – нечто вроде трона, на котором восседает божество, а по правую руку от него – какой-то человек.

Божество это также создано из света, и его трудно разглядеть; лицо же его вообще почти невозможно увидеть из-за этого света, точно как когда смотришь на солнце, хотя здесь отсутствовала одна черта – болезненность: солнечный свет ранит, а этот свет не ранил. Сна-

¹⁴ Сектор мироздания с определённым набором параметров

¹⁵ Стихийные духи в терминологии Даниила Андреева.

чала я подумал было, что это божество – женщина, и даже вроде бы почти разглядел женские черты лица сквозь сияние, и вообще что-то женское было в энергии этого существа. Но потом пригляделся и понял: нет, это не женщина, это всё-таки мужчина – изящный, с манерами принца в самом высоком смысле этого слова. Но позднее я отчётливо осознал, что понятие пола вообще неприменимо к нему, как неприменимо оно к лучу света. И форма эта – лишь создание моего разума, подпорка, с помощью которой он, разум, пытался совладать с этой трудно перевариваемой картиной, придать форму тому, что вне формы.

Его «правая рука» обладал более умеренным сиянием, в сравнении с божеством даже казавшимся тускловатым. Можно было разглядеть его лицо, худое и суровое, одет он был, как мне показалось, как-то необычно. Он стоял. Когда я появился, тот человек начал говорить что-то не слишком приветливое: стал перечислять мои грехи, говорить, что, мол, как я посмел здесь появиться и т. д. и т. п. Честно говоря, я не очень-то его слушал почему-то. И кроме того, божество всё время остужало пыл этого обвинителя – не словами, а как-то... просто остужало. Мол, не перегибай палку. Наконец, божество совсем заставило того человека замолкнуть и спросило меня, что мне надо или зачем я здесь. Спросило опять-таки без слов, без телепатии, просто между нами не было границ.

На его вопрос я не нашёлся, что ответить – просто ничего не было в тот момент в голове. Я был поглощён созерцанием этого божества. Было оно бесконечно милосердно: в его свете не было даже намёка на муть, все грехи, даже самые тяжкие, пред его ликом просто забывались как прошлогодний сон, исчезали как туман под утренним солнцем, теряли свою реальность. Даже не так – оно являло собой состояние совершенной, фундаментальной безгрешности и, глядя на него, я видел, что все мои грехи лишь морок, помрачение. Я увидел, что безгрешное состояние истинно, естественно, мощно и чудесно.

Божество мгновенно поняло моё состояние и с тихой и какой-то удивительной бесстрастной нежностью и любовью сказало мне без слов примерно следующее:

– Всё хорошо. Не отчаивайся. Всё хорошо.

И стало понятно, что пора уходить. Но природа этого существа такова, что оно не могло отпустить меня просто так. И оно сделало на прощание подарок: внезапно я погрузился в поток золотого сияния, пронизывавшего до самой основы, сияния, которое, казалось, вот-вот растворит меня, и я не был против. Ни одной мысли не было в голове.

Усилием воли я попытался помолиться, и обрывки этих показавшихся сейчас такими грубыми слов были унесены этим золотым потоком на глазах, устанавливая полное безмолвие. Это тоже была своего рода молитва, но без слов, без «я», словно бы безмолвное устремление внутреннего взора к Истине, к Сердцу Бытия. Одновременно я начал ощущать плавный спуск.

Через какое-то время интенсивность сияния стала спадать и сквозь него стали проступать контуры моей комнаты. Я ощутил своё тело, полное невероятной неги, всё какое-то блаженствующее, отдохнувшее и словно бы исцелившееся; было удивительно хорошо, сердце казалось омытым в святой воде. Невольно улыбнувшись, я прошептал: «Спасибо». Некоторое время я лежал так с открытыми глазами и улыбался, глядя в потолок...

После этого эпизода я ощутил в себе новое качество – на фоне этого золотого сияния мои замутнения стали видны особенно явственно, чётко. Кроме того, оно послужило своего рода духовным камертоном: этот эпизод я долгое время использовал для того, чтобы вспомнить это «истинное состояние», использовать его в своего рода «гуру-йоге».

Интересно так же, что, если бы свидетелем всего этого стал, скажем, христианин, он наверняка был бы уверен, что видел Христа, или ангела, или демона, а буддист бы подумал, что это – йидам, или Авалокитешвара, или Амитабха. Но по сути своей этот опыт был совершенно вне традиций, вне конфессий.

Рута

Инструктор по тайцзи и цигун, иппотерапевт.

М. А.: Когда всё началось?

Примерно в 11 лет (это было начало 80-х). Тогда я почувствовала, что живу параллельно в двух реальностях. Та, другая, была очень похожа на эту, но всё же отличалась. Взрослым я об этом благоразумно не говорила. В 17 лет это ощущение перешло в острую тоску по какому-то другому миру, оставленным там людям. Где-то через год меня охватило чувство безвозвратной утраты, кто-то очень близкий ушёл «там» навсегда. Но очень скоро я ощутила словно вхождение в себя другой души, это был фундаментальный переворот в моей жизни. Кстати, тогда у меня появилась трансгендерная идентичность – социально и психологически я равно ощутила себя и мужчиной, и женщиной. Одновременно открылись и иные миры. Эта реальность, куда я теперь периодически «проваливалась», была значительно «фэнтезийней» тех образов, которые появлялись у меня раньше. События, участницей которых я там становилась, в целом вписывались в то, что ты называешь «южным путём» – путём любви и смерти. Я начала писать стихи. В это время мне дали почитать трилогию Толкина, которую восприняла как откровение – описанные Профессором миры напоминали те, которые я видела. В академии я познакомилась с толкинистской тусовкой, и несколько лет это был мой основной круг общения (впрочем, ни в одной ролёвке я участия не принимала).

Постепенно меня всё больше охватывало горячие стремление что-то сделать для людей, особенно мощным это желание стало во второй половине девяностых. К этому времени я уже была активным донором, теперь стала волонтером в хосписе, изучала массаж. Ещё в раннем детстве я обнаружила в себе сильнейшую способность к эмпатии и способность действительно облегчать страдания. Но с этой эмпатией я долго не могла справиться – чувства захлёстывали и разрушали меня саму. Всё сделанное казалось недостойно малым.

Продолжались и видения, воспоминания «прошлых жизней», потом события в иной реальности, которые оказывались как-то связаны с этой, иногда странными временными отношениями. Однажды, например, появилось яркое воспоминание о жизни в мире крылатых людей.

После того как я увидела, что у некоторых моих знакомых конкретно «поехала крыша», я решила, что меня такая перспектива не прельщает и занялась серьёзно укреплением основы: йогой, цигун, потом ушу, тайцзицюань. Появился большой интерес к востоку – даосизму, дзэн.

М. А.: Были ещё какие-нибудь переломные моменты?

Таких значительных, как в 18 лет, не было. Но был, например, любопытный момент в прошлом году, когда во время дыхательных упражнений возникло, с перерывом, два видения. В одном я была старухой, готовящейся к смерти. А во втором увидела себя на погребальном костре, но уже молодой девушкой. Тогда же услышала и новое имя – Рута.

1.2. Как происходят «путешествия»?

Маркус

Все описания, которые будут приведены ниже, получены мной в состоянии, которое точнее всего было бы обозначить словами «тонкое сновидение», либо же в медитативном состоянии. Тонкое сновидение характеризуется высокой чёткостью деталей и связностью, высокой степенью осознанности, то есть в тот момент я знаю, что сейчас нахожусь в состоянии сновидения, но тем не менее это знание не доходит до той остроты, как это бывает в осознанных сновидениях. Практически все описываемые эпизоды происходили со мной произвольно, то есть я к этому опыту не стремился. Я лишь описываю то, что увидел, ни на чём не настаивая. Пусть каждый извлечёт из этих описаний то, что извлечёт. Этот опыт имеет отношение к той области, что зовётся суфиями «барзахом», в котором все воспринимаемые формы есть продукт работы нашего «творческого воображения», то есть механизма произвольной интерпретации, работающего в нашем сознании (что, впрочем, не означает, что за этими образами ничего нет).

Итак, восприятие «иных миров» есть, по сути, сочетание следующих факторов:

1. Сенсорные данные. Чаще всего это зрительные картины, реже – звуки, в том числе речь или музыка. Совсем редко – осязательные или обонятельные впечатления. Однако очень часто эта информация поступает в непривычном формате, который приходится ещё и дешифровать. Например, в одном «пакете» могут содержаться как зрительные элементы, так и элементы «непосредственного знания», да ещё и параллельно из нескольких соседних «миров», да ещё и не разложенные по временной шкале. Кроме того, иногда и с временной шкалой бывают большие несовпадения в сравнении с нашим миром. Вплоть до своего рода «объёмности» или «многомерности» времени. При этом картина, складывающаяся в результате, обладает целостностью, последовательностью, закономерностью. В этот мир можно возвращаться неоднократно, изучать его свойства и т. д.

2. То, что можно было бы назвать «чувством истинности». Поясню. Обычные хаотические грёзы во сне имеют почти нулевое чувство истинности. Та реальность, в которой мы живём днём, имеет чувство истинности, равное, скажем, единице. Так вот, восприятие иных миров имеет чувство истинности не меньше единицы, а то и значительно больше. При этом здесь не идёт речь об осознанных сновидениях. Сновидение может быть совершенно осознанным, и при этом сознание будет фиксировать «истинность» или «взаправдошность» окружающего близкую к нулю. Таким образом, это чувство, чувство истинности, не сводится ни к чему другому.

3. Устойчивость характеристик восприятия. Этот аспект довольно трудно описать. Суть его состоит примерно в том, что наблюдаемое имеет свои определённые, чётко очерченные законы. Например, в нашем повседневном мире это физические законы. Их можно сформулировать, изучить. Обычные сновидения, скажем, в этом смысле сильно плавают, то есть там может случиться «всё что угодно».

Возвращаясь к чувству истинности, нужно заметить, что если с сенсорными данными всё более или менее понятно – то есть они либо есть, либо их нет, – то чувство истинности слишком часто сбоит, особенно поначалу (а оно со временем оттачивается) и особенно при наличии неосознаваемого стремления выдать желаемое за действительное.

Однако в целом восприятие «иных миров» всегда сопровождается чувством истинности более интенсивным, чем при созерцании обычных сновидений. Кастанеда использовал такое выражение: «восприятие собирает мир». Возможно, тут имеет место что-то в этом

роде. В обычных сновидениях восприятие как бы плавает, характеристики воспринимаемого постоянно меняются. Когда же восприятие «собирает мир», нечто словно бы щёлкает как ключ, подошедший к замку, нечто совмещается и вдруг возникает устойчивая совокупность восприятий.

Некоторые такие совокупности настолько устойчивы, что из них бывает непросто вернуться к привычному нам «дневному» восприятию. И тем не менее трудно с уверенностью определить те критерии, которые отделяют «миры» от обширного океана «междумирья».

Воздействие того или иного мира на воспринимающего его человека зависит во многом от самого человека и обстоятельств, в которых происходило это восприятие. Таким образом, даже восприятие демонического мира может быть обращено во благо, научив многому. И восприятие мира благого может послужить началом глубокому повреждению психики, если человек позволит себе слишком «залипнуть» на этой картинке.

Два человека не могут одинаково увидеть даже один и тот же город, а в случае с «иными мирами» то, что мы видим, вообще в значительной степени определяется состоянием самого зрителя. И тем более интересно, что многие образы, описанные ниже, являются архетипическими, то есть встречающимися у многих людей в весьма сходном виде.

М. А. Дальше я приведу записанный Ла Мечей рассказ о её первом «путешествии», который даёт неплохое представление о том, как это происходит.

Ла Меча

Перед началом путешествия я ощутила сильный внутренний жар, особенно в ладонях. Я почувствовала, что это пламя, которое я могу нести с собой, сможет помочь мне в трудной ситуации.

1. Передо мной была бесконечная равнина, уходящая за горизонт. Совершенно бесплодная и безлюдная. Стояла зима. Дул резкий ветер. Всё вокруг было укрыто снегом. Равнина была сизо-синей, мрачной. Сизым был и снег.

В снегу угадывались следы человека – они были наполнены водой. Словно накануне была оттепель.

Я пошла по этим следам. Впереди светило солнце – рассеянный свет, который скрывали густые облака, низкие хмурые тучи. Красно-жёлтая полоса была передо мной – к ней направила я свой путь.

Равнина изгибалась книзу, как будто уходила за и под горизонт.

Сколько я ни брела по ней, расстояние между мной и полосой солнечного света впереди не сокращалось.

Началась иная местность – ещё более безотрадная. Здесь была обнажённая рыхлая осенняя земля, изрытая какой-то гусеничной техникой. Брошенные трактора, какие-то другие сельскохозяйственные машины, словно поле обрабатывали и бросили.

Затем начался лес – выжженный, мёртвый. Поля, в которые лес внезапно вклинивался, также были мертвы. Ни одной живой былинки, ни зеленой травы, ни куста.

Сплошь выжженная земля.

Если я шла выжженным лесом, сухие скрюченные ветки деревьев цеплялись за одежду, царапали лицо, будто пытались остановить меня.

Потом я оказалась в полосе бурелома. Лес здесь был не только выгоревший, но и повреждённый ураганом. Деревья лежали на земле, поваленные стволы беспомощно протягивали к серому небу сухие крючковатые сучья.

Тоскливый, печальный пейзаж. Мне стало совсем не по себе.

Полоса света впереди стала угасать, она постепенно исчезала. Тогда я остановилась и посмотрела на свои руки. Я вспомнила о своём огне. Он появился в руках, сложенных лодочкой, и осветил внутреннюю поверхность ладоней, наподобие спички или свечи. Было уже темно, но от этого пламени всё озарилось. Свет огня упал на землю, прочертив узкую светящуюся дорогу. Дорога протянулась прямо к солнцу, угасающему на горизонте. Туда я и отправилась, неся в ладонях свой свет. Теперь расстояние между мной и источником света впереди стало уменьшаться. Неожиданно выжженное поле и лесные буреломы кончились. На мой лоб упала капля воды.

2. Моему взору предстал совершенно иной пейзаж, иной мир.

Здесь струилась вода. Здесь сияла молодая свежая зелень. Здесь ложилась под ноги мягкая трава. Здесь всё трепетало бархатной прелестью новорождённого мира. Мира, не тронутого ни злом, ни горечью.

Этот мир походил на Рай.

Он был переполнен чистотой и нежностью. Весенним сладостным томлением и теплом молодого солнца.

Голубизна неба радовала душу. Здесь было много лесных животных – зайцы, белки, лисы и прочие звери – все нежные и тихие, словно только что появившиеся на свет.

Их шерсть была так нежна, что казалась сотканной не из материи, а из каких-то воздушных светлых волокон, из которых также был соткан весь мир. Цвели верба и ива – их золотые цветы сеяли тончайшую душистую пыльцу, оседавшую на травах, на влажной листве деревьев.

Вода лилась повсюду – с неба сыпался серебряный дождь, капли которого оседали на ивовых почках, при этом на кончике каждого волоска почки сияла чистая прозрачная капля. Лучезарная и прохладная. Моё тело покрылось, словно серебряным налётом, этой сияющей водой. Я шла по этому миру, боясь стряхнуть с себя хоть каплю.

Сам воздух был бархатным, нежным, ласкающим.

Всё вокруг ласкало душу и радовало взор.

Я спустилась к тихой реке, негромко журчавшей в зарослях жёлтых ив, вошла в воду и отдалась течению...

Я чувствовала, что не желаю иной доли, как только течь неведомо куда вместе с этой тихой бесконечной рекой, наслаждаясь видом окрестных берегов, поросших весенними травами, глядя ввысь, в голубое небо, подставляя всё свое существо прохладе дождя и ласке ветра.

Но река неожиданно кончилась.

Она впадала в океан. По океану я поплыла так же спокойно, как по реке, хотя его волны были довольно большими. Это путешествие было очень кратким. Как будто океан был продолжением реки.

Вдруг океан стал мелеть. Я обнаружила себя стоящей над невероятным гигантским водопадом. Океан обрушивался вниз, в неведомые глубины, с неописуемым грохотом – с огромной высоты. Там, внизу, был смутный водяной сумрак, мириады водяных брызг. Первым моим желанием было стечь вслед за потоком воды в эту глубину. Однако я решила повременить, поискав иную дорогу.

Как будто кто-то помог мне – выстроил аккуратный путь из белых гладких камней, напоминающих не то агат, не то кахолонг. Камни выступали из воды, текущей куда-то по плоскости вперёд. Этот путь вёл прямо.

Впереди трепетала туманная область, и там, за туманом, поблёскивали звезды. Что-то тихо дышало впереди.

Я пошла по камням, периодически соскальзывая в воду, благо было мелко.

Камни порой исчезали и пропадала вода, и тогда я двигалась словно в пустоте. Перепрыгивала с камня на камень, почти перелетала. Я чувствовала дыхание бездны. Она была сокрыта, но безошибочно угадывалась всеми органами чувств.

3. Появилось солнце. Оно быстро поднималось из-за линии горизонта, заливая всё сиянием своих лучей. Солнце было огромным, ало-золотым, оранжево-пурпурным. Его свет был живым и горячим. Я приблизилась к нему почти вплотную.

Его горячее дыхание обжигало лицо. Мне казалось, что я расплавлюсь.

Но мне даже хотелось этого, я не желала возвращаться в выгоревший мир лесов и полей. Я хотела раствориться в солнечном блеске, в сиянии его славы, стать его лучами, эманацией его энергии. Дорога под ногами исчезла.

И тут я вспомнила о ветре. Ветер подхватил меня и понёс по воздуху. К солнцу. Передо мной была золотая вода, окрашенная восходящим солнцем. По воде ко мне плыла старинная ладья, украшенная причудливыми узорами. Она была доверху заполнена драгоценными камнями всех размеров и сортов. В каждом камне жил мир. В одном камне я обнаружила большой оживлённый город. В другом – базар сродни восточному. Я могла бы долго сидеть на неведомом берегу, перебирая камни и наслаждаясь их огранкой и глубиной цвета. Но я отправилась дальше.

Оставалось только влиться в солнце, что я и сделала. Я оказалась в глубине солнечного сияния. И словно проскользнула сквозь, оказавшись в мире ярко-синих, сапфировых эманаций. Здесь не было никого и ничего. Просто сапфировое густое мерцание. После него, словно нитка в игольное ушко, я проскользнула в мир белого сияния. Он был так же ярок, как и предыдущий. Ощущения были нейтральными¹⁶.

Однако вскоре я заметила, что нахожусь в обычном земном лесу. Была весна, и светило солнце.

¹⁶ При анализе этого описания можно чётко вычлениить три юнговские «алхимические» стадии: нигредо – стадия мрака, разложения – видение снежной равнины; альбедо – вода, стадия очищения – видение райской реки; рубедо – огонь, стадия реализации – видение солнца.

1.3. Иерархия миров

Для удобства далее я воспользуюсь той классификацией миров, которая приведена в книге «Восхождение в Сферу Разума».

Так, в описанном выше путешествии чётко просматриваются последовательные восприятия, характерные для миров стихийного, эфирного и астрального.

Теперь я приведу описания обитателей разных миров в изложении Маркуса¹⁷, разложив их по этой же шкале.

Стихийная сфера

Шалемы

Есть в природе особые места, в которых словно бы обитает некий мощный дух. Такие места в сновидениях часто предстают в необычном виде – они оказываются как бы входом в особое место, вверх или вниз. Часто там наяву – странное дерево или привлекающий внимание камень. Если заночевать в таком месте в одиночку, можно получить много интересных впечатлений, пугающих или не очень, но в любом случае таинственных. В сновидении есть возможность встретиться с «обитателем» этого места. Он может предстать в виде странного животного либо старичка-лесовичка или кого-то в этом роде. Иногда влияние места настолько сильно, что странные тени можно увидеть воочию (в основном ночью). Мир этого духа видится пустынным и как бы каменным – даже дерево, если оно стоит в этом месте, кажется созданным из камня. Причём реален мир этот только в данном месте, по мере удаления от которого (в сновидении) его плотность стремительно тает, пока не оказываешься в ничто междумирья.

Таких мест довольно много в окрестностях Самары, откуда я родом, на Самарской Луке, в Сокольих и Жигулёвских горах.

Элаи

Элаи похожи на шалемов, но они подвижны и не привязаны к одному месту. Более близки к животным, тогда как шалемы будто бы разумны.

Размеры их в сновидении или «сновидении наяву» варьируются от бабочки до шкафа, но чаще они ростом с кошку или среднюю собаку.

В дикой местности присутствие элаев ощущается намного сильнее, чем в обжитой людьми. Их можно увидеть в лесу, в холмах, степях или скалах. Их мир похож на мир шалемов. Он лишён растительности, а в небе отсутствуют звёзды и солнце.

Луна имеется – серебристо-белая, более яркая, чем наяву. Кроме элаев в их мире, кажется, обитают ещё некие существа, похожие на светлячков.

Когда ночуешь один в диком месте, мир элаев становится близок, они словно бы изучают тебя некоторое время и скрываются прочь, особенно если сидишь тихо и бодрствуешь, например медитируя.

Некоторые древние чащи или ущелья, кажется, просто кишат ими. Это выражается в том, что здесь мы ощущаем некую заколдованность окружающего, некое таинственное и диковатое присутствие. Холодок по спине.

¹⁷ Названия существ и миров в этом рассказе главным образом заимствованы в «Розе мира» Даниила Андреева. Подробнее об этом в книге Павла Самарцева «Стихийная йога».

Манику

Это мир, в котором обитают домовые. Видится как странная изнанка нашего жилья, в котором мебель словно скалы. Всё в серых тонах.

Сами домовые, или манику, похожи на элаев, но как бы домашние. Хотя в метро и подобных помещениях обитают более дикие их собратья. Если какая-то вещь сдвигается в нашем мире, она исчезает в мире манику и проявляется там лишь через некоторое время.

Людей они видят, только если те долго находятся в неподвижности. За пределами нашего дома их мир кончается.

Индустриальные миры

Оренбургский газоперерабатывающий завод в своей изнанке предстаёт как странный пейзаж-антиутопия с некими серыми циклопическими развалинами и совершенно безжизненной землёй с пробивающимися тут и там ядовитыми испарениями, гейзерами и горячими лужицами.

Питер.

В этом городе изнанка чувствуется мощно. Мрак почти физически ощутим везде, настолько, что, кажется, исчезни отсюда все люди – и город будет продолжать жить особой призрачной жизнью тьмы. Люди здесь вообще словно бы лишние со своим муравьиным копошением.

Совершенно непонятно, что же обуславливает это ощущение. Старые дома? Они есть и в других городах, но там этого ощущения подступающей изнанки нет. Фактически нигде больше это чувство не проявляется столь остро. Когда идёшь по улицам Питера, особенно вечером, почти явственно преследует эффект двойного зрения: физические глаза видят одно, а воображение достраивает как бы параллельную картинку, соответствующую вышеописанному.

Некоторые районы, вроде деловых центров или новых окраин, отмечены этим чувством не так сильно. Но старые улицы, наподобие тех, что отходят от Невского проспекта, погружены во мрак особенно сильно. То же можно сказать и об исторических местах вроде Сенной площади, Исаакиевского и Казанского соборов. За ними мерещатся целые сумрачные миры со своей жизнью. И вот в сновидениях ты уже бродишь по этим мирам, по этой изнанке.

Мурохамма и Арашамф

Есть особый слой (или мини-сакуала¹⁸ слоёв), в котором живут стихии, связанные с лесом во всех его проявлениях. Даниил Андреев назвал эти слои Арашамф (слой стихий лесов) и Мурохамма (слой стихий подлеска). В этих мирах живут души некоторых деревьев (насколько я могу увидеть, не всех). Бывает, что лес почти сплошь состоит из таких деревьев, связанных с Арашамфом, но слишком часто это лишь лесопосадка, в которой Арашамф или Мурохамма робко просвечивают местами, а деревья, связанные с Арашамфом, встречаются всего один-два на всю посадку. Как правило, это самые старые, «реликтовые» растения. Тем не менее даже искусственные лесопосадки имеют тенденцию с возрастом всё больше «проникаться» Духом Леса.

¹⁸ у Андреева, группа связанных между собой миров.

Даниил Леонидович¹⁹ часто описывал слои почти с фотографической точностью. При полном погружении, находясь в снопоподобном состоянии, действительно оказываешься словно бы в сердце некоего огромного медленного зелёного пламени – тихого, прохладного и тёплого одновременно, живого и осязаемого как Нерукотворный Живой Храм. Передать эту нездешнюю чистоту и благоговение очень трудно, потому что в повседневном мире людей аналогов таким чувствам нет.

В этом «пламени» отдельные «языки» – это отдельные стихии-деревья. Некоторые из них проявлены в довольно плотном виде – этот «язык» более явственный и чёткий, другие проявлены меньше, иные же – совсем слегка. Но само пространство здесь пронизано этим нежно-зелёным ароматным сиянием, и чётких границ между отдельными стихиями здесь нет.

Иногда на закате и восходе это зелёное сияние приобретает золотистый оттенок, ночью же всё вокруг погружается в густую прохладную тьму, дающую ощущение уюта. Во тьме этой снуют небольшие создания, чем-то похожие на светлячков, – тёплые зелёные огоньки, живые искры, проносящиеся в этом пространстве, играя друг с другом.

Да, в этом мире обитают не только большие древесные души, но и существа более скромных размеров. Иногда летом в кроне деревьев мы можем видеть кусочки пространства, в котором лесные стихии просвечивают более отчётливо. Часто в этом месте летают насекомые в лучах пробивающегося сквозь листву света, кружатся, не желая оттуда улетать, словно заключённые в невидимую банку. Эти насекомые как бы играют с такими вот миниатюрными созданиями из лесного мира. Говоря «играют», я отдаю себе отчёт, что это слово лишь передаёт некое ощущение. Истинные взаимоотношения этих существ для меня остаются загадкой.

Если в этих струях энергии и сознания начинаешь погружаться вниз, то сияние лесного мира начинает уплотняться и вот ты – в густой Мурохамме.

По весне в струях этого пламени видны бело-синие искры-просверки энергии, концентрируясь там, где в нашем мире у деревьев находятся распускающиеся почки. Вот лёгкий щелчок – как, бывает, потрескивают разряды статического электричества – и энергия начинает истекать, заставляя материю в Энрофе²⁰ выстраиваться, деля клетки, двигая соки, – из почки проглядывает новый нежный листок.

Осенью же наблюдается постепенное замирание жизни в этом мире, дающее на прощание завораживающий танец стихий, который в Энрофе выражается в виде листопада...

Однако есть и Тёмные Деревья. Их можно узнать сразу: они выглядят зловеще, угрожающе и растут, как правило, недалеко от оврагов и расселин. Я не имею опыта сближения с такими существами, поскольку всегда почитал за разумное держаться от них подальше, чувствуя в них трансфизическую бездну. Колдовские, морочные деревья...

<...> При созерцании подлеска постепенно начинается отождествление с ним, с молодыми деревьями, начинающими свою многовековую неторопливую жизнь, тянущими к солнцу нежные листья, играющие с ветром. Появляется чувство растворения, уюта, нежного безмолвия... Словно бы густо-зелёные волны, в которых ты перестаёшь чувствовать тело, окатывают тебя – и вот ты там уже полностью, будто погрузившись в сон.

Реки и моря (Лиурна и Вланним)

Каждая река (речка, ручеёк) обладает светлой душой, поток вод её – лишь слабое отражение того, что можно увидеть в её запредельном мире – мире, в котором живёт её суть. Одна

¹⁹ Андреев.

²⁰ Физический мир в терминологии Даниила Андреева.

большая «душа» реки составляет как бы среду, в которой, словно в уютном одеяле, живут стихии-малютки, которых несметное множество. Одни предпочитают самые приповерхностные слои вод, насыщенные солнечным светом, другие же больше стремятся к прохладной глубине, третьи тяготеют к мелководью и берегам. Некоторые животные тесно соединены с такими стихиями и часто словно бы играют с ними. Таковы речные стрекозы, рыбы, планктон. И сама эта игра является великолепным аспектом-проявлением стихийного мира, который можно созерцать бесконечно.

Кроме того, реки очень разные. Прежде всего, это связано с окружающими и сопутствующими стихиями, а также с влиянием человека.

Например, тихие небольшие равнинные реки средней полосы, которых не коснулось заболачивание, в чьих водах полощут свои ветви плакучие ивы, а в июне поверхность несёт тополиный пух, являют собой чистые воплощения светлых речных стихий Лиурны.

Реки крупные и древние, как например Волга, – это совершенно грандиозные существа, к свечению которых часто может примешиваться большее или меньшее влияние Ганникса²¹; особо это касается глубин, куда слабо проникает солнечный свет. Кроме того, такие реки имеют отражение в горных мирах, что накладывает свой завораживающий отпечаток. Но существуют они и в слоях, которые чаще всего для нас ассоциируются с инферно, то есть как бы имеют «тёмные отражения». Воды их там мертвы как сама смерть, и человек с определённым складом натуры может провалиться вниз по дороге такой Реки и проснуться в аду. Физическое тело его, скорее всего, не найдут. Оно утонет в ночных водах. Каждый год только на Средней Волге официально тонут несколько десятков человек. Из них наверняка несколько стали жертвами такой невольной практики, например приняв галлюциноген или алкоголь и оказавшись во власти трансфизической воронки. Они идут купаться в ночной реке и внезапно оказываются в безбрежном чёрном пространстве, и берега не видно, и ставшая вдруг ледяной вода равнодушно и хищно расступается под ними и гасит последний крик о помощи...

Хотелось бы также немного развить тему озёр. Эти существа невероятно разнообразны. Есть озёра, полностью поглощённые Ганниксом – миром тёмных стихий трясин. Большинство же отмечены им лишь частично, иногда в очень малой степени. Его присутствие, как правило, выражается в застойности и заболоченности озера. Есть озёра, глядящие в Небо; есть тихие небольшие озёра, на берегу которых хорошо сидеть в безмолвии. Общение с поглощённым Ганниксом озером может быть довольно опасным, особенно если в этой практике мы зайдём далеко. Здесь нужно полагаться на чутьё: если, посидев на берегу озера или реки, вы почувствуете любое внутреннее напряжение и своего рода душевную истощённость, раздражённость или угнетение, – лучше уйти с этого места как можно быстрее. Такие озёра часто соединены с инфрафизическими (термин Д. Андреева) трясинами, настоящими воронками, затягивающими в бездну. По-видимому, в этом случае заражение стихиями Ганникса скорее вторично по отношению к подобному рода воронкам. Присутствие в таких местах может быстро разрушить чувствительную психику или как минимум отразиться на ней не самым благоприятным образом и даже привести к физической смерти.

Стихии Ганникса, вообще-то, присутствуют почти во всех более или менее крупных или заболоченных равнинных реках (в горных же – свои особенности), даже в таких светлых и чудесных, как Волга. Они держатся ближе ко дну, куда солнечный свет проникает слабо, либо же в тёмных и стоячих заводях. Среди них встречаются весьма хищные особи, по «характеру» схожие с древними болотными рептилиями, и ночью они активизируются.

²¹ Маркус: Это мир трясин и непроходимых зарослей. Предстает в виде как бы густого сплетения живых, покрытых илом роней или огромных червей, бесконечных по протяженности.

Из «инопланетного»²² (фактически описываются «Ледяные горы»)

Мир, который я связываю с каким-то из ледяных спутников планет-гигантов.

Однажды, лёжа в полусне посреди замёрзшей Волги в спальном мешке, засыпанном снегом, я видел, возможно, мир совершенной зимы: он полностью состоял из льда и там были только звёзды, а Солнце – далеко и похоже на яркий фонарь над близким горизонтом...

И было там даже нечто вроде снегопада. Извергающиеся колоссальные гейзеры медленно-медленно оседали кристалликами-снежинками в почти безвоздушном пространстве. Происходило это в полном безмолвии, и одновременно каким-то глубинным слухом слышался тонкий кристаллический и в то же время живой звон.

Эфирная сфера

Мир четырёх владык²³

По субъективным ощущениям этот мир «выше» нашего. То есть, чтобы его достигнуть, нужно некоторым образом «подняться» в сновидении над нашим миром, преодолеть своего рода барьер, который часто оформляется нашим умом в форму банального потолка, и после этого, через какое-то время полёта, требующего всё больше усилий, словно Земля начинает притягивать тебя всё сильнее, вдруг выныриваешь в этом мире.

Первое, что бросается в глаза – свет здесь не слепит, хоть и вполне ярко. Краски как бы слегка пастельные, а очертания предметов нечётки. Но не так, как бывает при миопии, а иначе. Кажется, что каждый предмет здесь больше чем просто предмет. Сквознение иных миров настолько отчётливо, что придаёт окружающим предметам некий оттенок эфемерности или, скорее, многослойности. Каждый камень здесь не просто камень, а Камень, и река не просто река, а Река.

Более всего по ощущению (но не по форме) картины Мира Четырёх Владык напоминают наши ландшафты ясным днём в начале мая или ранним погожим летним утром. Но в Мире Четырёх Владык всё просто-таки состоит из той благодати, свежести и лёгкости, которые у нас в такие моменты лишь угадываются и, собственно, делают их столь чудесными.

Вода в Мире Четырёх Владык живая. Это трудно описать, но когда там смотришь на воду, то чётко знаешь, что и она смотрит на тебя и знает о тебе. Ещё ощущение лёгкости воды. Она не жидкая и не мокрая, а словно бы сгустившаяся энергия светящегося стального оттенка. На закате или восходе она приобретает оттенок более золотистый, в другие моменты можно уловить зеленовато-голубой, или чисто-голубой, или же бирюзовый. Третье: Река там чётко ощущается как Великий Поток, идущий сквозь миры и слои, связывающих миллионы времён и судеб, Поток, в который можно уйти навсегда. Индийская традиция обожествления Ганга становится совершенно понятной.

Этот мир почти не отделён от миров стихий.

Море в Мире Четырёх Владык живое, интенсивно-синее, будто состоящее из лазурного свечения. Его я видел только один раз. Помню, что в том месте ещё возвышались из моря блестящие, абсолютно чёрные скалы, похожие на базальтовые столбы, высотой около пятнадцати метров над водой. Были они словно не из этого мира...

²² Космические образы, как правило, возникают на переходе в эфирную сферу. – М. А.

²³ Калька буддийского термина Чатурмахараджика. В данном случае используется в авторском значении.

Тут и там этот мир несёт следы неких катаклизмов, выглядящих, словно затянувшиеся раны или следы термоядерных взрывов. Причину их я понял позже. Расскажу сначала об обитателях этого мира.

Он густо населён, причём рас – множество. Из тех, что мне удалось зафиксировать, это:

1) Обитатели вод, подобные русалкам.

2) Небольшие существа, похожие на гномов или хоббитов.

3) Небольшие летающие существа, похожие на классических эльфов.

4) Мощные существа, подобные богам. Все остальные здесь им подчиняются. Они великолепны, благи.

5) Существа, больше всего напоминающие толкиновских вышних эльфов. Это – основная воинская сила здесь. А война идёт непрерывно.

Понять суть этой войны мне помог буддийский миф о войне дэвов и асуров. Где-то «ниже» Мира Четырёх Владык и как бы «сбоку», «выше» и «ниже» по отношению к нашему слою расположены миры асуров – могучих существ, главными характеристиками которых является склонность к гневу, гордости, воинственности и хвастовству, их интересуется власть и самовоздвижение (хотя назвать их демонами, то есть существами, живущими хищничеством или паразитизмом, было бы неправильно).

Так или иначе, асуры находятся в состоянии войны с обитателями нескольких миров, обитаемых дэвами. Именно эта война и наложила отпечаток на Мир Четырёх Владык. «Вышние Эльфы» убеждены, что сражаются за правое дело, асуры – тоже. Так всё и продолжается.

Но кроме дэвов, асуров, людей, животных-растений, демонов и узников ада, есть ещё одна категория существ, названная в буддизме арьями. Так же их привык называть и я. Это существа, идущие путём познания и любви за пределы колеса рождения и смерти. Они не участвуют в войнах, не пытаются никем управлять, не имеют родных миров. В уже существующих мирах они создают анклав для целей помощи местным обитателям, а также, для той же цели, создают Чистые Земли. Есть в Дэвалоке²⁴ миры, полностью приспособленные и трансформированные под деятельность арьев.

Присутствуют арьи и в Мире Четырёх Владык. Но их особенность такова, что почти никто из местных жителей их словно бы не замечает. Тихо сидят они на берегах рек или на склонах гор, лёгких, словно бы прозрачных. Тихо проходят они куда-то. Совершают некие совместные действия. Появляются и исчезают. Их деятельность направлена только на постижение сути бытия, на уменьшение страдания всех живых существ и на помощь им в пути познания и любви.

Астральная сфера

Файр

Называю этот мир так, потому что он чем-то напоминает описанный Даниилом Андреевым Файр.

Это похоже на то, как если бы ты оказался среди полярного сияния, в сердцевине, причём полярное сияние довольно яркое, но одновременно нежное, и ещё оно живое, словно идёт из других миров. Это волны живого света. Иногда они похожи на огромные цветы, или облака, или волны. И ещё эти волны осязаемы, потому что ты сам состоишь там примерно из такого же материала, разве что несколько более плотного.

²⁴ Т.е. мирах богов.

Цвета – зелёный, золотистый, голубоватый, алый. Эти превращения света можно созерцать бесконечно. Интенсивность может меняться, но каких-то искр или сполохов не видел. Восприятие там не разделено так, как у нас: у нас есть разделение между зрением и слухом, например. Там же свет можно слышать и осязать.

Эти волны не бездумные. Они не то чтобы разумны сами по себе, а являются проявлением разума, суммы мириад сознаний Дэвалоки. Там нет разделения на «мой» и «не мой» разум – он единый при сохранении индивидуальности.

И ещё там само бытие ощущается иначе. Возможно, это связано с тем, что время воспринимается по-другому. Там всё происходящее многослойно, и, вспоминая, трудно сказать, быстро ли происходило что-то или медленно. И в каждое событие можно углубляться до бесконечности.

Например, то, что на каком-то уровне воспринимается как волна света, оказывается отражением некоего события в одном из высших миров или группе миров. Ты вглядываешься и всё больше проникаешь в суть этого события, видишь всё больше деталей и взаимосвязей и по этим взаимосвязям переходишь к другой волне и видишь, как они соединяются в узор, и так далее.

* * *

По сути, не имеет принципиального значения, «где» расположены эти «миры»: в «окружающей реальности» или «внутри сознания». Не имеет по той простой причине, что «окружающая реальность», с которой мы имеем дело, также не «объективное отображение», а проекция нашего мозга – отсеивающего, рецензирующего, конструирующего виртуальный образ внешнего мира.

В данном случае мы тоже имеем дело с определённой феноменологией, образами, к которым можно возвращаться, с которыми можно взаимодействовать и которые (пусть не в точности так же) могут быть увиденными и другими людьми при следовании определённым указаниям, владении определёнными навыками или чисто случайно. И которые, несомненно, обладают значимостью для самого созерцателя и важны на его индивидуальном пути, а воплощённые в произведениях культуры – и общей значимостью.

Не надо, однако, думать, что восприятие «иных миров» ничем не отличается от «обычного», что сам наблюдатель может осознавать там себя «предметом среди предметов». Уровень «субъективности» восприятия там, безусловно, нарастает. Эти «миры» «настраиваются» на конкретного психонавта, и чем глубже он заходит, тем в большей степени. Описываемые «сферы»²⁵ – это определённые области восприятия с определёнными параметрами такой сонстройки.

Восприятие «стихийных сфер» даёт образы, довольно близкие по характеристикам восприятия образам привычной реальности. Возможности как-то «повлиять» на них невелики и требуют совершения определённых действий, пусть и не таких, как «здесь», а больше напоминающих магические практики. В то же время ощущается большая близость их к земным реалиям. У этих миров нередко есть конкретные «земные» координаты, они «накладываются» на физические ландшафты и объекты или являются их версией. Или же напоминают «альтернативный мир», отличный от «земного» по ряду параметров, но не радикально.

²⁵ Сферы здесь, разумеется, надо понимать не как математические, не имеющие «толщины», а вроде метеорологических, таких как гидросфера, атмосфера, стратосфера... Т. е. как определённые «слои» мироздания, всё менее «плотные» по мере удаления от земли.

«Эфирная сфера» уже имеет меньшую «плотность», большую «прозрачность», «восприимчивость» – способность «откликаться» на действие или намерение. Образы, связанные с ней, более «архетипичны», воспринимаются как символические, «многомерные». Нередко они связаны с культурными и религиозными традициями. Несомненно, здесь можно «собирать миры», практически в точности соответствующие описаниям священных текстов различных религий. Но сам момент такого «собрания», «отзывчивость» наблюдаемого на культурно обусловленный «запрос» обычно наблюдателем не рефлексировается.

«Астральные» восприятия нередко абстрактны и ошеломляют скорее своей «многомерностью», сложностью, нечитаемостью, выходом за пределы привычного опыта, «перенасыщенностью». Только позже, после долгой практики «настройки», здесь появляются «миры» – области с устойчивыми характеристиками, необычайно «мощные», пронизанные ощущением значимости, но ещё более «субъективные», то есть настроенные на конкретного наблюдателя, открывающиеся таким образом именно ему (при сохранении архетипической общезначимости, единства по смыслу в разнообразии явленных форм).

Картины, видимые путником, зависят от множества факторов: его личной биографии, готовности, мистического опыта, культурного багажа. Но в не меньшей степени также от направления движения. Выбор стороны света имеет здесь нередко ключевое значение. Точно так же верно и то, что открывающаяся картина мироздания будет скорее соответствовать архаичным мифологическим представлениям о мире – с Мировой горой, небесными сферами и т. д., чем современной научной картине мира.

Глава 2. Стороны света

«Шаманские» путешествия по сторонам света задействуют значительнейшие пласты информации об «иной реальности», обычно малодоступные при движении «по вертикали». «Сферы» при этом также последовательно пересекаются, однако открываются их аспекты, связанные именно с заданным архетипическим направлением.

2.1. Маркус

Всё зависит от того, куда ты направляешься и куда ты обращён лицом. То есть даже если долго пройдёшь на Восток, то, как только повернёшься лицом на Запад, сразу начнётся Запад.

Север

Сначала идёт город²⁶. Он как бы освещён луной, но её я не вижу. Улицы залиты жидкой грязью, кое-где видны некие фигуры. Лечу дальше.

Край города. Справа огромный обрыв, но прямо по курсу – горная гряда. Перелетаю её.

Подо мной обширные земли, населённые какими-то чудовищами. Светящиеся белым глаза смотрят на меня снизу, провожая взглядом. Немного снижаюсь, чтобы посмотреть, как они будут себя вести: атакуют, но достать не могут. Лечу дальше.

Ещё одна горная гряда²⁷. За ней тёмная равнина, будто покрытая пеплом. Она кажется необитаемой, но на самом деле там живёт нечто мощное, быстрое и невидимое. Меня оно не замечает.

Постепенно эта равнина переходит то ли в чёрную водную гладь, то ли в чёрную равнину. Лечу над ней и дважды вижу некие города внизу – магические и сильные, как острова света в пустоте. Близко не подлетал, был на большой высоте, но знаю, что там живут могущественные существа, не хищные, но и не блаженные.

Оказываюсь в абсолютной тьме и пустоте. Это пустота покоя. Продолжаю лететь «вперёд», потому что чувствую, что ещё есть куда. Постепенно появляются как бы синие предрассветные сумерки, которые резко, будто переидена некая граница, сменяются белым ясным светом.

В целом не очень представляю, как всё это пройти пешком и равнодушно.

После того как тьма кончается, вижу огромный белый город, светящийся изнутри²⁸, будто построенный из света. В его центре высокая башня, остальные здания плавно снижаются к периферии. Это – город Отрешённости.

Этот огромный город-пирамида по ощущениям больше всего похож на тибетский монастырь, только не архитектурой и не так, как это бывает у нас, а как бы являясь небесным воплощением. Полная сосредоточенность и отрешённость. Слышно пение мантр. Ощущается присутствие мощных благих существ словно бы женской природы, окружающих Город своим полем защиты и заботы.

Он вызывает у меня ощущение чего-то абсолютно чистого и кристаллического. Как бы воплощение алмазного сознания. При ближайшем рассмотрении это даже не город, а огромный живой кристалл в пустоте. И он населён, то есть это не «существо», а средоточие существ.

Запад

Сначала – город. Похож на обычный летний вечерний город. Но людей не видно. Отдельные деревья и, типа, микрорайоны.

²⁶ Путешествия начинаются со стихийной сферы, а именно со «сферы земли». Это наиболее приближенная к реальному земному окружающему ландшафту область, «сновидческий дубль» реальности. У Маркуса это «город». Рубежи, отделяющие его, – река или горная гряда. Река — наиболее характерный архетипический образ рубежа «сферы вод».

²⁷ Вероятно, граница эфирного слоя.

²⁸ Переход в астрал.

Далее река, метров двести пожалуй.

За ней виднеется стеной лес – мощный и древний. Небо вроде бы грозовое, но в лесу тут и там видны падающие столбы золотого, как бы солнечного, света. Перелетаю реку. Лес насыщен магией. Это бесконечные холмы с ручьями и озёрами, полные странных существ, и постоянно золотистый свет тут и там.

Чем дальше на запад, тем светлее становится. Лес всё более прозрачный и лёгкий²⁹.

В конце концов – как бы край мира. Огромный склон горы или холма стеной, похожий на гигантскую застывшую волну земли. Лечу вдоль неё вверх. Никакой вершины там нет, вместо этого всё исчезает, остаётся лишь ослепительный бело-золотой свет в чистой голубизне. Исчезает ощущение тела.

Долго я пролетал «дивные леса и озёра», считая их чем-то неинтересным. Потом я решил уделить внимание тому, что казалось неинтересным, и спустился вниз. Оказалось, что в этих лесах на подступах к Стене есть подземный тоннель, ведущий наверх, на плато за Стеной. В нём темно, он постепенно поднимается вверх.

Когда он кончается, внезапно вокруг распаивается плато³⁰, словно бы полностью состоящее из сгустившегося солнечного сияния. При продолжении движения на Запад по этому плато передо мной встаёт уже знакомый мне Золотой Дворец – обиталище Золотого Существа. Причём, как бы я ни отклонялся – вправо или влево, Дворец всё равно преградит мне путь. И вот я опять во Дворце. Золотое Существо сидит на своём троне, за ним – проход в Свет. Я спрашиваю Существо, как мне пройти дальше, в Свет. Оно молчит: кажется, подразумевается, что я сам должен это понять.

Сотканный из света город-равнина на самом деле плоский лишь из-за обмана зрения. Более внимательное рассмотрение мгновенно разворачивает плоскость в объём, и вот это уже нечто похожее на громадных размеров древесную крону, всю будто состоящую из светящегося золотом стекла. Крона полна жизни: в ней множество локальных миров-комнат или дворцов. Я вижу как бы огромные светящиеся ветви с подобиями жилищ, тут и там – фигуры, созерцающие распаханную перед ними сияющую бездну. Золотое Существо – где-то у самой вершины этой кроны.

Юг

Юг дался мне труднее всего в плане картографирования и вообще. Сначала это была выжженная местность, как после ядерного удара. Развалины, ни травинки. Пыль. Преобладающий цвет – красновато-коричнево-жёлтый. Эта местность длилась довольно долго.

Она оборвалась пропастью или, точнее, огромным каньоном, на дне которого была вечная тень, но там ощущалась река, кажется текущая с запада на восток. На противоположной стороне каньона были то ли горы, то ли просто повышение местности.

И вот с этого места начинаются трудности³¹. Там у меня что-то случилось с восприятием и я не мог разглядеть ничего конкретного и толком управлять полётом тоже не мог, ориентация в пространстве сбила. Всё подавляло багряно-золотое огромное царственное божество-светило. В итоге осталось только это сияние.

Позднее была увидена огромная башня из золотого света, полная людьми (их присутствие я угадываю скорее интуитивно, поскольку все они буквально купаются в этом сия-

²⁹ Здесь, похоже, и расположен описанный выше эфирный «мир четырёх владык» — мифографически он соответствует Западному континенту.

³⁰ Переход в астрал.

³¹ Переход в астрал. На юге мифографически самый короткий и самый трудный путь туда. Поскольку наш обычный мир – Джамбудвипа – расположен именно на юге мировой мандалы и дальше уже сразу «край мира» – переход в астральную сферу.

нии), относительно которых у меня возникает ассоциация с суфиями. Надо всем этим распротёрло свое сияние Мегасолнце, а люди эти пребывают словно в постоянном празднике, видимо отсюда ассоциация с суфийским сэма: слышна музыка, напоминающая суфийскую, и общий настрой очень похож. Я могу различить что-то похожее на барабаны, на литавры, ситар, флейты и громкий тысячеголосый зикр.

Восток

Город в этом направлении быстро сходил на нет, безлюдел и переходил в бескрайнюю степь с выжженной на солнце травой. Но там не было зноя, в целом атмосфера вполне приятная. Степь абсолютно пустая и безлюдная. Кое-где виднелись невысокие холмы или овраги, даже какие-то заброшенные постройки и выбеленные солнцем и ветром кости неведомых существ. Покой и уединение.

Потом появилась гряда невысоких гор³². По ощущениям это та же горная система, что я видел, когда летел на север. Но там горы были скалистыми и неприступными, а здесь довольно пологими и старыми. За ними местность разительно изменилась: ярко-зелёные цветущие равнины, реки и озёра. Всё это уже носило отчётливый «просветлённый» характер.

Кое-где стояли отдельные храмы, а однажды я пролетел над довольно большим белокаменным городом на круглом холме.

Почти все здания в нём были храмами.

Чёткие формы, яркие краски, горы, равнины, покрытые нежно-зелёными травами, спокойные реки, белокаменный величественный город на высоком холме, почти горе. Похож чем-то на толкиновский Минас Тирит. В городе, кажется, и не живут вовсе в обыденном смысле – там практически одни храмы, чем-то напоминающие мечети: купола, что-то похожее на минареты. Люди в свободных белых одеждах ходят, сидят на ступенях, словно бы постоянно пребывая в молитве или медитации.

Повсюду идут богослужения и духовные практики, похожие на наши, нечто среднее между исламскими совместными молитвами в мечетях и христианскими литургиями. Но нет никакого богатого убранства – всё вроде бы простое и белое, но кажется, что это какая-то особенная, святая и древняя, белизна. Всё очень чисто. Этот холм с городом стоит на берегу довольно большого озера, размером километров 5—10. Вся атмосфера города такова, что можно сидеть на ступенях его храмов целыми днями, созерцая восходы и закаты, ощущая касания ветра и ароматы степей, долетающие из просторов.

Это – один из анклавов арьев, здесь люди этого континента могут заниматься духовной практикой под руководством арьев. Иногда один из практикующих начинает излучать интенсивный свет и как бы весь переходит в излучение, уходя из этого мира.

По мере продвижения дальше на восток местность становилась с всё большей прозолотью³³: как будто всё начало светиться изнутри золотым светом. Над горизонтом появилось солнце, будто воплощённое божество. И даже не «будто», а так и есть – оно и было воплощением божества.

Затем произошёл некий качественный скачок³⁴ – не очень чётко уловил, как это произошло. Похоже, было там нечто вроде огромной ступени, резкого повышения местности. И там тоже была равнина, но она сплошь состояла из золотого сияния, а солнце было здесь

³² Маркус: Иногда рубежом здесь является река.

³³ В восточной стране у Маркуса переход от стихийных сфер к эфирным происходит незаметно.

³⁴ Переход в астрал.

огромным. Сплошь переливались сиянием какие-то вроде бы строения наподобие храмов и прочего. Но всё это сплошь из сияния. Дальше остался только свет.

Восточная область между «хребтом» и «уступом», описанная Маркусом, имеет прямое отношение к тому, что в мифологиях называется «континентами», кеиварами и т. д.: речь идёт о «параллельных», более счастливых, человечествах, не покидавших золотой (или серебряный) век. Сам Маркус назвал этот «континент» Олирной.

М. А.: Расскажи о нём подробнее.

Долгое время я отождествлял с Олирной сразу три мира: Мир Четырёх Владык, тот мир, о котором сейчас пойдёт речь, и одну из чистых земель. Однако после более подробного анализа, проведённого с твоей помощью, я дифференцировал эти три мира и чуть позже убедился в правильности выводов.

Олирной Даниил Андреев назвал мир, ближайший к Энрофу, то есть к физическому миру. Слово «ближайший» в данном случае означает, что его от нас отделяет наиболее тонкий барьер восприятия из всех светлых миров. Именно этот мир обычно ассоциируется у нас с раем.

По сути, это то, что некоторые называют сейчас «параллельными мирами», а в буддийской мифологии называли Континентами. Континенты Шаданакара населены людьми либо животными. Олирна – это один из Континентов буддийской мифологии. Андреев писал, что в Олирну он попал после предыдущей смерти и встретил там своих ранее умерших родственников. Однако я таких сведений не имею, умерших родственников там не встречал, однако допускаю, что это возможно. Опишу лишь то, что видел сам.

Это – настоящая земля без скорби. Тут не бывает катаклизмов, нет болезней и старости, растения дают изобильный урожай, достаточный для жизни, вода в ручьях и реках чиста и вкусна. Воздух всегда свеж, но в меру, не бывает здесь холода или жары. Краски насыщенные, очертания чётки. Даже пыли там нет. Природа очень красива, деревья царственны, цветы идеальны. Животных я не видел совсем. Никаких.

Живут там счастливые и беззаботные люди, относящиеся друг к другу с братской любовью. Живут они в светлых домах, все вместе, но, вообще говоря, проводят в жилище довольно мало времени. Я видел мужчин и женщин, все примерно одного возраста, лет тридцати – тридцати пяти на вид. Детей в Олирне нет. Одеты в простые одежды типа арабских гандур, но не из ткани, а из некоей нежно-белой субстанции, похожей на сгустившийся лунный свет.

Чем они вообще там занимаются целыми днями, я так и не понял. Видел, что они беседуют и играют, гуляют или просто сидят на берегу реки. Не чужда им и любовь в смысле нашей любви между двумя людьми, однако здесь она больше смещена в платоническую сторону, от которой, впрочем, местные жители получают тонкое и интенсивное удовольствие.

Например, они могут подолгу сидеть обнявшись и смотреть на здешнее небо, имеющее удивительный оттенок. И такое времяпровождение доставляет им большое удовольствие. Вообще, здешние люди очень заботливы друг к другу, легко касаются друг друга, смеются и играют.

Проявления более «высоких» миров, обитаемых «богами», здесь сильно упрощено и является довольно-таки обычным делом. Боги легко сходят сюда и общаются с этими людьми. Иногда это грандиозные существа, напоминающие некие грандиозные явления. Например, кто-то, похожий скорее на живой ядерный гриб, упирающийся головой в небеса, с голосом, подобным раскатам грома. Всё это, знакомое нам из мифологии, является здесь обычным делом.

В древности люди вообще, видимо, намного легче преодолевали барьер восприятия, отделяющий наш мир от иных миров.

Обитатели Олирны просто живут и, будучи очень чистыми, добрыми и светлыми людьми, не стремятся ни к чему. Им и так хорошо в этом их мире. Когда приходит срок уходить – а живут они в несколько раз дольше нас, – они просто ложатся в уединённом месте и тихо истаивают. Другие словно бы этого не замечают или не хотят замечать.

Новички же просто проявляются в Олирне – как изображение на фотоплёнке, чаще всего в позе эмбриона, но уже в одежде. Часто какое-то время они недееспособны – просто сидят и молчат, таращась вокруг. В этот период они становятся предметом всеобщей заботы. Их кормят из рук, гладят, разговаривают. Впрочем, общение здесь происходит в основном телепатически. Через какое-то время новичок осваивается, оживает, начинает понимать окружающих и, в конце концов, становится полноценным членом общества.

Есть там и арья. Арья – это все существа, идущие к просветлению, не в какой-то светлый райский мир, но за пределы всех миров.

В Олирне арья пребывают в своего рода анклавах, и местные жители, опять же, почти не замечают их. Арья заняты работой. Например, это своего рода рейды в ближайшие адские миры с целью извлечения оттуда страдальцев.

Эти страдальцы оказываются в повреждённом состоянии сознания и больше всего напоминают кататоников или паралитиков. Арья ухаживают за ними, но, как правило, спасённые не задерживаются надолго и опять проваливаются ниже. Однако даже этот короткий период пребывания в Олирне приносит в их существо отпечаток любви, зерно, которое с неизбежностью прорастает в дальнейшем.

Промежуточные стороны

Глянул на северо-запад. Там холодный каменный город, напоминающий Питер, упирается в холодное море либо очень большую реку. За ней земли: леса, полные древней и суровой магии. Северо-запад я бы назвал царством Одина. Именно там, за седой рекой, больше похожей на фьорд, в непролазных суровых дебрях в потайной долине можно найти мировое древо Иггдрасиль. Эта земля буквально накачана магией. Именно здесь Одноглазый висел вниз головой, добывая Знание. Это место подвигов и крови, земля Вальхаллы, земля Вечной Охоты. На самом деле, именно это направление для меня родное. Но оно тупиковое. Мне понадобилось много времени, чтобы это понять.

Северо-восток. Направление на северо-восток совпадает с большой рекой, текущей с северо-востока на юго-запад. На этой реке мало изгибов, она малолюдная. Правый берег состоит из отвесных или почти отвесных скал, не производящих, впрочем, мрачного впечатления. Там тихие леса и хорошие места для уединения. Левый берег тоже крутой, но не настолько. Там начинаются те самые степи, которые я видел на востоке. Дальше я не залетал³⁵.

³⁵ Дополнение: «С северо-востоком творится нечто странное. Ещё раз более подробно рассмотрел это направление. Во-первых, там действительно река. Прямая, шириной метров 50—100. Если смотреть на северо-восток, левый берег возвышенный, правый пологий. Протекает по безлюдной степной местности, по берегам деревья. С этой рекой всё непонятно: 1. Не ясно, где она начинается. Если двигаться из города на северо-восток, то на каком-то этапе словно бы проходишь какой-то барьер и дальше уже река. 2. Не ясно, в какую сторону она течёт. Раньше я писал, что на юго-запад, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что определить направление её течения я не могу. 3. Она вся находится в стихийном плане и никуда из него не выводит. Т. е. в этом направлении выхода дальше я не нашёл. По этой реке можно плыть бесконечно, так никуда и не приплыв. 4. Я писал, что эта река впадает потом в Большую Реку, но оказалось, что это не так. Никуда она не впадает. Особенность этого направления – абсолютное безлюдие. И животных тоже не видно».

Юго-восток. Степь, но сильно выжженная и искорёженная. Вдалеке виднелись чёрные скалы стеной. Дальше не полетел.

Юго-запад. За тёплыми зелёными землями лежит океан. Конца и края ему я не увидел. Вода живая, бирюзовая. Видел как минимум один остров. Условия на нём приятные, насколько я понял. Но более подробно не смотрел.

Однажды случайно начал движение на север из точки южнее города. Там было нечто вроде узкого морского пролива или залива, кишашего акулами и прочими подобными тварями. К северу появились берега, покрытые совершенно дремучими, непролазными зарослями. Там в залив впадала река, именно по ней я стал продвигаться на север. Через какое-то время вдали впереди я увидел многоэтажки – город.

Подземелья

Начну с того, что входы в подземелье поначалу встречаются часто на всех сторонах света. Но чем дальше, тем они более редки и находятся в укромных местах. Ближе к эфиру местный народ начинает активно заделывать проходы, кроме Севера. Именно через них осуществляют попытки вторжения асуры.

Подземелья Востока.

Стихийная область Востока чётко делится как минимум на две зоны: условно на дикую и окультуренную. В диких землях Востока входы в подземелья, как правило, заняты оседлыми чудовищами. Это в целом напоминает кастанедовских древних магов: посреди степи ты видишь нечто приметное, скажем какой-нибудь странный камень, подходишь к нему, видишь вход вниз. Заглядываешь туда и попадаешь под раздачу. Нападений три вида: либо шокирующее ужасом, либо некий соблазн, вплоть до какой-то красивой безделушки, либо нечто одурманивающее. Если это нападение преодолеть, дальше идут вполне обычные лабиринты, со всеми атрибутами. Ниже, конечно, есть ещё что-то, но я пока туда не лазал. В культурных же землях за появлением проходов вниз тщательно и, похоже, организованно следят. Закупоривают тут же чем-то вроде каменной кладки. Но периодически прорывы всё же случаются, судя по всему.

Юг.

Проходы находятся в пустыне, как правило обозначены чем-то приметным. Например, камнем, развалиной или, скажем, полуразрушенной статуей, как в одном месте. Это была статуя некой крылатой женщины. Лицо сбито, но в целом статуя оставляет собой хищное впечатление. Когда попадаешь в южный лабиринт, проходы сначала кажутся более безопасными, чем в других сторонах. Они более безлюдны, под ногами песочек (с костями, правда), тоннели довольно широки. Но всё же ощущение опасности сразу наваливается, как липкая плёнка, и здесь. И опять, как и повсюду в Лабиринте, эффект замкнутости: когда попадаешь в Лабиринт, он сразу замыкает на себя внимание и из него трудно выбраться.

Западные подземелья.

Имеют входы, как правило связанные с природными объектами: между корней огромных деревьев или в их дуплах, норы, пещеры. Почему-то здесь уровень опасности субъективно кажется ниже, чем в южных и тем более северных подземельях. Живущие здесь существа по большей части не слишком хищно настроены по отношению к человеку. Но, конечно,

опасность возрастает по мере углубления. Ещё одна особенность западных подземелий – они в земле. То есть стены, пол, потолок там из земли. Ближе к эфиру проходы становятся всё реже: заделывают. Дикий северо-запад полон проходов, и там опаснее.

При погружении вниз в западном лабиринте на определённом этапе вдруг обнаруживаешь, что естественное окружение становится искусственным: стены бетонные, везде какие-то коммуникации, работающие электроузлы и прочее. Всё старое, но живое. В этих тоннелях постоянно кто-то снуёт, словно рабочие, живущие здесь и обслуживающие технику. Так кажется на первый взгляд, но на второй видишь, что это не люди. Сознание их узко, тускло, агрессивно, но не очень хищно. Нападают они, только если почувствуют слабость. Ещё ниже расположены обширные пустоты, в которых умещаются крупные поселения, почти города. Здесь живут мощные человекообразные существа с достаточно развитым интеллектом и ещё более развитой обидчивостью или ревностью. Философия их такая, что они никому не дают спуска. Их одежды выделаны тонко, но они чёрные и из грубой материи или кожи. Чёрные гривы волос и бледная кожа. Оружие у них техническое, это какие-то машины и агрегаты. Именно они периодически пытаются прорваться на поверхность.

Северный лабиринт.

Это бесконечное переплетение подземных ходов-коридоров – бесконечное вширь, имеющее множество ярусов вглубь, и, насколько можно понять, ходы эти уходят в некую тёмную бездну.

Там вроде бы темно и в то же время откуда-то словно льётся тусклый мертвенный свет. Один раз я видел там некое существо, похожее на демона. Ростом он показался выше человеческого роста, серокожий, с двумя руками и двумя ногами, на спине – нечто похожее на два отростка, как обрубки крыльев. Голова имела по бокам два выроста, похожие на большие уши. Лица рассмотреть не удалось. Он распространял вокруг себя поле ужаса.

Кроме того, в лабиринте обитает множество мелких странных существ, довольно неприятных. Вообще, есть в лабиринте что-то от канализации, из которой невозможно найти выход. А также что-то от огромной системы давно заброшенных технических подземных помещений.

М. А.: Там ты ещё видел мир, который соотнёс с андреевскими шрастрами³⁶...

Как я понимаю, шрастры находятся под землёй. Но проход туда – на севере, через лабиринты.

Пробраться туда адски трудно, потому что лабиринты ядренеют не только к северу, но и вглубь. Трудность тут многосторонняя. Во-первых, лабиринт замыкает сознание на себе: оттуда трудно вырваться и, кроме того, теряется ориентация. Когда ты там, кажется, что есть только лабиринт. И понижение происходит незаметно. Во-вторых, там водится множество разнообразной «живности», из тех, что являются воплощениями всех наших кошмаров. В-третьих, там становится всё «теснее». Не знаю, как точнее описать это ощущение. Если кто-нибудь когда-нибудь застревал в узких ходах, к тому же полных опасных тварей и горячих, – что-то в этом роде. Только там это по большей части внутреннее ощущение.

³⁶ По Даниилу Андрееву, подземные миры – inferнальные изнанки существующих метакультур (цивилизаций). Связаны с имперской государственностью. Населены игвами – высокоинтеллектуальными, но бездушными демоническими существами, напоминающих по описанию НЛО-навтов.

Но на определённом этапе внизу вдруг распаивается пространство. С одной стороны, это вроде бы облегчение, но на самом деле – нифига: ведь, чтобы вернуться, тебе нужно опять пролезть через лабиринт, который тут вместо неба.

Если пробираться через лабиринт по чесноку³⁷, думаю, человек почти наверняка погибнет.

Так вот, распаивается огромное как бы дымное пространство. Видны оранжевые огни, какие-то титанические строения. Больше всего это напоминает, пожалуй, Мордор³⁸. В чисто визуальном плане.

Игвы действительно мышино-серого цвета, но в остальном они мне казались немного иначе, чем Андрееву. Например, по бокам головы у них скорее нечто вроде ушей. Глаза их я так и не разглядел, но они есть. Вообще лиц я не рассматривал. Они довольно высокие, стройные. В их движениях есть некая сила. От них веет ужасом. Я видел их ещё в лабиринтах. Они там появляются, чтобы поохотиться ради развлечения.

Строения огромные, как бы из каменных зеркально-гладких блоков – пирамиды и прочее; очертаниями напоминают часто конструктивизм, но как если бы воплотили самые влажные сны конструктивистов от архитектуры.

И там действительно много разных существ, часто огромного размера. Но описать их трудно. Андреев описывал каких-то звероящеров, но по мне так они вообще мало что напоминают.

Игвы удивительно, предельно умные существа. Это холодный разум, чёткий и безжалостный. Как белокурая бестия в предельном своём воплощении. Ни одного лишнего движения, ни одной лишней мысли. Их разум не разум безэмоционального логика, нет. Этот холодный разум глубоко магичен по своей сути. Его ясность скорее сродни ясности кастанедовских толтеков, но без единой нотки теплоты. Если ты там появляешься, тебя срисовывают тут же.

При анализе легко увидеть структуру увиденного психонавтом.

Стихийные области изменяются в зависимости от направления. Центром является Город – сфера земли – обычная область осознанных сновидений. В зависимости от выбора направления городские кварталы уже приобретают специфический облик. Дальше – стихийный «природный ландшафт»: на западе леса за рекой, на востоке степь, на юге пустыня, на севере горы, а за ними — «мир чудовищ». Промежуточные стороны света здесь тоже имеют свои «переходные» характеристики.

Довольно плавно происходит переход в эфирный слой.

На западе просто фиксируется всё большая «просветлённость», то есть это уже переход в магический мир, который автор обозначил как «мир четырёх владык». На севере и востоке рубеж – горный хребет. На востоке – «просветлённая» местность идиллического облика, соответствующая восточному континенту. На севере там «чёрный мир» – чёрная равнина, потом тёмное море с неведомыми городами. Общий колорит зловещий. «Северный континент» за мрачными преградами, известный из мифологии, не посещается.

На юге, согласно мифической космографии, особого континента нет. Там сразу рубеж мира – Окружающая гора. Путь этот почти неодолим. И действительно, путешественник сразу встречает препятствие в виде каньона, а за ним горы.

Переход к астралу по всем направлениям связан с дезориентирующим сиянием (только на севере – с тьмой: там действительно должна находиться «страна тьмы»).

³⁷ Жарг. По-честному.

³⁸ В трилогии Толкина неприступная страна владыки зла.

Но все 4 стороны света маркируются у Маркуса «чистыми землями». На востоке переход самый плавный, почти незаметный, к «Минас Тириту», север и юг – города-храмы: южный – «суфийский», северный – «тибетский, тантрический», с чётко астральной локализацией. Западная чистая земля самая «удалённая» и связана уже не с городом-храмом, а с непосредственным лицезрением божества.

Астральные миры воспринимаются как световые равнины – золотое сияние (на севере – белое). На юге и востоке – громадное солнце (это переход в верхний астрал); это действительно мифологически стороны пребывания солнца в верхнем мире. В сиянии на востоке проступают «строения» «города», на западе – крона мирового дерева с «мирами». Это восприятие множественности миров тоже очень характерно для перехода из эфира в нижний астрал.

2.2. Венделл

Западный континент

Западный путь начался для меня с ночного парка. И как мне кажется, этот ночной ландшафтный парк, в котором изгороди из невысокого кустарника формируют причудливую сеть линий, уже сообщает западное настроение. Попытаюсь его описать: спокойная, естественная медитативная магичность, ощущение недосказанности, разлитое в воздухе предчувствие чего-то существенно иного, чем обыденное. Но ненавязчивое ощущение. Первым моим образом была мощная колонна-тумба, круглая на срезе, наполненная прохладной водой, поступающей по подземным трубам-колодцам. Вода переливается через края, собирается в ручей-коллектор и течёт на Запад через лес, превращаясь в реку, в которой комфортно себя чувствуют водные животные, напоминающие дельфинов-белух. Дно местами белое, местами серое, пятнами. Лес живой, одушевлённый, мирно пасутся лани и тапиры.

Далее река впадает в спокойное море, отделяющее эту землю от собственно Западного континента. Море неширокое. Горы с другой стороны встали сплошной цепочкой. По склонам сбегает зеленоватые люминесцентные ручьи. Купание в таком ручье даёт путешественнику возможность зарядиться спокойной энергией перед путешествием на Запад. На вершине гор можно встретить небольшие светящиеся озёра.

Спускаемся с хребта и попадаем в магический лес. Прямо у хребта ждёт тёмный Страж, поселившийся под раскидистым дубом, своей невидимой липкой паутиной он пытается преградить вам дорогу в лес. Получив определённый энергетический ответ, он вас пропускает.

Углубляясь в лес, сначала идём вдоль небольшого канала-речки. Наконец, сам лес. На меня он производит впечатление полуживого или, может, живого не совсем привычно для обыденного сознания. Листья на деревьях белые или бледные. Иногда они кажутся мёртвыми и подёрнутыми паутиной. На некоторых листья, хоть и бледные, наполнены силой, колышутся как ковыль на ветру и издают приятный аромат, немного напоминающий запах яблок, прелых осенних листьев и сандала. Лес весьма обширный, но если двигаться быстро, то можно его пересечь за считанные минуты. Есть озёра, но обычно я их обходил стороной. Есть особенное дерево – огромное, с листьями – струйками энергии, текущей от ветвей вверх, к небесам. Последний раз я был там ночью, и дерево казалось полыхающим разноцветным пламенем.

Местные жители напоминают, условно говоря, эльфов, хоббитов и гномов. Эльфы – разноцветные, голова вытянута наподобие нераскрывшегося цветка тюльпана. Архитектура варьирует от цветных «игрушечных» форм, порой весьма внушительных размеров, до уютных жилых деревьев – мощных дубов, в которых светятся окошки. Иногда существа устраивают праздники типа карнавалов, и там действительно весело. На них собирается магический народ со всего леса.

Дальше, уже в хвойном лесу, среди высоких сосен растут из земли «зубы дракона» – округлые, белые «парафиновые» скалы (хотя это всё-таки камень). Они невысоки поначалу, на них по краям местами тоже могут расти ели или сосны. Их любят эльфы – перелетают со скалы на скалу, а гномы хранят в белых пещерах внутри скал свои драгоценные кристаллы. Это не всегда видно, но «парафиновые» скалы местами образуют лестницу, по которой можно подняться в более высокие слои.

Дальше, ближе к краю Западного континента, хвойный лес заканчивается и начинаются просторные луга. Я там бывал ночью. На лугах растут красивые крупные цветы.

Место, на первый взгляд, симпатичное и романтическое, но местами луг незаметно переходит в болото и оттуда норовит вылезти всякая пакость чтобы опутать вас тёмной паутиной и утащить в глубину. Без помощи высших сил не факт, что удастся выпутаться. Так что лучше здесь не гулять, а перелететь до холмов, поросших опять же соснами, обрамляющих континент с крайнего запада.

Если подойти к самому краю, открывается вид на пропасть и звёздное небо со всех сторон. Сквозь звёздную дымку можно увидеть быков, вереницей бредущих сквозь звёздное пространство ещё дальше на Запад.

Общее ощущение от Запада – ощущение бесконечности времени, настроение мягкого, не кончающегося вечера, тайны, бесконечное многообразие и податливость форм воспринимаемого мира, свобода творческой самореализации, свобода от рутины, от жёстких социальных рамок. Опасности на этом пути могут быть существенными, но, если подойти творчески и изучить природу опасности, всегда можно преодолеть то или иное препятствие.

Восточный континент

Море, по другую сторону которого находится Восточный континент, предваряет массив скалистых безлесных гор, вытянувшийся вдоль побережья. В отличие от западного парка, позволяющего почувствовать заранее «западное настроение», скалы перед восточным морем не дают особого представления о восточном мире. Может, их функция – разграничение или же они даны для контраста.

По ту сторону континент начинается с плоской земли, на десяток метров поднятой над уровнем моря, плавной дугой выступающей с востока на запад. Вдоль обрыва протянулся обширный зелёный луг. Дальше вглубь континента местность становится холмистой, луга смешиваются с островками леса. На лугах пасутся животные.

Следующая зона – ровная земля, покрытая разнотравьем, в том числе цветущим. Кроме того, здесь присутствует ощущение воды, хотя её непосредственно может не быть видно. Или же она проявляется во множестве живописных... луж. Или плоских – по щиколотку – озёр. Место очень открытое, даёт ощущение свободы и простоты, мне там радостно, срывается узнавание – словно когда-то уже был здесь. Небо высокое, голубое или с перистыми облаками. Чистый, прозрачный воздух, запахи травы и воды. Как-то раз я пересёк эту зону на лошади. Вообще, лошади здесь весьма уместны. А также птицы – журавли, цапли, чайки.

(Должен сказать, что переход от лесостепи к «водной степи» я представляю не совсем ясно, и может быть, лесостепь и водная степь – это не зоны, следующие одна за другой, а варианты на разных уровнях сознания. Или разные маршруты. Возможно, на каком-то уровне/маршруте лесостепь не прерывается, а плавно переходит в сад.)

Там, где кончается водная степь, начинается узкая полоса жёлтых песков; затем земля немного поднимается и начинается слегка холмистая равнина с лугом, на котором всё чаще растут деревья, но не лесные, а выращенные – это сад. Сад – блаженное место, и, опять же, пробуждает будто давние воспоминания.

В саду живут спокойные, душевные, возвышенные существа, носят свободную и простую белую одежду. Мне они были рады, кажется они меня тоже узнали. Я видел столы среди деревьев, накрытые белыми скатертями. Словно готовился праздник. Но скорее у них постоянно праздник. На столах не было яств – возможно, в еде необходимости у них нет или мало. Кажется, они пьют напиток, похожий на жасминовый чай.

Всегда какие-то деревья цветут. В цветовой палитре доминируют зелёный и молочно-белый. В воздухе летают огромные нехолодные снежинки – сложные по форме, они переливаются цветами и как будто имеют коммуникативно-исследовательскую функцию. Немного похоже на тополиный пух, парящий в воздухе в июне.

В саду есть живая вода. Возможно, она там просто выпадает росой. Её собирают в сосуды. Но не только в сосуды, можно увидеть резервуары побольше – целые ванны: среди деревьев – углубления в земле, выстланные белой тканью типа марли и наполненные живой водой. Такие ванны служат регенерации и, возможно, более полезны проходящим через эти земли путникам, желающим излечить травмы телесные и душевные. Можно найти и целые озёра живой воды – над ними парит туман, на берегах цветут невысокие деревья вроде вишен и персиков.

Функция сада – «Ювенильной рощи», как я понимаю, – работа с психикой, гармонизация, лечение. Отдых от режима «человек человеку волк». Приоткрываются высшие слои, оттуда течёт целительная энергия.

Один раз увидел огромный плоский шатёр-купол из ткани. Там бы поместился целый городок. Внутри приятная тень. Там бываетлюдно и весело.

Дальше к востоку земля Ювенильной рощи становится более холмистой, между холмов бегут ручьи. Ручей может вынести путника в следующий край – к крепости (был там один раз).

Крепость оставляет двойственное впечатление. Она по-своему даже где-то красива, но эстетика эта довольно груба. Это не то, чего ожидаешь после Ювенильной рощи. Всё на порядок приземлённее. Представьте дугообразные, аркой, ворота из буро-коричневого металла (покрытое ржавчиной железо? бронза с окислами? медь?); стена тоже образована дугами и полукругами – клёпаные листы того же металла, украшенные нехитрым орнаментом и большими драгоценными камнями, хорошо подобранными по цвету, в основном овальными.

Крепость закрыта, отгорожена. От чего, казалось бы, отгораживаться? Внутри я не заходил. Лишь пытался заглянуть, когда дверь приоткрылась. Там, в тени, ощутил намёк на существо – гибкое, на голове колышутся отростки, похожие вроде бы на перья, но не перья. Странное, в общем, место.

За крепостью начинаются приятные холмы, покрытые мягкой травой. Постепенно сгущаются сумерки. По форме холмы напоминают песчаные дюны в пустыне. Может, раньше это и была пустыня. Холмы тянутся довольно долго, но так как они однородны, можно быстро их перелететь.

За холмами, точнее над ними, на ровной площадке посреди дюн ровным конусом возвышается гора. В мой первый визит, когда я там был дольше всего, над горой было вечерне-ночное небо (или, может, утренне-ночное, учитывая, что это уже почти крайний Восток?). Гора сложена из драгоценных камней разного цвета, светящихся в темноте. Над горой висит в воздухе свечение в форме короны, преобладают фиолетовый и оттенки красного. Огни шевелятся, «корона» живо напоминает газовую горелку. У подножья горы есть вход в пещеру, которая ведёт под гору. Прямо под вершиной конуса – тоннель вверх, и поток выстреливает путешественника вверх, в звёздное небо, где он повисает на какое-то время. Аттракцион можно повторить.

На обратном пути по холмам можно пройти по симпатичной дорожке, выложенной цветными камешками, вдоль которой стоят светящиеся античные колонны-фонари...

Ощущение от маршрута от берега до крепости – свежесть, простота, чистота, благородство. Отваливается суета, мелочные страсти и страхи.

От крепости до горы пошёл сдвиг в магическую сторону. Сбой это в маршруте или закономерность – пока затрудняюсь судить. Гора из драгоценных кристаллов – ощущение магического эксперимента, но спокойное, чистое, радостное. Так что, возможно, это всё-таки восточный аспект.

P. S. В другой раз я видел драгоценную гору засветло и просто по ней поднимался босиком – камни были светлые, более округлые, под ногами ощущение живой энергии.

Северный континент

Туда есть два пути – сухопутный и по морю.

Сухопутный затруднителен. Сначала идут травы, болота, сомнительные места, мрачные топи, в которых без проблем можно увязнуть во всех смыслах. Далее начинается «город», который каждый видит по-своему, но обычно с оттенком опасности и угрозы. Я летел над черепичными крышами домов, человекоподобные существа смотрели мне вслед, но ничего осязаемо не предпринимали. Потом город резко пошёл по наклонной вниз, и по инерции я было полетел вслед за ним в пропасть. Усилием воли вернулся на восходящую траекторию к светлым горам, виднеющимся впереди на серо-сиреновом фоне вечернего неба, но потом на протяжении дальнейшего пути меня несколько раз начинало вдруг тянуть вниз. Словно город вспоминал обо мне и пытался утащить в тартарары. Дальше, за белыми горами, я видел белое же плоскогорье: светлая почва, покрытая редкими травой и кустарником, из земли торчат магические артефакты, похожие на кристаллы гранатового цвета. Видел логово красного дракона и всякое другое.

Водный же путь гораздо проще. Быстро преодолев на лодке чёрное море, слегка и мирно волнующееся, я очутился на выступающем мысу, передо мной на берегу из темноты вырисовывалось мощное дерево с обширной кроной. Вокруг было темно. Слева и справа вдалеке вдоль береговой линии тянулись узкие полоски огня. Справа, по ощущениям, был прибрежный город (как-то я летал там над освещёнными кварталами); слева ещё какой-то мыс – там темнее, чем справа, но тоже отдельные огни, голубые и зелёные, там что-то более таинственное.

Передо мной была горная вершина, выступающая над хребтом, справа от неё висела луна. Я полетел к луне³⁹, прошёл сквозь неё и оказался за горным хребтом.

Там был тёмный лес. В лесу я заметил здание, слева: башня этажей в восемь, с освещёнными окнами, образующая одно целое с пристройкой слева, пониже, этажа в три-четыре. Здание имеет защитную функцию, это военизированный сторожевой пост. Тут, в холмах, где-то живёт дракон. Дракона смутно видел вдали.

Полетел дальше над лесом, увидел лесную реку и полетел над ней. Прибыл к месту, где река с двух сторон омывает холм. На холме – укреплённый средневековый город. Видел двух рыцарей в доспехах, они ритуально сражались на одной из каменных террас замка – не из-за того, что что-то не поделили, а просто потому, что так заведено. Сам по себе городок казался мирным, успокаивающим.

Летел дальше над рекой, пока не достиг равнины, где река разливалась на множество протоков. Место приятное – кругом трава, в воде кувшинки. Стоял по колено в воде. Тут прилетел Пегас – крылатый конь.

В другой раз я видел, как прямо в одной из протоков вырос лотос; он рос, пронзая слой за слоем, и в конце концов раскрылся в тёмном космосе и его светящийся цветок образовал весьма обширный мир полупрозрачных светящихся форм, мир гармонии и прозрения. При этом его стебель тянулся вниз, в необозримые глубины.

Опустившись вниз, я пролетел дальше по долине на север и очутился посреди озера. Рядом со мной из озера бил фонтан, вода фонтана светилась зелёным, не слишком ярко. Точнее, фонтанов было несколько. Я плавал, нырял в светящейся воде. Энергия воды была живой. Было ощущение энергетического обмена, я заряжался жизненной силой. Вообще, место оставляет ощущение небольшого локального рая.

³⁹ Переход на эфирный уровень.

Озеро обрамляет пляж из окатанной светлой гальки (может, даже в какой-то степени «просветлённой»), на которой очень приятно лежать. Местами растёт мягкая светло-зелёная, белёсая трава или мох. Чуть дальше начинается лес, кажется хвойный, тоже приятный и успокаивающий. Почти со всех сторон чашевидную долину обрамляют светлые горы, особенно хорошо их видно на севере. Над горами в ночном небе светятся звёзды.

В какой-то момент на месте фонтана из-под воды стал расти-подниматься купол. Вскоре передо мной был хрустальный дворец, призрачный, играющий отблесками звёзд. А фонтаны теперь окружали его квадратом с четырёх сторон. Я попал внутрь, где меня встретила дама в сложном средневековом одеянии, сказочная королева. Она принимала меня торжественно, как гостя, которого ждали. Водила по дворцу, показывала залы. Видел и хрустальную опочивальню. Затем я вылетел и поднялся до тонкого шпиля. Шпиль каким-то образом помог мне подняться на уровень выше, там уже было светло. Это был луг. Я прошёл по нему вперёд (на север) до обрыва, где дугой в землю вдавалось синее полужидкое-полугазообразное море. Заглянул ещё выше – там была просто светлая земля и сияющее солнце.

Общие впечатления от сторон света:

Запад – вечер, податливость материи и энергий, многозначность, многоплановость, разнообразие возможностей.

Восток – утро, ясность, чистое восприятие, восстановление сил.

Север: преддверие – опасность, взгляд в бездну; дальняя часть – затерянность, потусторонность, вне времени, потаённый санаторий-рай с «лифтами» в высокие слои.

2.3. Ла Меча. Континенты

Западный континент

1.

Сначала возник мост, мы⁴⁰ там довольно долго были, потом нырнули в реку с моста – тёмная вода, наши тела в ней слегка светились, вроде отблесков света. Течение повело стремительно, река расширилась, стала луговой, извивалась лентой среди светлой травы. На горизонте огромная полная луна. Показалось озеро, окружённое светящимися деревьями, с которых словно текли потоки света или росы. Луна сместилась резко влево вниз, стала меньше, потом вообще остался кусочек – вроде месяца, вскоре и он исчез. Дальше был парк, мы там ходили некоторое время, рассматривая деревья, травы. Было много деревьев, похожих на глицинии. Лианы ещё были. Далее – необъятный луг с цветущими голубоватым свечением цветами, похожими на розы; на них можно было улечься и тихо плыть над землёй, над лугом. Потом опять река, плавно перешедшая в море. Оно недолго было – возникли ворота из хрустальной пены, дальше стало понятно, что это какой-то тонкий материал вроде жидкого огня. Это было побережье, где рос лес с очень высокими, со светлыми стволами, деревьями. Всё словно поющее. Видела холмы с пушистыми одуванчиковыми образованиями – вроде перекасти-поле. Одушевлённые такие создания. Потом холмы плавно перешли опять в леса, которые раскрылись большим пространством с городом: там было очень много огней вроде фейерверков – похоже, празднество. Птицы летали – как порождения жидкого синего пламени.

Стало светать. Хорошо помню сады на холмах. С белыми плодами вытянутой формы. Эти сады тянулись долго, меры длины не знаю. Сады вели всё время вверх по холмам. Дальше была скала белого цвета. Над пропастью – хребет, внизу видны большие, террасами спускающиеся, холмы, поросшие садами, потом поля, далеко – город, спящий в утреннем тумане, ещё дальше большая вода – видимо, море. А тут – белые скалы. По скале вьётся ручей воды. Журчит. И было что-то необычное для этого места – вполне в земном духе – вроде монастырского дворика. А потом сразу – большое многооконное помещение, с готическими окнами с витражами, только больше света, много больше. И лучами он идёт. И все окна снаружи густо оплетены светящимися розами. Со стороны это выглядит вроде рериховского – над облаками – чортена. Высоко и много белого света.

Очень хорошо помню ощущения от трав и деревьев – текучее, колышущееся, светящееся. Как будто течёшь с ними.

2.

Начали с обычного места – с реки, с моста. Прыжок. Вода тёмная. Опускаемся глубже, дальше какие-то золотые линии в воде вроде каналов. Потом река расширяется, уходя за город. Начинается парк, как в прошлый раз. Там долго мы были. Ходили среди деревьев, светящихся падающими звёздами. Мимо пролетали ночные бабочки, светляки, порождая тончайшую серебристо-голубую пыль... Плавали по воздуху среди деревьев. Нашли фонтан – высокий, с хрустальной голубоватой водой.

⁴⁰ Путешествие совершалось с компаньоном.

Фонтан давал начало ручью, он тёк прямо по траве, и трава текла тоже. Очень приятно было по этой воде идти и по этой текучей тонкой траве, под деревьями.

Ещё там были целые поляны белых, душистых, вроде бы болотных цветов. И над ними вились ночные насекомые-светляки.

Парк медленно превращался в лес. То есть густел и дичал. И вдруг резко расширился и открылся долиной с текущей по ней рекой. Река была очень спокойная – вода в ней была уже не водой, а струями жидкого огня либо огненно-синего водного пламени. Мы плыли по ней, увлекаемые течением к морю. Море показалось, напротив, тёмным. В нём были высокие волны. Мы плыли недолго – впереди возникло что-то вроде разорванной облачной завесы и море стало совсем тихим, как в штиль. Вода стала стеклянной, а под водой успокаивающе замерцали рыбы – серебряной окраски, они ходили стаями. Потом показалась песчано-золотая коса с дворцом, как бы перевалочный пункт. Оттуда нас по воздуху, низко над волнами, перенесло на материк.

Мы попали в город – красно-золотого цвета, с множеством зданий, напоминающих ячейки-хранилища. Во главе города стоял некто напоминающий короля – в драгоценной одежде.

Ещё видела коров. Белые, а рога золотые и витиеватые, и сам скот похож на зебувидный, африканский. Издалека – на поле, в долине, потому что сам город оказался много выше.

Забыла сказать про важную вещь: перед визитом в город, когда мы ещё были на песчаной косе, обратила внимание на то, что в области висков у нас появился драгоценный убор – как бы по одному крупному отшлифованному камню, который был явно необходим. <...>

Синий, голубой, серебряный, потом красно-золотой – преобладали.

Восточный континент

Туда можно попасть и по морю, и по суше – через степи и горы.

Вот описание сухопутного маршрута:

Выплыли на луг между лесом и посёлком, далее – другое поле, поле с колосьями, потом луга, дальше – зелёная степь, юрты, потом пустыня с барханами, с камнями, потом большая река с каменистым дном, очень красивая, в обитаемой местности, чем-то похожей на Тибет/Монголию. Полетели над рекой, иногда опускаясь к самой воде, ярко сверкавшей на солнце. Река стала шире, повернула влево, потекла к горам на горизонте; мы летели среди гор, потом текли с рекой, вышли на площадку между гор – там был источник, ниспадающий сверху, с водой зеленоватого оттенка. Там были очень долго.

Полетели вперёд, между гор, вылетели на большие луга – широкие пространства, справа показалось большое зелёное пастбище – с водами тихими, там стояли шатры и паслись лошади, шелковистые. Потом мы летели по белой луговине, влетели в лес, расположенный поблизости, там увидели поросли высокой мягкой травы, солнца не было видно, но небо очень светлое, яркое, белое, а в траве много цветов – в основном красноватого и золотого цвета. Из леса снова вышли на луга, к высокой траве и журчащему ручейку, в котором перекатывались крупницы янтаря, принесённые течением из более крупной реки, с крупницами золота – ручей играл и переливался. В какой-то из рек я нашла жемчужины. Потом опять были луга, там бегали в траве лошади – тёмного цвета, красивые и свободные. Появились горы, невысокие – наподобие холмов, затем они стали выше – и мы опять вылетели к источнику: вода стала прозрачной, и мы находились несколько выше, чем вначале.

Из звуков помню топот лошадей, звон из шатрового селения, шум ветра в ветвях больших круглокронных деревьев, похожих на мощные дубы, журчание воды – в ручье и в потоке на горах.

А вот морское путешествие:

Всё началось с бамбукового леса, точнее с небольшой бамбуковой рощи, населённой пандами и дождём.

По лесу тянулась тропинка, местами пропадавшая среди густой травы.

Лесок окончился, и я увидела перед собой высокую гору, поросшую лесом. По склону горы к вершине шли тропы, угадывались висячие мостки.

Вскоре я оказалась на берегу моря (или океана). Песок был тёплый, светило солнце. На волнах покачивалась лодочка.

Рядом со мной вертелось несколько маленьких обезьянок. Казалось, они нарочно собрались на берегу в ожидании лодки. Как будто приманили её.

Так как мне тоже надо было плыть, я дождалась, когда общими усилиями обезьян лодка причалила к берегу. Я спокойно забралась в неё, вместе со мной туда попрыгали и обезьяны, и мы отправились в путь.

Плыли мы довольно долго. Море казалось бесконечным.

Ни я, ни обезьянья компания не ожидали такого длительного путешествия морем. Казалось, что тихий берег совсем близко, но кругом было только море – ровные, спокойные волны.

Вдруг впереди замаячили две остроконечные скалы. Когда лодка вплотную приблизилась к ним, оказалось, что скалы состоят из какого-то золотоносного материала, словно из самоцвета, называемого авантюрин.

Рыжий искристый блеск камня радовал глаз.

Мы проплыли между скал.

Вдруг после скал море стремительно стало падать вниз, точнее потоки морской воды низвергались с огромной высоты и терялись глубоко внизу. Лодка легко пересекла грохочущую водяную бездну, буквально перелетев её, и мы оказались в другом мире. Это тоже было море, но море, полностью пронизанное солнечными лучами, вода которого была настолько сияющей, что, казалось, каждая капля морской стихии содержит крохотную солнечную искру.

Солнце стояло высоко и справа.

Мы плыли ещё некоторое время.

Потом показался долгожданный берег. Лодка ткнулась в песок. Обезьяны повыскакивали на берег и разбежались по своим обезьяньим делам.

Я же внимательно вглядывалась в песок на берегу. Он был таким же сверкающим и светлым, словно состоял из мелкой самоцветной пыли.

Вокруг была зелёная страна. Спокойствие и довольство были разлиты в воздухе.

Было тихо, только волны со слабым шелестом набегали на берег.

Потом, помню, я брела по мелководной речке, дно которой было сплошь засыпано мелкими белыми жемчужинами. Идти по этой ласковой прохладной воде было очень приятно. Из воды порой выпрыгивали и летели по воздуху какие-то странные создания – то ли тритоны, то ли ящерицы, то ли подобия лягушек.

Вскоре я набрела на огромное, величественное дерево, крона которого была так велика, что под ней свободно мог бы поместиться современный многоэтажный дом.

Оно было живым: его ствол, кора, ветки и листья излучали свет и блеск.

Я опустила под дерево и замерла. Было очень тихо, только листва изредка вздрагивала от ветра. Было наслаждением смотреть на листья, пронизанные солнечными лучами. Вдруг на колени мне упала белая прекрасная роза. Душистый цветок был подарен величавым созданием – Деревом.

Потом я унесла его с собой. Но пока я сидела под Деревом, а сидеть там можно было бесконечно долго, только наблюдая игру солнечных бликов и ощущая тёплый ветерок на коже.

Потом картина сменилась.

Спустя несколько мгновений я очутилась в белом дворце.

Он был скромно убран – и снаружи, и внутри.

Двери дворца были широко распахнуты, словно кто-то внутри ожидал меня.

Я вошла во дворец и окончательно убедилась в своих предположениях.

В большой тронной зале на троне сидело Золотоносное существо в уборе, напоминающем причудливое нагромождение архитектурных форм.

Золотое существо кивнуло мне, словно приглашая подойти поближе.

С двух сторон его окружали женоподобные крылатые создания, так же как и он, излучающие свет.

Я приблизилась к трону и увидела, как белая роза из моих рук уплыла к хозяину дворца, а взамен её на моей ладони (или на ладони хозяина – этот момент не очень хорошо помню) возникла жемчужина, белая и совершенная...

Вообще весь этот мир благостен и даже кроток. Воздух там тёплый и сухой. Можно просто течь по воздуху, перемещаться, словно поток золотой лавы.

Солнце светит ярко, и времени словно бы и нет.

Так, не переставая наблюдать, я потихоньку улетела домой.

Ощущение знакомого места, простой и естественной жизни, место восстановления сил. Чистая стихия – абсолютно точно: чистота – основная характеристика.

Вот верлибр по мотивам посещения этого континента из моего цикла о крестовых походах:

Заблудившееся письмо

Дорогой друг! Отрада сердца!
Пишу тебе, находясь в месте столь странном,
Сколь чудесном.
Представь бескрайний луг, поросший высокими душистыми травами:
Огромные лиловые головки чертополоха,
Непроходимые заросли полыни, горькой до сладости —
Непостижимой.

Насколько видит глаз – луга, луга, луга, с мягчайшей ароматной травой,
Манящей к отдыху души и тела.
О, эта трава!.. Я лежу в ней, слушая звон ночных цикад:
Он заполняет сознание, он подобен небесной музыке,
Безмятежно льющейся с совсем близкого неба —
Глубочайшего.

Не знаю, куда меня занесло после наших странствий, походов,
После вечной войны.
Но сейчас, раскинув руки, я лежу в траве, и кажется, ничего
не бывает
Лучше этого времяпрепровождения.
Рядом ходит конь, всхрапывает, срывая мягкими губами степную
траву, —
Отдыхает.

Далеко-далеко на горизонте угадываются очертания
пологих гор,
Холмов, подёрнутых лёгкой дымкой. И виден лес — то ли
буковый,
То ли дубовый...
Тишина натянута до предела, словно тетива лука, так что,
кажется,
Задень её любой звук, и она дрогнет, зазвенит, пронзит
пространство
Внезапно сверкнувшей стрелой —
Ветру подобной.

Ко мне наклоняются лиловые соцветия чертополоха, ниже,
ниже —
К самому лицу, щекочут кожу... Или это солнце восходит?
Знаешь ли, к моему удивлению, луна здесь находится ниже
кромки земли.
Прошлой ночью её золотой кораблик, повёрнутый рогами
кверху,
Стоял у самых подошв моих сапог, едва не задевая стебли
цикория
И синие его венчики.

А звёзды?.. Здешних звёзд я не знаю. Они висят низко над лугом,
Иногда одна из них срывается
И падает на ладонь. Ты смотришь на неё долго, с удивлением
замечая,
Как она тает, превращаясь в крупную каплю ночной росы.
Где-то журчит ручей. Постепенно он превращается в реку,
Убегающую к горам.

Если долго смотреть в речную глубь, можно различить
Крупницы янтаря, лежащие на дне, отполированные течением,
Плавно перекатываемые волнами. Можно уйти по реке
К дальним горам, чьи вершины дремлют в лучах солнца...
Кстати, о солнце. Оно тут близко как нигде, но его лучи не жгут,
А ласкают.

Но я не хочу уходить. Всякая мысль о том, что рано или поздно

Мне придётся покинуть это удивительное место, рождает во мне
Тоску. В самом деле – зачем?
Здесь ангелы небесные – мои собеседники и, ежели хочешь
знать,
Сотрапезники. В одну из ночей некий ангел, набрав сухой травы,
Сложил костёр и мы пекли на костре лепёшки.
В жизни не знаю ничего вкуснее!

Ты спросишь меня о людях. Они, безусловно, есть в этих краях.
Недавно я услышал нежный звон бубенцов как бы
перегоняемого
С места на место овечьего стада. Вскоре из сплошных
зарослей трав
Выплыл караван белоснежных верблюдов,
Нагруженных пёстрыми тюками, в которых можно было
распознать
Сложенные шатры.

Люди, идущие с караваном, приветливо поклонились мне,
Не изъявив ни капли удивления.
Судя по одеждам и обилию самоцветов на шеях, руках и ногах
женщин,
Жизнь у них, хоть и простая, но достойная.
Скот же упитанный и выглядит весьма довольным.
Так же медленно, как появился, караван прошеествовал мимо
И вскоре затерялся среди цветущих лугов.

Вообще жизнь здесь чудная. Коли захочешь чего съесть,
Еда появляется сама собой, из ниоткуда.
Либо её приносят с собой ангелы, и они же разводят костры
по ночам.
А вот пить лучше из реки – вода в ней столь холодна и вкусна,
Столь чиста и прозрачна, что пить её —
Одно удовольствие.

Сколько я нахожусь здесь, не могу сказать,
Время течёт медленно – оно похоже на вечность.
Я не старею, и сил во мне заметно прибавилось,
А ведь было иначе – и тело моё, и душа были сломлены,
Жизнь уходила по капле, и все надежды угасли, и мирская
сладость
Отлетела прочь.

А вот, поди ж... я снова возвращаюсь к жизни.
Мне кажется теперь, и не было её...
Так... ветер...

Северный континент

1.

Первоначальное видение – чёрные гребни на фоне тёмно-серого неба, потом – огромная гряда, гора, создающая ощущение бесконечности, – из костей, черепов, напоминающих скелеты доисторических животных. Кости сыплются сверху, засыпают путь, создают помехи и препятствия. Я двигаюсь прямо, сквозь мрачную гору, сквозь чёрные гребни костей и скелетов. Ощущение реально до дрожи.

Пустынно. Временами ощущение присутствия каких-то недоброжелательных существ, ясных очертаний которых не видно.

Вскоре я уже иду по равнине – бесплодной и бескрайней, до горизонта покрытой чёрным кристаллическим песком. В песке образуются ямины, временами закручиваются чёрные пыльные вихри, смерчи поднимают песок и несут его к горизонту. Небо очень низкое и тёмное, полное туч⁴¹.

Дует сильный ветер в лицо, но я продолжаю двигаться вперёд.

Вижу себя со стороны и чётко осознаю, насколько я мала по сравнению с этой безграничной равниной.

Слева и выше появляется голубовато-белый луч, в котором вырисовываются очертания то ли замка, то ли островерхой пагоды. Луч и видение замка сопровождают меня некоторое время. Дорога резко меняется – там, где было песчаное бездорожье, появляется чётко вымощенная ровными плитами дорога. Она ведёт строго прямо. Впереди маячат огромные кованые ворота. Я знаю это место. Оно не обнадеживает, идти туда нет желания.

Справа и выше дороги нет вообще. Только пустота, темнота и тишина⁴². И я иду туда.

Переключение: я оказываюсь в тёмном океане – волны небольшие, но движутся мне навстречу. Потом появляется то ли лодка, то ли плот. Ветер дует навстречу, но я продолжаю плыть.

<...>

Впереди только громады облаков.

Потом длительное время я ничего не вижу, кроме ночного океана, и не слышу ничего, кроме всплесков воды. Вдруг начинает светлеть. Впереди я вижу белое светящееся пространство. Это берег с белым мелким песком, на берегу пустынно. Я причаливаю. Шарф, на котором я плыла, сворачивается, и я беру его с собой. Я иду по песку, совсем одна. Прохожу сквозь рощу стройных высоких деревьев с белёсой корой, напоминающих виденные мной на западном материке. Я вспоминаю, что здесь у меня есть дом и вскоре вижу его. Это небольшой дом наподобие коттеджа. В нём нет ничего волшебного. Он весьма скромный по архитектуре, похож на виллу у моря.

Я поднимаюсь по ступенькам, захожу внутрь. Передо мной комната. Чистые белые стены, камин без огня, но внутри него – светящаяся субстанция, которая греет, как огонь. На каминной полке стоят кованые чёрные предметы – это какая-то старинная посуда: красивые резные блюда, кувшины, чаши... В комнате бассейн, наполненный чистой туманной водой, в толще которой то и дело вспыхивают искры – то серебряные, то голубовато-синие. Я сбрасываю одежду и захожу в воду по лесенке, она тоже сделана из чёрного металла и покрыта литыми узорами. Я долго плаваю в бассейне, умываюсь водой. Выхожу и вижу перед собой на полу платье. Оно очень тонкое, покрытое невероятно изящным узором.

⁴¹ «Чёрный мир». Ср. с описанием чёрной равнины за горным хребтом у Маркуса.

⁴² Страна тьмы.

Фасон платья напоминает то ли индийское средневековое, то ли европейское – приталенное, закрытое до горла, пышные рукава, длинное, – но по богатству узора – восточное. Очень лёгкая, тончайшая, почти прозрачная ткань. Я надеваю его с удовольствием. В комнате висит туманное зеркало, но в нём я отчётливо вижу себя. Мне лет 25, и я выгляжу так, как в этом возрасте и выглядела. У меня красивая причёска. На ногах обуви нет, и это воспринимается нормально. Я прохожу в другую комнату – сквозь арочный пролёт в виде языков пламени, всё – из белого камня. Там, в комнате, на чёрных цепях с потолка спускается ложе, покрытое тканью, похожей на шёлк, только ещё мягче и легче.

Я прохожу по лестнице наверх, на террасу над морем, откуда виден белый пляж, море и дальняя роща. Но, поднявшись, я обнаруживаю, что передо мной лежит большой мир, тускло-золотое и белое поле, уходящее до горизонта, какие-то сияющие горы, между которыми притаился маленький городок. Я спускаюсь и иду в город – по полю, по мягкой, золотящейся на ветру траве, вдоль небольшого холма...

Я прохожу вдоль реки, делающей круглый разворот, и вдруг вижу необычайное: передо мной величественное дерево, полностью покрытое белоснежными, ослепительной красоты, цветами, похожими на лилии. Цветы живые, они источают великолепный аромат, непохожий ни на что, кроме небывалой прелести и нежности. Ствол дерева толстый и узловатый, белый-белый, ветви почти лишены листвы – так густо они покрыты цветами.

Я сижу под деревом, смотрю на окрестности.

Потом иду дальше. Прохожу через какой-то сад с большим фонтаном, в котором плавают белые цветы, напоминающие соцветия встреченного мной дерева. Потом замечаю большой сияющий водопад: вода стекает уступами, в ванночках воды плавают белые цветы, подобные кувшинкам и лотосам.

Вообще очень много цветов. Ограды оплетены белыми цветами, арки из цветов встречаются всюду. Как ни странно, есть птицы, напоминающие своей яркостью то ли райских птиц, то ли тропических попугаев. Но они очень быстрые и я не могу их разглядеть в подробностях.

Я прихожу в город, иду по улицам, там есть и люди. Они живут в домах, очень похожих на мой; дома окружает что-то вроде оград, и они тоже сделаны из тёмного металла. Цветут цветы.

Я иду по улицам, мне иногда улыбаются незнакомые люди.

Я чувствую лёгкую усталость и возвращаюсь в дом. Это происходит быстро: я только подумала про дом – и вот уже дома.

Я иду в маленькую комнату рядом с большой основной комнатой дома – там на столике стоит поднос, полный росистых фруктов, похожих на земные, только очень сочных и светлых. Я поднимаюсь на террасу, сажусь на стул, поставив перед собой поднос с фруктами, и ем. Потом я пью какое-то ароматное питьё из стеклянного сверкающего бокала. Затем прихожу в комнату с постелью и ложусь отдохнуть. Постель тихонько покачивается на цепях, и я начинаю дремать.

2.

Прозрачно-белый океан. Штормовой.

Я в нём купаюсь.

Потом вижу себя уже на берегу – кругом высокие белые дюны – барханы. Это очень мелкий и блестящий песок, искрящийся в лучах света. Иногда я вижу очень высоко и далеко в небе белую лучистую звезду. Но она очень далеко, словно всё происходит вообще в другой галактике.

Я долго нахожусь на берегу, пересыпаю песок. Снова ныряю в океан, долго плаваю – в штормовых, очень прозрачных, словно стеклянных, волнах.

Вижу стаи рыб – синих, изумрудных, золотых, их много.

Потом вижу много раковин – серебряных и золотых, прикрепленных к скалам вдоль берега; там есть ещё небольшая гряда скал, что-то вроде рифа.

Рыбы напоминают вуалехвостов.

Они в воде резвятся, трогают тело, останавливаются напротив и смотрят на меня.

Дно покрыто сапфировой и изумрудной галькой.

Я вынимаю камешки на песок и долго их рассматриваю и раскладываю.

Потом я вытягиваю на водорослевой нити цепочку белых жемчужин.

Потом я снимаю платье, в котором и плавала, и сушу его, прижав каким-то булыжником, потому что там – сильный ветер.

На мне надето ещё какое-то чисто белое и с шёлковыми цветами нижнее платье.

Рядом – лес, и я направляюсь туда. Там стоят деревья, похожие на белые сосны, с бледно-золотой корой.

Растёт трава, а в траве – тоже светлой, будто выбеленной – яркие синие цветочки. В траве журчит ручей.

Я возвращаюсь на берег, потому что моё платье уже унёс ветер, оно парит над океаном.

Я пускаюсь за ним вплавь и достаю его, когда оно уже начинает погружаться в воду.

Я возвращаюсь обратно и долго сижу на берегу, высыхаю.

Солнца нет, а звезда очень далеко и не греет. Но не холодно.

Прохладно.

Вижу впереди свой дом и иду туда.

В доме на втором этаже появляется комната, которой не было в прошлый раз.

Там пол напоминает деревянный, тоже какого-то тускло-золотого оттенка.

На полу стоит большой ларец. Я открываю его и вижу много разных необычных драгоценностей – цепи, украшения на голову, все старинной и изысканной работы.

Я надевают на голову украшение в виде каких-то цепочек и камней.

Ухожу по дороге, ведущей из дома к городу.

По дороге мне встречается человек, едущий в повозке, запряжённой белым быком.

У быка очень мягкая шерсть.

Повозка нагружена сеном – белым и очень душистым.

Я ложусь на сено, которое связано в тюки, и начинаю дремать.

Оказываюсь уже в городе. Вечер, тихий и праздничный.

Передо мной красивый дворец.

У него очень высокий купол из совершенно прозрачного стекла, витражный – в виде кувшинки, опрокинутой вниз, в зал, своей чашечкой, а тычинки – кованые золотые лампы причудливой формы.

Пол очень белый, дворец состоит из светлых и легких арочных конструкций, представляющих собой анфиладу залов, плавно перетекающих один в другой.

По углам залы стоят фонтаны, там поют золотые и изумрудные лягушки. Они тоже участвуют в празднестве.

Вижу музыкантов, которые исполняют музыку цветов, состоящую из звуков арф (или каких-то подобных струнных), флейт и чего-то наподобие лютни.

Все люди – мужчины и женщины, их много – довольно красивы и красиво и пышно одеты. Стилль неопределённый, смесь восточного византийского, ближневосточного, индийского, цыганского и позднесредневеково-ренессансного.

В общем, кто в чём.

Всё сверкает драгоценными камнями и красиво играет в свете плавающих по воздуху и погружённых в фонтаны и водоёмы свечей.

Начинаются танцы – это сплошные шествия с церемонными поклонами, что напоминает законы, менуэты и пассакалии старой Европы.

В зале шумно и весело.

Там играют с лягушками. Игра совершенно дурацкая.

Каждый выбирает себе лягушку, повязывает ей на шею шёлковую ленточку определённого цвета, и по сигналу лягушки ныряют в бассейн, полный жемчужин, и достают их.

Лягушка, которая достанет больше всего жемчужин, становится победительницей.

Моя лягушка побеждает, и жемчужины достаются мне, а в честь лягушки исполняют какой-то совершенно бравурный марш.

Все смеются, а мне несколько дико.

Я выхожу в сад, полный роз, которые открываются только вечером. Город весь в праздничных огнях.

Впечатление такое, что праздник там длится вечно.

В общем, такая роскошная жизнь течёт и ничего её течения не нарушает.

Город состоит сплошь из свечного или огнистого сияния.

Вечером это красивое зрелище.

Основные отличия от Земли:

1. Освещение – нет солнца, звезда – очень, безмерно далеко. Но есть чистый белый свет.

2. Постоянная температура воздуха, никогда не бывает холодно, всегда прохладно и свежо.

3. Всё словно сделано из текучего стекловидного потока воды-огня-металла, какие-то общие свойства, роднящие воду, металл и огонь.

4. Обилие белых оттенков, золота – но приглушённого, не считая сумерек и праздничных моментов.

5. Сумерки без луны, синие, быстро проходят.

6. Вода в океане – всегда светлая, почти белая и прозрачная.

7. Много драгоценных камней, разбросанных повсюду, которые никому не нужны как предмет роскоши, но как украшение жизни – и всё.

8. Можно лететь по воздуху, можно парить тихонько, как бы плыть.

9. Деревья все белые, похожи на сосны, высокие и ровные, как бы симметричные – не мешают друг другу.

10. Люди всегда доброжелательны, нарядно одеты, много музыки, танцев и всяких знаков дружелюбия.

11. Ночью очень тихо – нет луны, опять же.

12. Тело облегчено, одежда как бы неким намёком – но ощущение роскоши тканей и украшений всё равно присутствует.

13. Хожу там босиком, так как среда очень благоприятная, земля – мягкая и чистая, песок белый, трава...

14. Еда – всегда фрукты и какие-то плоды вроде орехов, которые ел и кот. Никакого мяса нет.

15. Многие растения условно можно назвать земными именами, но они всё равно отличаются в сторону большей приглушённости, как бы затуманенности вначале, а потом – наоборот – показываются в виде более ярком, чем на земле, и, несмотря на общность некоторых признаков, это всё-таки другие растения.

16. Огонь там то льётся прямо по воздуху, то плывёт, то просто концентрируется в светильниках или простых свечах, как тут, только очень ровный.

17. Там бывает мерцающий и прохладный, словно облака, туман, очень светлый и приятный. Обилие цветов и запахов. Много воды – туманной, в искрах.

18. Динамика жизни там, может быть, и неизмеримо выше, но всё воспринимается как бесконечно замедленное действие.

Динамика не внешняя, а внутренняя, другая она.

Всё намного более многовариантно.

Поэтому невольно выбираешь что-то попривычнее, поспокойнее, что ли. Дом, пляж, сад и бал... лягушек вот нашла там каких-то.

2.4. Ла Меча. Астральные маршруты

Запад

Путь начинался сразу от посёлка – на запад круто поворачивала пыльная просёлочная дорога. Прямо на солнце. Огромный красно-оранжевый круг опускался за горизонт, озаряя всё сиянием. Множество нитевидных золотых лучей пронизывающих насквозь.

И я сама, одетая солнечным пламенем, чувствовала себя одной из множества нитей-лучей. Солнце было подобно гигантскому цветку, плавно покачивающемуся в пространстве, втягивающему в свой раскалённый центр всё, попадающее в поле действия лучей⁴³.

(Стихийная сфера)

Под ноги ложилась мягкая струистая трава – тёмная, шёлковая, ласкающая ноги, словно бархатная вода ночной реки, чьё медленное течение вбирало в себя окрестные берега и тихо растворялось где-то в бескрайних рассветных туманах.

На траве лежали ровные полосы серебряного лунного света. Свет стекал сверху, ложась на лицо, освещая путь, смягчая линии, преображая горизонт в округлый светящийся окоём.

Трава стлалась под ноги, превращаясь в ручей, в мелководную луговую реку. Лёгкая прохлада царила в ночном мире. Вода охладила разгорячённые стопы.

Луна возникла спереди, стремительно поднявшись над плавно стекающей вниз линией горизонта. Она была огромной, белой, полной, в спокойном, ровном своём свечении. Луна царила над ночью, над беззвучием и безветрием луга.

Только луна и я. И никого в мире. Тихий свет убаюкивал, прохладная вода под ногами и шёлковые травы манили. Хотелось уснуть в мерцающей душистой траве, в мире лунных грёз.

Луна была повсюду⁴⁴ – окружала со всех сторон, лежала полным сияющим кругом под ногами, отражалась в чистой воде луговой реки.

Она была спереди и сзади, справа и слева. Она дробилась на белые холодные полулуны, в свою очередь отражающиеся друг в друге... Повсюду были мириады лун – на всём протяжении ночного луга. Мир лунных зеркал – мир идеальных отражений. Можно было долго бродить среди них, не встречая ни одной живой души, отдыхая в тихой воде, полной древних сказок. Созерцая лунные миры, отзываясь всем телом на ласку волн и нежность трав. Можно было стечь вслед за водой к отражению лунного лика, проскользнуть сквозь него и попасть Бог весть куда ещё...

Но что-то звало меня дальше.

(Эфирная сфера)

Я подняла голову вверх и увидела чёрное небо, полное звёзд. Космос. Луны не было. Здесь, внутри лунного мира, – словно внутри зеркальной шкатулки, а там, наверху, – только небо. Небо и звёзды⁴⁵.

⁴³ Особенность путешествия Ла Мечи – использование в качестве ориентира и движущей силы солнца. Поэтому его образ появляется на самой ранней стадии путешествия.

⁴⁴ Запад мифографически – это Левый мир, особо связанный с луной и водами. В данном случае описывается переживание вхождения в «сферу луны» – первую эфирную область.

⁴⁵ У Ла Мечи переход в эфирную сферу из стихийной, как правило, сопровождается образами открытого космоса. Это

Я ощутила в затылочной части головы пульсацию, словно кто-то легонько тянул вверх трепетную золотую нить. Эта нить на самом деле тянулась из этой области головы, уходя в необозримый космос.

Я повлеклась, потянулась за этой нитью, постепенно превращаясь в густое движение золотых пылинок.

Вслед за круговым движением я услышала лёгкие щелчки и хруст, словно с каждым продвижением вверх у меня отваливался один позвонок за другим, отщёлкиваясь и обращаясь в пыль. Затем я оказалась в месте, которое условно назову тиглем: это было место текучей золотой среды, напоминающей одновременно жидкое золото, капли воды или росы, оседающие на поверхности стекла, похожие на конденсат. Вся эта сияющая золотая масса была живой, она обладала осмысленностью, в ней было сконцентрировано сознание многих сотен жизней. Всё это текло, переливалось через края, которых не было и которые в то же время были. То вдруг золотое целое взрывалось фейерверком брызг – ни горячих, ни холодных⁴⁶. То выплёскивалось магмой.

Потом был мир серебряной лавы, более «холодный» – словно золотой выпаренный конденсат застывал на стекле тончайшим морозным узором. Всё это происходило в мире сложных звуков, неслыханных на земле. В мире, полном странных шелестов, журчаний и снежного хруста. Это был мир алхимических превращений. Я потеряла своё тело. Оно стало сгустком лавы – то снежно-золотой, то прозрачно-хрустальной. Лава двигалась легко и быстро⁴⁷.

По тонкому лезвию луча, словно по желобку, она устремилась вдаль, в чёрные глубины вселенной. В самом конце желобка сияла золотая звезда. Это был вход.

Словно распахнулась плотная завеса вселенского мрака, озаряемого только дальним мерцанием звёзд, и моему взору предстал удивительный мир.

Мир, полный золотого сияния, – при отсутствии солнечного света всё светилось изнутри. Грандиозные дворцы поднимали ввысь причудливые витые купола своих башен. Спиралевидные формы перетекали друг в друга. Изгибались подобно колышущимся в воде лотосам. Населённый прекрасными созданиями, напоминающими мужчин и женщин, но несравненно более изящными, этот мир был лишён привычной земной плотности, материальности – при этом утончённая чувственность ощущалась в каждом повороте головы, в каждом изгибе тела. Прекрасные существа двигались по воздуху, не разговаривая в привычном нам смысле, но общаясь то ли мысленно, то ли с помощью музыкальных звуков. Это был мир музыки, танца, магических превращений, перетеканий одной вещи в другую. Мир, напоминающий страны Востока, Индию. Её древние храмы в Кхаджурахо, Храм Солнца в Конараке. Только формы были гораздо более одухотворёнными.

Вверху сияло лазурное пространство, похожее на небо, но более глубокого и ясного цвета. Туда, словно заостряясь в своём движении, направлялось и втягивалось всё. Втянуло туда и меня, да так плавно и быстро, как нитка входит в игольное ушко.

(Астрал)

Следующий мир был более строг – его белоснежно-серебряные формы были более готическими, чем «восточными», увиденными мною прежде. Глубокая синева светила и там и так же притягивала.

довольно характерное восприятие.

⁴⁶ Ср. с переживанием «Золотого озера Будды» у Венделла.

⁴⁷ Интересное описание, связанное с «обретением» «шаманской души» – астрального тела.

Я оглянулась назад – и увидела великое множество обитаемых миров, каждый своего цвета и оттенка цвета. Миры располагались во Вселенной наподобие островов – от каждого из них в центральный канал шли лучи, связующие остров с центром. Мир был невероятно объёмен, миры находились на разном расстоянии относительно друг друга, на разной высоте, но всех их связывал «ствол» – центральный канал, в котором находилась сейчас я. Это было похоже на бескрайнюю крону Мирового Древа.

Ветвями его были лучи, выходящие из островов, а шапками листьев – сами острова. Был синий остров: словно в мерцании павлиньего хвоста, там угадывалось местное население, одетое в пышные одежды, похоже, усыпанные драгоценными камнями, испускающими яркий блеск. Был остров бирюзовый, словно море, населённый морскими существами, похожими на наших дельфинов, только более гибкими и лоснящимися, почти сливающимися со стихией, в которой они обитали.

Был остров рубиново-красный, как кровь или вино, – там происходило бурное движение, будто шла битва.

Ниже плоскости островов располагались «тигли», видимые как мерцание жидких металлов в ограниченном пространстве, потом мир зеркальных лунных отражений, а ещё ниже – различимая будто через линзы – маленькая голубая Земля.

Далее был странный, неприятный момент перехода, словно ломался лёд или я проходила сквозь хрустальную кристаллическую друзу⁴⁸.

Разбитый, торчащий осколками стекла вход остался внизу – передо мной лежал Космос, полный множества звёзд – они были совсем близко⁴⁹.

Здесь всё было наполнено жизнью, она текла везде, всё пронизывала собою – меня окружал сонм живых созданий, чьи очертания и формы я не могла себе и представить. Всё это кружилось, образуя нечто подобное вихрю – бесконечному в бесконечности. В силу огромной скорости происходящего мой взор выхватывал то подобия человеческих лиц, то формы, принадлежащие растительным или животным царствам⁵⁰.

Впереди сверкала широкая лестница, уходящая ввысь. Над ней и вокруг неё кружилось несметное количество ангелоподобных существ, светоносных, почти прозрачных, крылатых,двигающихся в совершенно невообразимых направлениях. Это было прекрасное целое, напоминающее невероятный музыкальный инструмент сродни органу. Всё звучало прекрасной музыкой. Непохожей на привычные нашему слуху земные гармонии. К спине каждого Ангела сверху тянулась тонкая нить – струна, оживляющая пространство, создающая неповторимую музыку.

Каждый Ангел исполнял свою песнь, свою мелодию, а Ангелов было – Воинство.

Это был мир великой множественности, мир постоянно меняющийся и при этом вечный. Времени там не было и пространство также не имело пределов. При этом всё подчинялось какой-то удивительно чистой логике, неисследимой и прекрасной. Гениальной.

Настолько гениальной, что порою казалось, структура уступает беспорядочности, космическая стройность – хаосу. Измерений и направлений движений – множество неопишное. Ощущения не поддаются идентификации, эмоциональные оценки отсутствуют ввиду невозможности применить их к данному месту. И вообще в силу некоей избыточности, избыточности этого мира.

⁴⁸ Восприятие перехода через «небесное зеркало».

⁴⁹ Очень характерный момент – путешественница попадает в сферу звёзд и слышит музыку сфер.

⁵⁰ Ср. с видением Иезекииля. Ангелы, именуемые офанам (престолы, имеющие человеческие и звериные лики), связаны с первым залом небесного дворца.

У подножия лестницы стоял Ангел. Ангел смотрел на меня. Он был почти таким, как на иконе «Ангел – золотые волосы»: такие же чудесные золотые пряди волос, такие же огромные – в пол-лица – глаза, синие, яркие. Он обнял меня, и мы взмыли вверх.

Ангел оставил меня у другой лестницы, сделанной из струящегося хрусталя. Мир здесь был ещё более стройным и разреженным, словно на невероятной горной высоте. Ангелы были объаты белым пламенем, в котором терялись очертания их тел и одежд.

Видела я и иные лестницы – одна из них была погружена в воду, гладкую как стекло⁵¹. В ней отражалась и лестница, и какие-то волнения «воздуха», если можно назвать воздухом то, что меня окружало. Эти волнения были живыми существами – ещё более прозрачной и разреженной природы, нежели видимые мной Ангелы.

В конце концов, я оказалась в месте, куда сходились несколько лестниц разного цвета и формы, теряющиеся в сияющих высотах. Здесь воздух поистине дрожал от присутствия ангельских существ. Само пространство было музыкой, в струи которой можно было вступить, как в реку.

Земля, оставшаяся глубоко внизу, вызвала смутное сострадание – такой крошечной и хрупкой показалась она мне с высоты.

Ангельские миры так далеки от Земли, так совершенны... Их музыка звучит и для Земли, только на Земле никто её не слышит.

Все пройденные миры были совершенно открыты, каждый «персонаж» в них исполнял свою партию в оркестре, называемом Мирозданием. Каждый был – Мир. И всё вместе было прекрасным целым, одно связано с другим тысячами тончайших нитей. Каждая система миров «повторялась» на другом, более высоком, уровне, только в многократно усложнённом и утончённом варианте.

Проследить это развитие отсюда не представляется возможным.

Да и нужно ли?.. Ведь мой вопрос заключается в другом: зачем всё это?

Север

1.

Это были последние мгновения заката. Я стояла лицом на запад.

Солнце горело злато-багровым огнём, отражаясь в небольшой мелководной реке.

Солнце отразилось в ней полностью, и я вошла в эту реку.

Вода была прохладной и тихой, солнце пламенело у меня под ногами.

В какой-то момент я перестала различать солнце в небе и солнце, отражающееся в реке.

Я приблизилась к солнцу, словно погружаясь в его лучистое сияние, и оно охватило меня и повлекло.

Я провалилась сквозь солнечный диск, через узкую тёмную щель, в отражение солнца в реке.

Пройдя его насквозь, я оказалась в чрезвычайно странном и даже отвратительном месте⁵².

Это было подземелье, в которое не проникал ни единый луч света.

⁵¹ Ср. с описанием из древней «Книги дворцов», описывающей «залы» (хейхалот) небесного (райского) дворца. Пол, покрытый кристаллом, подобным воде, – в шестом зале.

⁵² Западный лабиринт. Ср. описание у Маркуса.

Там была глубокая глухая тьма, как в могиле. Ощущение безвоздушного плотного пространства. Непробиваемая материальность. Я пробиралась сквозь лес спутанных корневищ, переплетённую древоподобными сучьями темноту.

От малейшего моего движения, от малейшего шага раздавался угрожающий сухой треск. Словно я рвала, резала и крушила какие-то намертво сплетённые корни.

Я продиралась вперёд со слепым отчаянием человека, который совершенно не знает дороги и не имеет представления, куда приведёт его этот путь.

Я двигалась довольно долго, как вдруг в руке моей блеснул то ли фонарик, то ли огонёк, то ли крестик. Он слабо осветил темноту: это была огромная нора, которая уходила всё ниже и ниже.

Потом я сорвалась и полетела по ней вниз, как Алиса в Страну чудес.

Стены норы были гладкие и словно песчаные.

Я достигла дна и осмотрелась. Оттуда вели ответвления вверх, в разные стороны, наподобие тех древесных корней, сквозь которые я продиралась вначале. Вверх вели несколько ходов. На краю одного хода я обнаружила слабое сияние света, напоминающего то ли дневной, то ли солнечный.

(Выход на север)

Я стала подниматься наверх по скобам, которые были словно специально вделаны в стену гигантской трубы, внутри которой я двигалась.

Потом я оказалась наверху, выбравшись сквозь уличный люк, – в городе⁵³, пустынном и, по-видимому, проклятом. Этот город напомнил мне заброшенные города в голливудских фильмах ужасов.

Там не было ни одной живой души. Тем не менее определённо обретались какие-то тёмные смутные сущности – то ли выродившиеся люди, то ли нечто среднее между классическими зомби и некими вырожденцами-одиночками.

Явная угроза исходила от всего, что было в этом городе. От распахнутых настежь дверей, ведущих в пустоты давно покинутых комнат, от пустынных улиц, где не было слышно человеческих голосов или шума, характерных для любого города.

Угроза чувствовалась в проёмах окон, чьи стекла были безжалостно выбиты.

Даже в сыром белёсом тумане затаилась угроза. Словно из него были готовы выскочить и растерзать любого какие-то твари.

Я быстро шла через этот город, и это было действительно страшно.

(Северный лабиринт)

Потом был короткий момент, когда я почувствовала, что снова перехожу куда-то в иное пространство. Я оказалась в подвале одного из домов, возможно чувство угрозы загнало меня туда. Там я снова стала блуждать. Это была система труб, тянувшихся на много километров в разных направлениях, внезапно обрывающихся в пропасть, то вдруг оканчивающихся тупиком, то, наоборот, бесконечно разветвляющихся на множество других. Гигантский трубопровод.

Трубы шли также и вверх. Я подняла голову и опять увидела над отверстием одной из труб слабое мерцание света, словно солнечный диск повис над ней, зацепился краешком. Сияние было вверху и справа. Я снова стала подниматься по трубе, как и в первый раз. Это произошло довольно быстро.

⁵³ Ср. северная часть Города у Маркуса и город по пути на север у Венделла.

Местность, в которой я оказалась теперь, была неземной, хаотичной; это был мир формирующихся гор, мир вулканической активности⁵⁴. Отовсюду вырывались клубы пара, едких испарений, горячей воды. Вода била в серое небо огромными гейзерами, кругом бурлили грязевые вулканы. Под ногами гудел подземный огонь, его жар можно было ощутить даже в окружающем воздухе.

Периодически в небо взлетали камни, подброшенные подземными газами. То вдруг взлетали огненные протуберанцы, пролетали несколько метров, описывая крутую дугу, и падали на землю со страшным шипением. Идти там было очень опасно.

Следующая часть пути представляла собой местность, напоминающую каньон, разломы в котором уходили неведомо в какие чудовищные бездны.

Там было тихо, темно, но порою оттуда вырывались шипящие звуки либо гудел скрытый подземный огонь.

Солнце находилось внизу и справа, в виде узкой полоски света.

В одну из таких щелей-трещин я едва не сорвалась, каким-то чудом удержавшись на самом краю.

(Эфирный слой)

Меня буквально вытянуло вверх из трещины и снова повлекло вверх и вперёд как бы в золотом потоке сияющей лавы. В лицо и в спину мне дул сильный ровный ветер, как будто неся на невидимых крыльях. Порою я перелетала через огромные пространства. Сразу оказываясь в каком-то ином месте и, видимо, в ином измерении.

А пространство окрест было словно насыщено светом. Впереди бело-синее сияние. Мощное излучение света. В эти мгновения я вдруг осознала, что нахожусь вне Земли, в космическом пространстве. Я отчётливо видела кольца Сатурна, словно витки гигантской спирали, сияющей мириадами ледяных пылинок-шариков. Среди этих ледяных шариков кружилась и я. Я словно растворилась среди них, проходя эти круги и повороты, но могла бы снова собраться – в другом месте. Это длилось недолго. С орбиты Сатурна я словно перескочила в другой мир.

(Астрал)

Впереди сиял лик, напоминающий солнечный, – бело-синий, невероятно яркий, лучащийся и мощный, полный неземных энергий.

В это солнечное средоточие меня втянуло, словно намагниченную частицу.

Потом был мир сияющих вод, бесконечное гладкое озеро с чистой водой. Вода казалась золотой от внутреннего сияния. На середине озера цвёл прекрасный белый цветок, напоминающий лотос⁵⁵.

Цветок крутился во всех направлениях.

Он приблизился ко мне, и я оказалась внутри цветка, в центре его сияющей сердцевины.

Вокруг меня змеились золотые, белые и синие лучи – словно лепестки цветка.

⁵⁴ Стихийная сфера огня.

⁵⁵ Ср. с лотосом, растущим на севере из вод, в рассказе Венделла. Ещё одно его «северное» видение: «Я сел на Пегаса, и он отнёс меня на поверхность как бы гигантской стеклянной сферы („небесная твердьня“ – подумалось мне), включающей в себя сферу земную, которая была далеко внизу. Я отпустил Пегаса и пошёл прогуляться по сфере. В какой-то момент передо мной вырос грандиозный цветок. Наверху распустился бутон».

Это был мир чистейших энергий. Они текли во всех мыслимых и немыслимых направлениях, перетекали одна в другую. Это напоминало струение вод, но воды были заряженными, каждая имела свой оттенок. Всё постоянно менялось, двигалось.

Это был мир множества энергетических линий и полос. Множества энергетических полей высокой степени мощности. В этом мире я не ощущала уже своего тела, оно тоже стало одним из бесчисленных энергопотоков. Потоки растекались и растягивали меня во все стороны, было чувство, что ты сама бесконечно растяжима во всех измерениях и нет границ – ни у тебя, ни у этих потоков энергий.

В области затылка и в верхней части позвоночника я почти постоянно чувствовала сильное тяготение, словно в этом месте закреплена некая нить, протянутая сверху вниз, и тебя тянет по этой нити вверх...

Если через точку действительно можно провести бесконечное множество прямых, то эта характеристика как нельзя более подходит для этого мира.

В то же время я была такой точкой. И каждая подобная заряженная линия была такой точкой, в свою очередь. Всё это собиралось в заряды высокой мощности, соединялось, сплеталось, текло.

Великое множество энергетических полей. Каждое уникально, каждое связано с другим, с третьим – бесконечное сплетение многообразных связей, которые невозможно проследить. В то же время полное отсутствие какого бы то ни было хаоса, беспорядка. Всё это было единой целостной структурой.

Но структурой волновой, струйной, динамической, текучей.

Это целое было большим океаном, заряженным информацией, чьё бытие выражалось в виде энергетических потоков.

Это была некая изнанка бытия, сияющая, открытая, проницаемая и наполненная огромной силой. Это было место, где я тоже текла и непрерывно менялась. Место расширения. Вверх уходили белые световые энергетические слои, также перетекающие друг в друга.

Возникло стойкое ощущение перенасыщенности светом, переполненности некой информацией, словно все энергопотоки прошли сквозь меня и я переполнена ими.

Словно я перерастянута во все стороны, в какие только возможно. Цвет перенасыщения был густо-синий.

В этом путешествии переход через эфирный и нижний астральный слои был очень быстрым. Нетрудно заметить, что описание верхнего астрала близко западному, но там восприятие было «персонифицированным» – ангелы, а здесь «безличным» – энергии.

Другое северное путешествие (уже без отклонений на запад) даёт ещё более безобразный вариант:

2.

Звёздное небо над головой, и отражение звёзд – под днищем лодки⁵⁶. Ветер стихает, океан абсолютно тих, в нём чётко отражаются звёзды. Мир представляет собой две створки раковины: сверху небо с созвездиями, внизу – вода, полная звёзд. И я – на границе между небом и водой. Потом я вижу, как океан чуть левее низвергается водопадом.

(Астрал)

⁵⁶ Первая часть путешествия была связана с чёрными пустынями севера, здесь начинается уже эфирная часть маршрута.

Впереди же, правее и выше, вдруг возникает ясное видение света – словно проём. Это окно, в котором проявлено лицо вроде Будды, только на голове его убор, похожий на корону. Приглядевшись, отмечаю, что это не просто корона, а храм, закручивающийся подобно спирали, ступа.

Всё время путешествия, предшествующее этому моменту, я слышала какие-то посторонние шумы поблизости в реале. То есть буквально шорохи и шуршание, словно вокруг меня кружится стая мотыльков, привлечённых мерцанием свечи.

Но в это мгновение всё стихло.

Я приближаюсь к этому светлomu окну, втягиваюсь в него, и лицо Будды исчезает – я в другом мире.

У меня ясное ощущение, что этот мир – совершенно незнакомый, я его никогда не видела, он как бы абсолютно инопланетный, неведомый.

Там всё полно света, этот свет сам по себе. Там действуют мощные магнитные поля, силы притяжения и отталкивания, всё происходит очень гармонично. Есть чувство, что всё неподвижно и в то же время движется с огромной скоростью.

Я так же намагничена, как всё окружающее, и на каком-то этапе я перестаю себя осознавать как самостоятельное существо, как форму. То есть я больше себя не вижу, ни со стороны, ни как-то иначе. Есть только ощущение наполненности светом без границ.

Далее возникает стеклянное (хрустальное) озеро небывалой глубины. На дне озера покоится золотое светило, солнце. Наверху, надо мной – тоже солнце, только более необъятное, охватывающее всё вокруг, намагничивающее сверху донизу. Солнце вбирает в себя всё, в том числе меня. Я снова между створок раковины – сверху солнце, а внизу, подобно жемчужине, тоже солнце, только видимое сквозь слой хрустальной, напоминающей чистейшую прозрачную воду, субстанции.

Потом возникает дорога – хотя это не столько дорога, сколько движение пространства. В нём переплетаются золотые ленты – потоки энергий, они пересекаются, разбегаются, встречаются вновь...

Меня нет, я не вижу себя и не могу понять, что вокруг и где я нахожусь.

(Переход в Эмпирей)

Вдруг пространство меняется – кругом уже чистая белизна, тишина, пустота и покой. Это абсолют покоя, это сама тишина.

Но это пространство живо, оно дышит и меняется, только его изменения невидимы глазу. Впечатление такое, что из этой белизны и пустоты можно сотворить всё что угодно, как из глины, дерева или какого-то другого материала⁵⁷. Очень спокойно.

Совершенно непонятно, правда, что с этим делать, то есть как там действовать.

Белый универсум.

Ты летишь сквозь белый свет – и всё.

Я была подобна остро отточенному лучу, летела сквозь белое пространство, сверкая алмазным остриём, быстрее мысли – и не понимала НИ-ЧЕ-ГО.

Чувство такое, что ты сама и есть это белое пространство или оно помещается внутри тебя самой, принимая твою форму, когда это необходимо.

Что эта белая световая субстанция может быть чем угодно, какой угодно.

Все звуки из реала становятся слышнее и чётче, словно текут сквозь меня.

⁵⁷ Маркус: «Там, где я на западе вижу Пустоту, на севере я вижу Белизну. Оказываюсь в сияющем белом пространстве. Больше всего оно напоминает тот уровень в фильме „Матрица“, где нет ничего, но можно создать всё что угодно. Здесь угадываются обитатели – условно „боги форм“, потому что они создают под себя любые формы и сами не имеют чёткой формы».

Слышно всё происходящее на улице, за стеной у соседей, очень ясное звучание всего вокруг. Эта белизна и свет заполняют всё существо.

Пространство видения безгранично, спокойно и чисто, двигаться там легко, хотя и без всякой цели. Описать это место невозможно, потому что там как бы и нет ничего, и как бы и есть всё, а на самом деле неизвестно, что там делать...

Восток

Здесь путь начинался с весеннего солнца, окружённого берёзовыми ветками. В обрамлении зелёных молодых веток висело лучащееся солнце, приветливое, чистое.

Я долго смотрела на него. Оно было ласковым, нежным... Оно было подобно золотой колыбели, покачивающейся на водах бескрайнего неба. Оно приближалось ко мне, я двигалась навстречу ему.

(Стихийный слой)

Вдруг солнце оказалось у меня над головой. Оно обняло меня своими лучами, подхватило и понесло, пеленая, словно дитя, в тихом золоте своей нежности. Ветер был ласковым, прохладным. Солнце убаюкивало, и я плыла, как ребёнок – в чистой колыбели света и ветра.

Несмотря на спокойствие, в котором проходило это движение, я двигалась в то же время очень быстро, стремительно. Периодически я взглядывала вниз из лучащейся материи солнечного света.

Было два варианта движения. Первый – двигаться вместе с солнцем, в солнечном дыхании, почти лететь. Второй – по земле: самостоятельно, преодолевая все преграды (а они были) на пути.

Я выбрала первый, но нижний путь я видела с высоты своего полёта.

Это была дорога, вьющаяся среди пустыни, среди барханных холмов, в полном безмолвии. Потом пустыня кончилась, впереди выросли высокие горы. Высокий хребет. Напоминающий Гималаи, Памир или какую-либо горную цепь⁵⁸.

Хребет протянулся полукольцом слева направо, как бы с севера на юг. Горы словно повисли в пространстве, они были заснеженными. На склонах мерцали огни, точно маяки, проблески надежды для усталых путников. Но горную цепь я преодолела так же быстро, как пустыню. За горами начинался другой пейзаж⁵⁹.

(Эфирный слой)

Чёрное небо, созвездия. Затем был момент, когда всё изменилось в очередной раз. Словно врываешься в иное пространство и время. Стремительное движение продолжалось, только несло меня уже не солнце.

Я летела сама, в золотом потоке, словно по жёлобу, ощущая сильную тягу сверху.

Из позвоночника кверху тянулась нить – скорее невидимая, но явно ощущаемая, – по которой можно было двигаться вверх и вперёд.

Мир, в котором я находилась, был золотым, прозрачным от внутреннего сияния. Потом он резко менял цвет – становился ярко-синим, плавающим. То вдруг сиял белизной. Но всё время нахождения в нём я чувствовала эту тягу сверху.

⁵⁸ Ср. со степью и горами на востоке у Маркуса.

⁵⁹ Если Маркус описывает находящийся за горами Восточный континент, то Ла Меча сразу начинает «вознесение».

В одно из мгновений я почувствовала, что меняюсь внешне, так сказать перерождаюсь во что-то неведомое, новое.

У меня выросли крылья – они были мокрые, словно я вышла из воды; у меня изменилось тело – стало худым и поджарым, даже костлявым. Изменилось лицо, оно вытянулось. Я стала похожа на кокон насекомого, в котором это насекомое, сложив крылья, прячется.

Я обнаружила вокруг себя бесчисленное множество таких же созданий. Всё это напоминало огромную колонию пчёл, гигантский улей⁶⁰. Всё это множество человекообразных пчёл шумело, гудело, словно присосавшись к огромному диску, как к стенке улья. Диск, в свою очередь, был похож на днище инопланетного корабля, а колония «насекомых» – на цивилизацию гуманоидов. Однако всё это вызывало смешанные чувства (я не очень люблю насекомых). Эти создания иногда даже напоминали саранчу. Во всём этом была своя логика, свой смысл, непонятный для меня.

Я не понимала, почему мы все висим, словно намагниченные, у этого диска.

Вдруг диск перевернулся, и мы оказались с другой стороны. Пчёлы разлетелись во все стороны. Я вылупилась из кокона, а мои крылья исчезли.

Я заново родилась. Это было рождение в ином теле, в ином мире.

(Астрал)

Здесь снова сияло бело-синее светило, похожее на громадный цветок, ласкающее светом, даже обжигающее...

Я двинулась навстречу ему и неожиданно увидела перед собой бескрайнее озеро, в котором вода казалась жидким золотом. Вдали, прямо на воде, стоял Город необыкновенной красоты. Светило преобразилось в город. И я вошла в него.

Не хватит слов передать, что я там увидела.

В городе не было солнца, но он был весь – СИЯНИЕ. Не было источника Света, но сам он был – Свет. Не было границ между разными формами, но все формы существовали одновременно, перетекая друг в друга и безгранично развиваясь.

Здесь было Великое Хранилище всех форм и структур, какие существуют не только на Земле, но во всём мироздании.

От мельчайшей пылинки до человеческой личности. От семени цветка до божества.

От истории одноклеточной водоросли, начиная с её зарождения, роста и гибели, и от начала до конца истории, времени, пространства. Всё, что существует, все виды пространств и времён были заключены в этом Хранилище в своём оригинальном первоизданном виде. Те формы, которые были, те, которые ныне существуют на Земле, присутствовали в том виде, в каком они должны были бы существовать на Земле. Стократ совершенная форма – полностью лишённая изъянов и даже намёка на несовершенство. Это был мир великого бесконечного творчества. Голова не вмещала этого многообразия. На меня валились цветы всех сортов и размеров, дивные ароматы витали в воздухе, каждый аромат проходил сквозь меня, как волна ветра. Каждый цветок, каждое дыхание живого существа проходило сквозь меня. Моё тело сделалось абсолютно проницаемым и золотым. Я словно видела себя со стороны – в том виде, в котором должна была бы жить здесь, на Земле. Это была я и не я. Кто-то стократ лучше меня. В этой нематериальной красоте тем не менее присутствовало что-то чувственное, но совершенно другой окраски, чем на Земле. Эта форма тоже была текучей, постоянно изменяющейся, находящейся в динамике, при этом женственная структура сохранялась.

⁶⁰ Очень любопытное видение «пчеловеков» как образа, связанного с востоком. Улей – это в некотором смысле архетип идеального общества в «восточном» понимании.

Возможно, этот мир был миром прообразов, божественных прообразов всех форм бытия. Всё вокруг гремело невероятной музыкой – словно звучали гигантский орган, оркестр – во славу Творца всего, во славу Творения. Волны этой музыки проходили сквозь меня, как волны океана. Вокруг меня изгибались арки готических соборов, восставали из золотого небытия главы церквей, пестрели дивными узорами стены восточных храмов... Всё текло и менялось непрерывно, одно сменялось другим. Всё было Городом, Город был Всем. И во всём этом многообразии светилось, так же перетекая во все формы бытия, Лицо – человеческое и Иное. Прекрасное лицо. Оно было Ликом города, оно было Всем. Всё было в этом Лике, Он был во всём.

Лик был и далёк и близок одновременно. Он был в каждой пылинке, в каждом цветке, в каждой собаке и кошке, в каждом человеке, в капле воды, в облаке тумана, в дуновении ветра, в каждой колонне храма, в повороте дороги, в лестничном пролёте, в изгибе моста. Он был здесь, и он существовал всегда. Сам этот Город был вечным всегда.

В этом мире всё было целостным и подлинным. Таким, каким должно быть.

Всё было прекрасно до слёз. И прозрачные волны бродили по моему лицу, словно вытирая слёзы...

В этом городе мне довелось посмотреть на мироздание словно через некий астрономический прибор.

Я отчётливо увидела, что Земля находится в едином золотом столбе со всеми прочими слоями. Она словно в золотой капсуле.

Крепко связана с вышними мирами, с миром вечно меняющихся форм, миром прообразов. Она не отделена от них. Ничем и никем. Просто сейчас она находится дальше, чем это было сначала. В результате крупной ошибки она отдалилась на огромное расстояние. Но продолжает оставаться «на связи».

Наш мир и всё, следующее за ним во всех направлениях, представляет собой как бы разные формы Божественной игры. Это очень чувствуется именно в этом слое.

В городе я попала в бесконечную библиотеку.

Она представляла собой множество полок, на которых были стопками уложены золотые пластины. Одну из пластин я взяла в руки и стала рассматривать.

Она была довольно тяжёлой, её лицевая сторона была испещрена тонкими узорами вроде микросхем, заполненными ярким голубым металлом, который непрерывно тёк и переливался в пределах микросхемы.

Я наклонилась ниже к пластине и ощутила, как мне в лицо ударил столб сияющих намагниченных золотых пылинок, и моё лицо словно поглотило их. Информация прочитывалась таким образом. Только на этой пластине была записана печальная информация. Я увидела катаклизм, в результате которого земной мир прекратит своё существование. Это были волны нового потопа, вызванного, по всей вероятности, космической катастрофой. Когда это будет, я не смогла понять, всё случилось слишком быстро, и я перенеслась в другое место.

Город освещался своим собственным светом. Наверху, среди облаков, похожих на грозовые, было сияние, которое спиралевидно закручивалось, вовлекая в свой круговорот. Там было сияние нестерпимой белизны. Там тоже угадывался Лик.

Я ощутила его как лик Бога-Отца.

(Эмпирей)

И пошла в его сияние. Оказалась в мире, прочерченном спиральями, похожими на ДНК. Здесь они сплетались, скручивались, перетекали друг в друга во всех плоскостях и объёмах, и на одной из таких спиралей вращалось и наше мироздание, каким мы его «знаем» и «видим».

Кроме него было бесчисленное количество иных. По одной густо-синей спирали начала вращаться и я. Кругом всё заливал нестерпимый свет.

Юг

Направление на Юг. Солнце было уже достаточно высоко. Я стояла у карьера, где обычно жители купаются в жару. Озеро было позади меня, а солнце впереди, надо мной и немного слева. Я повернулась к нему лицом. Оно было ярким и лучистым, как всегда. Мне казалось, что миллионы золотых нитей исходят из лучистого центра, так что светило раскрывается подобно гигантскому золотому цветку. Всякий раз, наблюдая цветение солнца, я удивляюсь излучению жара и света. Одновременно золотое и прозрачное, солнце обладает удивительной способностью преобразовать окружающее, делая его радостней и чище...

Я смотрела на солнечный диск, повисший над моей головой.

Солнечный свет охватил меня, окружив тёплым золотым кольцом, и я сразу начала двигаться вверх. Я поднималась в столбе света, точнее меня тянуло вверх в потоке лучей, эманлирующих из сердцевины солнечного цветка. Это был быстрый подъём. Потом я словно прошла внутрь солнца. Вокруг меня змеились потоки сияющих энергий – белые, золотые, синие... На миг мне показалось, что я становлюсь одной из таких причудливых линий – подобных молнии, – излучающих жар и свет...

Я продолжила движение вверх. Вскоре я оказалась в тоннеле, полном сияния⁶¹. Тоннель напоминал одновременно щель, тайный ход в диковинной пещере, длинный золотой коридор. Стены тоннеля были сложены из какого-то металлического материала и покрыты надписями, напоминающими загадочные граффити. Я продолжала двигаться по тоннелю. Это длилось довольно долго. Тоннель изгибался вправо, а потом резко пошёл вверх. В конце его замаячила лестница, едва угадывающаяся в сиянии, которым было пронизано всё. По этой лестнице я поднялась и неожиданно оказалась в спиралевидном завихрении.

(Эфирный слой)

Мне казалось, что я медленно плыву внутри золотого круговорота, не имеющего ни начала, ни конца. Вместе со мной там кружились другие создания. Люди и животные – все вместе мы двигались по кругу, который с каждым поворотом увеличивался, расширялся и набирал высоту. Кружение развёртывалось в пространстве космоса – чёрное небо с далёкими созвездиями. Несмотря на ощущение замедленности движения, было понятно, что все мы движемся с небывалой скоростью.

(Астрал)

Я находилась перед огромным светилом-цветком, которое вращалось во всех направлениях, но преимущественно в горизонтальном, и испускало яркий свет, переливающийся из чаши цветка, подобно тому как вода изливается из сосуда. Цветок приблизился ко мне, а может меня притянуло к нему вплотную. Я чувствовала свет, который не обжигал, подобно солнечному, но освещал меня изнутри, пронизывая насквозь, наполняя энергией.

Я обернулась назад, взглянув на проделанный путь. Золотая воронка уходила в космическую даль и глубину, сужаясь книзу. Внизу, у самого её края, переливалась нежным голубым светом Земля, маленькая, далёкая. Широкое горлышко воронки, возле которого я находилась сейчас, напоминало разветвление ствола огромного дерева, корни которого были неподалеку

⁶¹ По аналогии с «подземельями» стихийного слоя такой проход можно назвать «надземельем».

от Земли. Здесь же были другие миры – огромные лучащиеся цветы, соединённые между собой потоками золотой энергии. Я плавно переходила с цветка на цветок, словно мостом, пользуясь энергетическими потоками.

На одном из цветов я опрокинулась навзничь и ощутила, как лучи проникли мне под кожу, и я сняла свою плоть, как снимают одежду.

Она в прямом смысле соскользнула с меня. Освобождённое существо выглядело так же, как в Городе – хранилище прообразов. Золотое, словно изнутри освещённое, тело – меняющееся, текучее, плавное и стремительное одновременно⁶². Одежды не было. Меня подхватил светлый поток и повлёл вверх. Я всё время чувствовала эту тягу с высоты, иногда сама тянулась вверх, как бы держась рукой за невидимую нить, спущенную сверху.

Я текла вместе с золотым потоком. Вскоре я оказалась в облаках светлого молочного тумана, словно в проблесковых маяках, в мерцающих огнях или искрах. Я стояла на плоской поверхности, гладкой и блестящей как стекло. Я кого-то ждала.

И он появился. Из туманных потоков, из мерцающих слоёв неземного воздуха вышел Золотой Лев⁶³. Он направился прямо ко мне. Он улёгся рядом со мной, поднял голову, тряхнул гривой и внимательно посмотрел на меня, словно приглашая продолжить путешествие. Я расположилась на его большой спине, обняла его за шею, и мы отправились в путь.

Он шёл величественно и плавно, унося меня в неведомые дали. Мне было спокойно и радостно: лёжа на спине Золотого Льва, я чувствовала себя в полной безопасности. Лев был не просто моим проводником – он был какой-то неведомой и прекрасной частью меня самой, воистину он был Чудом.

Иногда Лев совершал мощный и красивый прыжок, полный грациозной силы, и мы переносились на огромные расстояния. Перелетали через множество миров.

Так мы оказались в пульсирующем световом пространстве, в белом сиянии, словно в огромном сердце. Может, это было сердце вселенной. Мы двигались там осторожно, словно боясь потревожить это сердце.

Иногда я спускалась со спины Льва и шла рядом. В какое-то мгновение мы увидели золотые ворота из скрещенных прутьев, которые распахнулись перед нами, и мы вошли в абсолютно белый мир. На мне оказалась белая одежда – наподобие греческой туники, которая представлялась единым целым с телом.

Перед нами простирался горный пейзаж. Горы были густо покрыты лесами. В золотой дали терялись очертания горных склонов. На них лежали лёгкие белые облака, вились струи тумана.

Здесь не было солнца, но этот мир сиял ярче солнца, освещённый внутренним светом. Под ноги ложилась мягкая белая трава, терялась вдали спокойная золотая река с необыкновенно медленным течением. У реки, на траве под деревьями, лежали, сидели, отдыхали, смотрели на реку, слушали шум листвы задумчивые, спокойные люди. Одни читали книги, другие были погружены в созерцание прекрасного мира вокруг. Я увидела в своих руках книгу. Она была небольшого размера, её обложка была белой с золотым тиснением. Я открыла страницу наугад. Передо мной возник целый мир – книга была живой, движущейся, меняющей очертания подобно миру, в котором находились мы со Львом. Страница представляла собой весенний мир, в котором густо цвели подснежники, поднимая белые чашечки над первой зелёной травой. Я взглядела в картинку.

Тут я увидела параллельную реальность, некую альтернативу своему пребыванию.

⁶² Это и есть «астральное тело» в точном смысле слова.

⁶³ Лев (в связи с образом тетраморфа) соответствует югу.

Я стояла на улице большого города, под проливным дождём, среди спешащей толпы, в которой никому ни до кого не было дела, и читала эту книгу. Страницы в ней были, как в обычной книге. Я прочла слова: «Братья, не теряйте надежды!» В этот миг на горизонте вспыхнуло сияние, подобное вспышке многих солнц, сияние небывалой мощности, напоминающее ядерный взрыв. И всё смыло волной дождя.

Здесь, в белом мире, всё разворачивалось иначе.

На горизонте появились мощные грозовые облака, среди которых вспыхивали синие молнии. Неожиданно среди облаков появился яркий просвет, облака исчезли, а весь мир содрогнулся, и ветер невероятной силы сорвал с места отдыхавших людей. Деревья нагнуло книзу порывом ветра. Однако здесь не случилось ничего непоправимого. Всё моментально вернулось на свои места, как будто ничего и не было.

Я снова заглянула в книгу и прочла: «Братья, храните Надежду!»

В следующее мгновение мы со Львом перенеслись в другое пространство.

Мы оказались внутри золотого тоннеля, напоминающего тот, с которого я начала своё странствие. Однако он оказался намного короче. Спустя некоторое время мы оказались на плоскости, напоминающей площадку, выложенную стекловидным камнем, издающим спокойное свечение. От этой площадки во все стороны расходились лестницы. Мы стали подниматься по одной из них. Снова оказались в гористой местности, необъятной и подсвеченной изнутри. Потом мы вращались в пределах ярко-голубого круга. Вращение происходило против часовой стрелки. Круг неуклонно расширялся и набирал обороты, скорость вращения увеличивалась, и масштаб движения стремился к бесконечности.

Мы со Львом спокойно стояли на этом круге, поворачиваясь вместе с ним и наблюдая окрестные миры, вспыхивающие по ходу вращения круга и стремительно уносящиеся прочь. Словно тающие в бесконечности.

Вдруг движение замедлилось. Впереди замаячила бездонная пропасть. На нас двигалась стена белой сияющей воды. Белый вал. Нас захватило волнами, закружило в водовороте. Я испугалась, что моего товарища смоет водами этого немислимого потока. Я протянула руку Льву, и мне показалось, что он ухватился за неё, совсем как человек. Внезапно мы оказались на плоту, который несло куда-то за эти сияющие белые воды. Но я была с моим Львом. Он был рядом! Мы были вместе, несмотря на этот потоп!

Нас влекло со страшной силой вперёд и вверх.

Движение снова замедлилось, словно мы втекали в какие-то доселе неведомые «земли».

Мы снова стали подниматься в бело-золотом пространстве.

Оно было однородным, даже монотонным, но в нём то и дело вспыхивали синие и золотые молнии-проблески. Мы продвигались через энергетические потоки.

Впереди возникла лестница. Она была текучей и казалась сделанной из жидкого золота.

Лев поднялся на несколько ступеней вверх и, остановившись, присел, словно приглашая меня двигаться дальше.

Я немедленно направилась за Львом.

Наступила глубокая тишина, какая бывает перед наступлением чего-то небывалого. Некоторое время мы продвигались в белом пространстве, пустом и чистом.

(Эмпирей)

И тут я обнаружила, что меняюсь снова. Внешность стала иной. Моё тело и лицо приобрели поразительную скульптурную чёткость линий. Текучесть исчезла. Я почувствовала

абсолютную твёрдость и одновременно проницаемость для света и потоков света, текущих со всех сторон. Только эти потоки обрели плотность и силу. Словно движение многократно замедлилось. Как будто исчезло восприятие текучести, но возникло восприятие твёрдости и ясности, и мой разум открылся для новых чудес.

Впереди сверкнули решётки золотых ворот. Ворота распахнулись, приглашая войти. Лев и я вошли в эти ворота.

Перед нами простиралось золотое озеро. Посередине озера сиял огромный город⁶⁴.

Он был иным, чем Город-хранилище, встреченный мной в одно из предыдущих путешествий. Город был незыблемой твердыней, монументальным и крепким бастионом, словно высеченным из цельного куска неизвестного неземного «материала». Город был энергией, но энергией поразительной плотности и мощи.

Эта энергия не текла, не менялась каждую секунду, но словно застывала в золотой густоте, в монолитной тяжести.

По периметру город был окружён стенами с башнями, башни маркировали ворота города. Ворот было много. Когда я смогла увидеть картину со стороны, я вдруг осознала, что по сравнению с этим городом мы со Львом просто крошки. Мы были невероятно, неопишимо малы, стоя у величественных стен, изваянных неведомым архитектором. Стены были поистине циклопической кладки.

Город был не просто огромен – он был абсолютно самодостаточен, его необъятные размеры поражали. Формы города были просты и строги. Никаких излишеств, никаких причудливых деталей, никаких нагромождений.

Он был цельным, стройным, весь подобен однажды сказанному и полностью отражающему суть слову. Его суть была его формой. Чёткой и ясной. Можно было бы назвать это однозначностью, но однозначность содержала в себе бесконечное многообразие смыслов. Предельная простота и полное совершенство простых линий. Никакой изощрённости и пышности, свойственной мирам, виденным прежде. Его пышность была пышностью простоты. Его свет был всепроникающим. Город был подобен алмазу.

Твёрдость, цельность, ясность, отражение света во множестве граней. Идеальная форма, абсолют формы.

Мы со Львом шли по улицам Города, по мостовым невероятной твёрдости и прозрачности. Мостовым, которые изливали свет.

И здесь я рассталась с моим верным товарищем Львом. Я обняла его, и он потёрся мордой о моё лицо. Потом он величаво двинулся по улице, уходящей вверх. Размеренной, важной походкой он удалялся от меня и вскоре спокойно растворился в белом сиянии.

Передо мной встала стена белого и синего пламени⁶⁵.

Я двинулась навстречу огню. Я была в непосредственной близости от него, когда почувствовала сильное расширение. Я буквально росла, медленно и неотвратно вбирая в себя весь пройденный путь, миры, увиденные во время странствия, населённые невиданными существами, чудесные страны и потоки световых излучений. С каждым вдохом моё «тело» разрасталось, увеличиваясь в сотни раз. Словно втягивая, вдыхая Вселенную...

В случае Ла Мечи мы тоже видим индивидуальные особенности структурного восприятия.

Часть из них связана с особенностями применяемой психотехники (медитации на солнце).

⁶⁴ Ср. с Небесным Иерусалимом Откровения.

⁶⁵ «Завесы» Эмпирея.

Переход на эфирный уровень обычно маркируется видением открытого космоса. Переход в астрал – перспективой открывающейся множественности миров. Верхний астрал – вхождением в «солнце» или «лик», также характерен астральный образ золотого озера и града (что находит аналогии в христианских апокрифах – см. напр. «Вознесение Павла»). Более чётко просматривается конфессиональная символика, – несмотря на то, что сама путешественница христианка, не только христианская.

* * *

Рассмотрим ещё раз упомянутые в книге «сферы» в описании психонавтов.

Стихийные сферы

Воспринимаются обычно как «ландшафт» – лес, степь, пустыня, море, горы, реки, город, подземелье, так или иначе связанный с земным. Или это «ландшафт+» – земной видимый ландшафт дополняется сокрытыми деталями, населяется невидимыми глазом существами. Иногда это не просто условный ландшафт, а новое восприятие конкретной земной местности, плавно переходящей в «иномирье» – именно так его воспринимают шаманы. Конечно, восприятие этого ландшафта иное, несколько сновидное, с меньшей дистанцией между субъектом и объектом, что придаёт восприятию большую цельность и более выраженную эмоциональную окрашенность. Но в основном всё же здесь можно говорить о системе «человек – среда/ландшафт». Духи этого мира «природны», не отгорожены. Хотя собираются и цельные, несколько inferнального колорита, «миры»: «чёрный мир», «лунный мир»...

Эфирная сфера

Здесь возможен и плавный переход, и «космические» восприятия при вхождении. Материя здесь уже существенно отличается от «земной» – она более «текучая», «эфмерная», «просветлённая», но всё же достаточно «материальная». Места эти густо населены. Именно с ними связаны главным образом восприятия «континентов», «эльфийских» и «демонических», «подводных», райских и адских миров, «других планет». В целом можно говорить о «социальной» природе этой сферы, проигрывании вариантов альтернативных «человечеств».

Восточный путь предстаёт как ровный и долгий, приводящий в страну чистоты и отдохновения; западный связан с мирами тайны и воображения; северный – трудный путь воли и преодоления, идуций через тёмные inferнальные пространства. Южный непосредственно ведёт в астральные сферы.

Астральная сфера

Здесь появляется одновременное восприятие множественности миров небесных, видение кроны мирового древа (Ла Меча, Маркус), мировой паутины (Рута). Светоносная материя – сплошное золотое, белое, синее сияние. Образы лестниц, городов, дворцов, храмов, владыки на троне. Здесь мир высших ценностных архетипов. При переходе из низшего в высший астрал – вхождение в солнце, сияющие «лики». Здесь начинаются уже более фундаментальные, базовые настройки мироздания/сознания. Они связаны со сторонами света (как и ниже).

Рута так охарактеризовала эти отличия:

восток – синий – непрекращающееся творение, источник форм;

юг – красный – огонь – сила страсти, горения, пыла;

запад – зелёный – свобода, безграничность познания, открытость всех путей;

север – чёрный, фиолетовый – вихри, сила, несокрушимая воля, безграничная власть;

центр – спокойствие, Золотой Будда, все пути открыты.

Ла Меча видит:

на востоке – «город всех форм», рождающиеся формы;

на юге – «город абсолютной формы»;

на западе – многомерный, невообразимый по множественности путей мир ангелов;

на севере – мир непередаваемо сложных энергий или мир вне форм и определений.

Маркус:

на севере – «город отрешённости»;

на юге – залитая солнцем равнина с непрекращающимся празднеством типа суфийского радения-сама⁶⁶;

в центре – Золотое Существо.

Эмпирей

Проявляется как пустое белое или тёмное пространство абсолютной возможности, потенции – ничто, могущее стать чем угодно. Это мир нирманарати.

Здесь мы добрались до пределов структур архетипического мироздания, «выше» которого сознание претерпевает необратимые изменения, становится чем-то ещё. Собственно, это и называют словом «просветление»...

⁶⁶ Танец-кружение с пением стихов и игрой на музыкальных инструментах. Выражение любви к Богу.

Глава 3. Три вектора

В этой части мы познакомимся с образами «трёх миров»: нижнего, верхнего и переходного (левого/океанского/асурического).

3.1. Венделл

Нижний мир

Видел техногенный город на полуострове, преобладали серые тона.

Видел совсем чёрный мир: из чёрной воды выступают чёрные холмы из какого-то маслянистого на вид камня. Ползает живность.

И видел одно место, знакомое по кошмарам, – inferнальные дачи: домики на невысоких сваях, бревенчато-дошчатые, внизу под домами нечто фосфоресцирует, может грибы. Когда заходишь в дом, из подвала лезет нечисть.

Асурический мир

Видел пролом в граните, ведущий вниз; потом видел тёмный парк с раскидистыми мощными деревьями, листья как у акации.

В парке преобладает чёрный цвет, мрачная красота, тёмный ручей с аккуратными берегами.

Парк находится в просторной длинной пещере.

Прошёл до конца – пещера расширяется в огромное, но, кажется, всё-таки ограниченное пространство.

Соскальзываю по-над ручьём вниз: там сначала тоже парк, потом, чуть на возвышении, ярко освещённый ночной город. Современный, но не ультрасовременный. Летаю над городом, разглядываю освещённые дома, улицы с фонарями. Потом вижу парк, фасеточное здание типа башни, окна из коричневого стекла. В парке – южные деревья наподобие магнолий.

Там, между деревьями, замечаю скольжение огромного питона. Целиком существо не вижу, только его среднюю часть. Чешуя у него зелёная, радужно отсвечивает в электрическом освещении...

Возвращаясь к горе, с которой стекает ручей. Ручей под горой течёт через парк, загибает влево (на запад), расширяется, становится рекой, река – морским заливом, который с запада огибает город.

Дальняя часть города – условно «порт». Не уверен, что там есть корабли, а если есть, то не похожи на наши.

Там небо пронзают электрические разряды, напоминающие полярное сияние, цвета – зелёный, синий, фиолетовый. Заряды бывают восходящие и нисходящие. Видимо, так производится обмен с другими слоями. Молнии иногда достают и до города – видел здание, в шпиль которого ударила молния, но разрушений, пожара нет – видимо, так бывает часто.

Поднимаюсь сам по «обменнику», попадаю в более освещённый и радостный мир. Впрочем, что-то подсказывает, что это тоже пещера. Передо мной мягкие холмы, цветущие луга, прохладный рассвет.

Верхний мир

1.

Я у высокой остроконечной горы. Вокруг драматичный сумрак. Вершина светится в полутьме золотом, свет пробивается сквозь камень (как в соляной лампе). Свет вызывает у меня отклик внутри, в области живота. Свет разгорается сильнее.

Долину заполняет вода, вершина горы продолжает светиться в воде. Усилим воли я разжигаю огонь сильнее. С вершины срываются огромные искры, носятся туда-сюда, отражаясь от гор. Вода превращается в эфир.

Над тлеющей вершиной висит солнце в зените. Я взлетаю и погружаюсь в солнце. Всё вокруг горит. Ощущение, как ни странно, приятное. Я – великан в огне, сидящий со скрещенными ногами. Руки замком на даньтяне, при этом в зазоре между большими пальцами рук собралось очень много огненной энергии, она бьёт ключом, огонь там особенно яркий.

Хочу пройти дальше. Среда вокруг меня белеет, оранжево-жёлтое пламя остаётся позади. Теперь ослепительная белизна. В руках, где была энергия, я теперь чувствую что-то сухое, скрипучее словно перья. Я скидываю руки, и из моих ладоней взмывают в воздух белые птицы. Вокруг белая субстанция, похожая на облака. Снизу поднимаются белые столбы, у некоторых наверху беседка-ротонда. Я прошу небожителей очистить меня от омрачений, и ангел поливает меня из чаши несколько раз местной водой. Это приятно. Вода летит каплями и омывает меня, всё происходит как в замедленной съёмке.

2.

Сначала я поднялся из океана по столбу воды до «водной сферы», потом по столбу-горе до белого солнца. После того как я вошёл в шар белого солнца, обнаружилась новая сфера – «снежная». Я буквально видел концентрические сферы. Снежная, так как поверхность покрыта чем-то вроде искрящегося снега. Вхождение в белое солнце похоже на сферу огня, только вместо огня здесь пластичный белый свет, вначале даже немного клейкий.

Выше белой сферы обнаружилась сфера из невидимой энергии, условно эфира. К ней тоже вёл фонтан. С её высоты просматриваются две нижние – снежная и водная – и Земля, почти невидимая.

Дальше я ощутил спиной (в этот момент был повернут лицом к Земле) упругую преграду и поставил цель пройти дальше. Как оказалось, для этого нужно было расслабиться. Затем обнаружил «диффузное пространство» – там не было пустого пространства и плотных тел, но какие-то объекты присутствовали. Условно назвал пространство «джунглями», из-за бежево-зелёного цвета.

Дальше увидел мощного Царя, восседающего на троне. Его мантия простиралась во все стороны, глаза были ясны как кристаллы, дыхание напоминало поток звёзд. Он взял меня на ладонь и благословил дыханием.

3.

Огромная гора⁶⁷. Вижу одну её сторону как стену, густо покрытую зеленью. Ручьями стекает вода. Следующий уровень горы – покрытые снегом или льдом деревья, а может и сами они изо льда. Потом луга, ещё дальше – вершина горы.

Ставлю цель увидеть дерево – и вижу. Очень красивые цветы, они как бы летают в воздухе вокруг ствола. Дальше просто двигаюсь вдоль ствола вверх, цветов уже не наблюдаю. Прохожу барьер, открывается сумеречно окрашенное пространство. Вижу хоровод цветных светящихся линий. В какой-то момент линии снова образовали нечто вроде кроны. На конце линий – светящиеся капли, весьма утончённо.

По одной из линий, направленной вверх, я двинулся и испытал электрический разряд, бурный нисходящий поток энергии. Далее последовало странное ощущение «лущения»,

⁶⁷ Образ горы соответствует Центральной мировой горе мифологий.

словно с тебя, как с луковицы или кочана капусты, снимают оболочки, слой за слоем. Пока не останется сердцевина. А в сердцевине – пустота...

Потом был белый магический мир: здесь из искрящейся белой пыли складывались фигуры, потом их сдувало ветром, они создавались снова и т. д. Причём я сам управлял процессом. Оттуда заглянул вверх, как бы приподняв край ткани. Наверху была волшебная звёздная материя, и ветром её через прореху занесло немного внутрь, в белый мир. Потом я даже выбрался наружу. Там звёздные искры и цветные переливы. Какие-то моменты были ещё, но уже затрудняюсь вспомнить.

3.2. Рута

Океанский мир

Движение за взглядом в горизонт, туда, где океан сливается с небом, в плетение золоти-сто-зелёных лучей. Дальше как будто скатываюсь по огромной стене воды, падающей с большой высоты. Нырание, но не в толщу, а как бы вниз по вертикальной водной поверхности. Я в глубине, смотрю в холодную, плотную, тёмную воду. Оттуда начинает подниматься небольшой раскалённый шар – я понимаю, что это рождается солнце. Всё выше в воде, ближе ко мне, и я тоже поднимаюсь к поверхности, неотрывно глядя на шар сверху. Он становится больше, расширяется, и цвет более яркий, солнечный, освещающий воду вокруг себя. И когда достигает поверхности, это уже совсем солнце – с лучами, и весь верхний слой воды светлый и искрящийся⁶⁸.

Новое резкое (даже как бы неожиданное) движение вниз, насквозь, через меняющиеся образы пространства. Были огромные сплетённые тела змей (выглядит очень плотной формой, но проход сквозь них не затруднён). Было падение-полёт сквозь пространство мощных голосов, как в огромном амфитеатре; голоса духов отовсюду, низкие, долгие, похоже на общую песнь. Наконец, преграда внизу: непроходимый каменный пол, на котором проступают фрески или барельефы – огромные человекоподобные лица. Только лица. Но они «медленно-живущие» – растягивают черты, двигают щелями губ... словно просыпаются.

Оттуда вернулась.

Нижний мир

Мир сначала стал холодным и сумрачно серым, похожим на ночной осенний лес, где бледно-серый свет едва касается крон деревьев. Стволы по виду и на ощупь по большей части старые или мёртвые. И отовсюду проникает ощущение угрозы. То ли где волки за стволами, то ли ещё какие твари, голодные и опасные, бродят рядом. Ощущается спиной, редкими звуками, непонятными движениями теней или ветвей.

Потом тьма стала сгущаться – и вот уже нет леса, никаких форм, и даже опасных, но всё же живых тварей нет. Только вязкая темнота и из неё доносятся ужасные крики и стоны, полные боли, ужаса, тоски и отчаяния. Порой перед глазами возникает метнувшееся навстречу или рядом нечто: рваные белые силуэты, которых растягивает и сжимает непонятная сила, будто тянут и рвут жвачку на нити-жгуты. Иногда это только лицо, которое с натяжкой можно назвать человеческим: огромное, выныривает из темноты и, издавая вопль, пропадает опять.

(Это похоже на ад, только холодный и тёмный. Сохранить осознание целостности и неприкосновенности помогает только ощущение светящегося источника, который наполняет моё тело изнутри – он переливается, пульсирует и всё время будто расширяется, не прекращая «подачу энергии».)

Смена произошла внезапно, как провал – такое ощущение возникло на контрасте, потому что наступила тишина и будто появилось пространство, ограниченное стенами. Подобное огромной подземной пещере с ходами и расширениями. Понижение происходило

⁶⁸ Очень архаичный образ солнца поднимающегося на горизонт из Левого, Океанского мира.

плавно, как по извилистому коридору. Внизу «пол» порой покрывался водой: внутри пещеры плыли шёпоты – то звали, то угрожали, менялись слова – то понятные, то на иных языках. И эти шёпоты заманивали и затягивали, старались проникнуть в сознание и завладеть им. Стали появляться цвета: то глубоко-изумрудная прожилка в скале, то сине-зелёный отсвет на дне под водой, то странные бледно-голубые (мертвенно-бледные) цветы на камнях, где пещеры открывались наружу, к пространству. И эти цвета тоже затягивали взгляд, затуманивали разум и завлекали куда-то.

...Пещерный ход резко пошёл вниз, расширяясь и скатываясь на другой уровень, откуда всё сильнее изливался красный, багрово-огненный свет, жар, будто там кипела лава – и тоже доносились крики, но это были крики ярости.

Там мелькали фигуры людей – больших, с гипертрофированными мышцами; в руках мечи, молоты – слышались удары, как по наковальне. Металл о металл. Это было похоже на кузницу бога войны. Это было само воплощение гнева, безжалостной ярости – и невольно эта красная ярость проникала в грудь и находила отклик, пыталась разгореться в ответ. Но не смогла одолеть моего мягкого пустотного и золотистого света, который не позволил измениться пролетавшему сквозь горнило лёгкому телу.

На исходе из центра этого мира было темнее и более влажно – по земле текло много крови (менструальной крови, крови жертв).

Снова смена произошла внезапно: открытое пространство, травянистые холмы с редкими кустами и деревьями – там совсем сумерки или ночь. В неверном лунном свете, с тёмными облаками, некоторые очертания скорее угадываются, как и непостоянное журчание ручьёв – вроде только что блестела кривая полоска воды среди травы, а уже и нет её. И проходят-проплывают с разных сторон тени, как колышущиеся силуэты в плащах. Их можно уловить только краем глаза: возникают из воздуха и, продвинувшись недалеко, растворяются. (В них чувствовалась направленная воля: захваченный их «полем» кусочек мира плывёт и тает – и где-то в другом месте, в другом мире теряет форму и тает ещё что-то.) От них нет ощущения злости и благодати тоже нет, чистая игра магии «без души», с пустой бледностью внутри. Именно такая пустота и вызывала ощущение чуждости, желание скорее пролететь мимо.

Возникло ощущение взгляда в овраг или болотную яму, покрытую серым мхом, или липкой паутиной, или вязкой грибницей с трухлявыми чёрными спорами. Всё это рассыпалось-расползлось в стороны, редело, давая провалиться сквозь, ещё глубже. И не было дна этой ямы или оврага. Остатки паутины расползли уже над бездной черноты. И дальше началось долгое свободное падение в ничто.

Порой в этом полёте-падении ощущались как присутствие гладкие чёрные скалы – как стены колодца. Тогда рядом, бывало, пролетали ошмётки чьего-то рассыпающегося праха, и остро чувствовалось единственность здесь себя как живого существа, наполненного теплом и светом.

Порой это была просто пустота без звука, света, движений, каких-либо энергий. И в полёте сознание начинало засыпать и ещё активной частью понимало, что заснуть, застыть, остановиться совсем – значит рассыпаться таким же прахом и раствориться в бесконечном падении, стать частью ничто. Пару раз, спохватываясь, сознание просило помощи у изливающегося света внутри – а он не прекращался и не ослабевал, он доносился из своего главного источника потоком, который, не замечая ничего, проходит сквозь любые уровни и искажения.

И когда окончательно стало ясно, что моё существо не заснёт, что полёт осознания направлен, снизу вспыхнул и стал приближаться режущий ослепительный свет – пронзающая всё нижнее пространство горизонтальная белая молния или трещина. Это было подобно остановившемуся во времени взрыву, когда из того, что было внизу, вырвалась и возникла эта долгая чёрная пустота, полёт сквозь которую бесконечен.

Я прошла прямо через этот взрыв-молнию – в то, что его породило.

Пространство почти мгновенно уплотнилось невероятно. Здесь вообще не было промежутков между материей, и она продолжала уплотняться, стягивая саму себя к центру. Сквозь неё невозможно было лететь, невозможно дышать, невозможно существовать отдельно даже светонесущей формой, невозможно жить. Только притянуться как железная пылинка к магниту и стать частью «плотного ничто». Возможность была только одна – оставаться собой, но чуть на другом уровне реальности: продвигаться вглубь не между «сплюснутых атомов», а просачиваясь-просвечивая сквозь них. И всё равно это было трудно – возрастало ощущение огромных прикладываемых усилий и одновременно понимание того, что далеко так не пройдёшь и нужно что-то совершенно иное.

Когда сил почти не осталось, возникло вдруг понимание-ключ: они были абсолютно противоположны, эти две силы – абсолютная плотность и абсолютный свет, – и они присутствовали во всём сущем. И они единственные могли взаимопревращаться полностью, поэтому источник света внутри и мог его держать и оставлять нетронутым и поэтому способ прохода уже не линейный, а какой-то другой...

Выход наверх был медленным, тягучим, как в полусне, но спокойным, последовательно через слои, уже не захватываясь происходящим там ни на уровне эмоций, ни умом.

Потребовалось какое-то время для отстройки себя (ощущения физического тела и возвращения привычного ритма – скорости восприятия реальности).

Модель Преисподней в этом путешествии очень близка иудейским «7 залам нечистоты»⁶⁹:

1-й уровень – Эрец Тахтит – Нижняя Земля

2 – Тень смерти

3 – Врата смерти

4 – место непрерывного сражения – Врата грязи

5 – Безмолвие (демоны болезни и смерти)

6 – Могильная яма

7 – Пустой колодець⁷⁰

Ниже должно находиться «Чрево земли», или «Тройной ад».

В рассказе Руты дальше достигается «основа»⁷¹ – сущность материи как бесконечной инерции. Своего рода «антиэмпирией».

Верхний мир

1.

⁶⁹ Психонавту данная концепция была, безусловно, незнакома.

⁷⁰ Соответствует Тартару; это уже астральный уровень.

⁷¹ Ср. с Физическим подсознанием Интегральной йоги.

Пасмурный день, холодное северное море. Позади плосковатые серые холмы. Солнце почти слепым пятном тускло пробивается сквозь облака. Задача – движение вверх к солнцу и не терять «сопровождение»⁷².

Несколько вдохов-выдохов на погружение в себя и в «обстановку». Увидеть, почувствовать.

Реальность стала вытягиваться вверх и размываться, словно плёнка с поверхности жидкости. Несколько секунд вытягивалась вверх и опала. Картинка прежняя.

Я направила взгляд – даже не столько взгляд, сколько внутреннее устремление – к солнцу, потянулась за ним, и оно пронзило меня навстречу.

Будто широкий канал открылся вдоль всего тела с круглым проёмом во всю голову. Столб жара и света стал литься насквозь. Часть сознания собралась испугаться «выжигания», но на самом деле было не страшно и не больно. Так что, проверив спутника (а он был чуть сзади и слева, обнимая плащом-крылом текуче-блестящего цвета), начинаю стремиться вверх. На короткое время был пролёт сквозь туман или облако, затем вдруг снова появился берег, но холмы стали высокими скалами, берег каменно-твёрдым, а море каменным. Было ощущение: это не другой мир, а изменившийся прежний (или изменилось восприятие?).

Снова набираешь скорость – полёт вверх с ощущением потоков ветра вдоль тела.

(Переход в эфирный слой)

Тем временем света вокруг становится больше, воздух разреженной. При взгляде наверх это уже не то солнце, это огромный купол с правильной шатрообразной решёткой из лучей. Всё пространство в нём светится жёлто-белым. Лучи «каркаса» тоже ослепительно белые, но, если сконцентрировать взгляд, можно увидеть все цвета по выбору, вплоть до чёрного.

Был момент ощущения тёмной синевы пространства и пронзительного покалывающего холода вне «шатра».

Выше всё заняли свет и тепло.

Прошло ощущение сквозной дыры, я снова цельное тело, но оно стало легче и светится изнутри, кожа излучает мягкое белое сияние, одеяние похоже на лепестки или лоскутки белого цвета.

Летя к вершине шатра, вдалеке замечаю по кругу высокие, статные золотые фигуры. Вначале приняла их за античные статуи, но потом понимаю, что они тоже замечают меня и провожают взглядом – строгим, но, в общем, благосклонным – «разрешают».

Иногда задерживаюсь в полёте, как бы ища поддержку, ощущаю присутствие спутника – обнимающее крыло – даже не так близко ко мне, но сам факт присутствия отслеживается хорошо.

Скорость всё увеличивается, хотя верх «шатра» почти не приближается. Он далеко, и он огромный – на весь мир.

(Переход в астрал)

Вдруг от макушки и кругом вниз по голове начинается странное «стекающее» ощущение. Похоже на выныривание из воды на воздух – смена плотности окружающего пространства. И оказалось, что я уже над верхним кольцом «шатра» и льющийся сверху золотой поток света исходит из далёкого высокого конуса.

⁷² Путешествия совершаются с психонавтом-компаньоном.

Удобнее оказалось двигаться вверх по спирали. Я двигаюсь с ускорением без усилий, используя закручивающий меня вихрь. Пропало чувство тела. Чем дальше, тем больше вокруг разрядов, искорок, волн, разбегающихся в разных направлениях, как от огромной мощной энергетической установки. Он не хаотичны, а образуют определённые структуры в направлениях, которых достигают. Похоже на комплексы энергетических «программ». Появилось желание стать одним из таких разрядов или силовых линий и полететь, куда направят. Удерживает мысль об обязательстве перед спутником (миссия «наверх»).

При подъёме в конус снова приходит ощущение себя (с собственной волей), но в виде маленького сгустка энергии, шарика с шероховатой поверхностью (этим я отличаюсь от других частиц в этом потоке). Вижу спутника – он тоже шероховатый игольчатый шарик, побольше и другого, более тёмного, цвета.

Вершина конуса ощущается как глаз, который смотрит, изливая, излучая потоки, волны и разряды.

Состояние комфортное, но не очень понятно, что делать дальше.

От спутника звучит предложение «выйти». Спуск чуть неуверенный из-за нечёткого видения дороги, но с поддержкой, на ощущении сопровождающего, возвращаюсь на тот же берег.

Первое отчётливое ощущение возврата – камешки на берегу. Прикасаюсь к ним ладонью и снова вижу исходную картинку: пасмурный день, море, холмы.

Самочувствие нормальное, сознание ещё в течение 3—5 минут чуть «тягучее».

2.

После небольшого перерыва продолжаем, снова сцепив ладони.

Исходные точки: ночь, тёмный лес, догорающий огромный костёр – уже нет пламени, стихают ярко-красные угли. Солнце видится как яркая звезда. Стремление вверх.

Несколько вдохов-выдохов, чтобы почувствовать место и себя в нём.

(Стихийный уровень)

Оглядываю лес, кострище. Довольно легко и быстро ощущаю себя внутри костра, в углях. И стремительно, как по узкой игле, взмываю вверх.

(Эфирный уровень)

Над уровнем леса мгновенно меняется свет – от закатного до сине-зелёного и чем выше, тем светлее. Вращающиеся световые диски проносятся мимо, надо мной, сквозь меня, разбрасывая протуберанцы. Наконец, самый огромный, в который я влетаю снизу, захватывает меня в своё бешеное вращение. Видимо, это солнце. Языки огня разлетаются во все стороны, но, когда оказываюсь в центре – как в центре смерча, – возникает ощущение неподвижности, галактика вращается вокруг.

Полёт вверх теперь не совсем полёт: я неподвижна, а всё движется вниз.

Вспоминаю о спутнике: ощущения присутствия рядом нет, но нет страха и потребности в поддержке.

(Астрал)

Постепенно свет и скорость становятся спокойнее, вокруг белые облака (или огромные светлые колонны). Свет мягкий, не ослепляющий.

Краем глаза (или сознания?) замечаю появление то сзади, то сбоку силуэтов в белых одеждах. То приближаются, то отдаляются. При попытке посмотреть прямо – размываются. Понимаю, что концентрировать взгляд и внимание не надо – и ощущение присутствия становится чётче, силуэты не пропадают. Они будто даже заговаривают со мной, спрашивают, но не ждут ответа, как бы идентифицируют меня, излучают доброжелательность и прохладу. Вспоминаю первое путешествие, и они, легко читая мысли, посмеиваются.

Потом их становится больше, они возникают из облаков, приближаются, плотно окружают меня и легко поднимают – то ли на руках, то ли силой мысли, – провожая, подталкивая вверх («дружеский пинок»).

Почти сразу резкая смена пространства. Не было ощущения рубежа, просто из света и белых облаков я поднялась в центр подбрюшья огромного (вселенского) паука⁷³, чьи лапки – от созвездия до созвездия – охватывали все пути и протягивали энергетические паутинки.

Сам он чёрный, но по сетке и по лапкам вспыхивают звёздочки. Он дышал, и я была частью его вдохо-выдохов и его работы. Сквозь него двигаться вверх невозможно, но через состояние неподвижности и стремления «насквозь» в сознании я оказываюсь уже над ним, над его спинкой, и пространство снова резко меняется.

(Эмпирей)

Абсолютная пустота. В ней нет ничего, нет даже меня ни в каком виде...

Но я могу мгновенно, по желанию, сформировать что угодно из себя или достать что-либо из этой пустоты. Но, как только ты создаёшь или определяешь какую-то форму, пространство вокруг этого становится «жёстким» и ограниченным.

Когда же я замирала, ничего не делая и ничего не ища, пустота оказывалась наполненной множеством цветов, звуков и т. д., но непроявленных, ещё отсутствующих – и тем не менее их можно было уже наблюдать, как бы угадывать.

Первая попытка взять курс наверх показала, что, как только определён вектор, Пустота ничего не раскроет, она будет длиться бесконечно. Можно вечно лететь «куда-то вверх».

Тогда я снова вошла в сознание неподвижности, и только стремление сквозного проникновения из самого центра сознания осталось «вверх» (но не в пространственном понимании).

Я почувствовала резкий свет, ударивший по глазам. Зажмурилась. Почувствовала, что этот свет бьёт из моей головы, изнутри, и оставила ощущение полуприкрытых век – и стала проявляться как тело Будды, сидящее в позе лотоса, с ладонями, сложенными чашей, одна в другой, внизу живота. Очень лёгкое, жемчужное свечение кожи.

Вокруг всё та же пустота и уверенность, что можно, не меняя позы, оказаться в любом месте и проявить из этой пустоты что угодно⁷⁴.

Там можно было оставаться очень долго, но через какое-то время я сама предложила выйти.

Спутник приготовил мне «ниточку» назад, и по ней довольно легко я вернулась назад (хотя, по-моему, можно было и просто телепортироваться), в той же позе и с ощущением

⁷³ Интересный, практически гностический образ астрального бога-демиурга как вселенского звёздного паука. По логике архетипа он же Глаз, а «решётка лучей», «шатёр» – это его световая паутина.

⁷⁴ Рута: «Невообразимая свобода и достаточность. Непроявленность и возможность всего одновременно. Понимание, которое присутствует ещё до рождения необходимости познавать. Если почувствовать себя – внутри спокойствие и радость, светлая чуть светящаяся изнутри перламутровая кожа с неуловимо мелкими капельками жемчужной росы. На ней едва касаясь, шевелится то ли тонкая ткань, то ли лепестки, то ли ветер. Единство мужского и женского. Зачем что-то уплотнять? Зачем создавать вокруг какие-то формы? Устанавливать различия и взаимосвязи?»

продолжения чувствования Пустоты вокруг. Что не мешало ясно понимать и видеть ночь, лес, кострище.

Единственный небольшой дискомфорт: в процессе возвращения реальность становилась всё более «жёстко материальной», плотной как конструктор, слишком замороченной и с «закоснелыми косяками».

Ну, как-нибудь переживём...

3.3. Маркус

Верхний мир. Эмпирей

Теперь я без труда прохожу через Золотое Существо. Оно, на самом деле, дверь, проход, завеса. За ним бесконечное пространство, похожее вот на что: внизу – золотое сияние, как будто летишь на самолёте, а под тобой – сплошной облачный покров, только не белый, а светло-золотой. Вверху и вокруг – сияющее мягко-голубое небо (как бы). Впереди и вверху – как бы солнце. Там я точно знаю, куда дальше. К солнцу. Сегодня я долетел до него, оно воспринимается не как вход, а, наоборот, как граница.

Преодолев силовой барьер, внезапно оказываюсь в пустоте, будто резко лопнула сияющая декорация. Это пустота, где нет ничего, даже меня, но тем не менее некая точка «я» всё же воспринимает. Здесь тьма и бесконечное пространство. Тьма не такая, как мы привыкли. У нас тьма – это положительное явление. Тут же это тьма отсутствия всего. Но, как бы это сказать, у неё есть одно качество – величие. Величественная пустота. Чувство заставляет немного мандражировать – из-за ощущения, что здесь можно затеряться навсегда. С другой стороны, понимаешь, что этот мандраж – вещь скорее атавистическая.

Дальше приходит понимание: эта пустота не является каким-то местом, пространством. Это твоё сознание, ни больше ни меньше. И всё, что было до того, тоже. Раньше это знание было скорее теоретическим, а сейчас стало непосредственным. И тогда спокойствие становится ещё глубже. Не покой, а именно спокойствие.

Там, где я на западе вижу Пустоту, на севере я вижу Белизну.

Оказываюсь в сияющем белом пространстве. Больше всего оно напоминает тот уровень в фильме «Матрица», где нет ничего, но можно создать всё что угодно. Здесь угадываются обитатели – условно «боги форм», потому что они создают под себя любые формы и сами не имеют чёткой формы.

Барьер, ведущий в «Пустоту», на юге самый труднопреодолимый. Это всепоглощающее сияние Солнца настолько давящее, что пройти сквозь него почти невозможно. Но дальше, похоже, белая пустота. Которая после Солнца кажется прохладной.

На востоке барьер легче преодолить, и он даже не ощущается как барьер, просто как переход. И там пустота тёмная.

М. А.: Восприятия «белого универсума» и «тьмы» действительно уже относятся к его «сути». И это не одно и то же восприятие. «Белизна» здесь связана не с отсутствием детализации, это восприятие материи как таковой.

Маркус: А тьма? Восприятие пространства как такового?

М. А.: В некотором роде. Здесь два аспекта – чистого отсутствия и чистой потенции. Также возможно ещё восприятие времени. Как сущности изменения.

Маркус: Для меня лично особый интерес представляют вот эти слова Руты:

«Тогда я снова вошла в сознание неподвижности, и только стремление сквозного проникновения из самого центра сознания осталось „вверх“ (но не в пространственном понимании)».

Она молодчина, что нашла эту фишку. Как только я прочитал эти слова, то сразу попробовал сделать так же на западе. В результате произошёл прорыв из этой пустоты в Свет. Сначала он был ослепительным, но потом как будто глаза приспособились и я начал видеть нечто вроде вселенских размеров цветка лотоса, как его изображают на буддийских иконах (сходство, правда, довольно отдалённое). Ещё из особенностей – цвета и формы как бы «пастельные», одновременно не плотные и предельно реальные.

Общее впечатление – что это вот и есть Вселенная «на самом деле».

Я так понимаю, Тушита, в целом её география напоминает огромный цветок лотоса или, пожалуй, подсолнуха. Барьер, ведущий дальше, я преодолеть не смог. Увидел лишь, что там – сияние.

М. А.: А музыку слышал?

Маркус: Скорее, не музыку, а многоголосное гудение-пение как бы мантры на заднем фоне.

Ощущение, что этот звук своей вибрацией создаёт и поддерживает этот мир, воплощает его, присутствует в каждом элементе.

М. А.: В Тушите, подозреваю, любой визуальщик будет слышать «песню айнуров», потому что там «сила» воздействует так мощно, что интерпретируется разом через все «чувства».

Маркус: Ты уже второй раз снял у меня с языка слова. В этот раз про песнь айнуров.

В целом о мирах Эмпирея можно сказать вот что⁷⁵:

Ямья

Когда летишь вверх,верху светит как бы солнце – мощный золотой свет, будто непрерывно длящийся ядерный взрыв. Достигаешь его – и мозг с трудом рисует картину: своего рода огромный человек, восседающий на троне. Всё это – из того же огня. Пол этого «человека» определить не представляется возможным. Это как бы «человек вообще». Это не застывшая картина: он, этот «человек», живой. Чудятся некие Слова, исходящие от него.

Однако всё это сияние на самом деле не здешнее. Весь этот антураж – лишь проявление некоего ещё более высокого источника. А этот «человек» – это последнее, самое высокое человеческое, что может быть.

И вот я оставляю этот мир позади.

Нирманарати

Вокруг как бы бесконечное небесное пространство, пустота, пронизанная светом. Источник света локализовать трудно, но кажется, что он исходит откуда-то «сверху». Поначалу в этой пустоте ничего не видно. Но чем дальше, тем отчётливее понимаешь, что пространство пронизано постоянно образующимися пузырями – мини-мирами. Каждый мир сотворён неким существом (один «пузырь» – одно существо), которое может держать его своей волей какое-то время, пока не надоест. И это пространство – поле творчества этих существ. Если попасть в какой-либо из этих пузырей, то сразу переходишь в ту или иную

⁷⁵ Названия миров буддийские.

локаль. Это похоже на Матрицу в соответствующем фильме: пузыри – это такие локальные матрицы. Но в целом всё это непрерывное пузырение довольно быстро утомляет.

Паранирмити

Поднимаясь дальше вверх, всё отчётливее вижу источник освещения: это сияние, намного более обширное и мощное, чем исходило от Ямьи. Чем-то это похоже на то, как если бы в небе образовался разрыв, прореха, сквозь которую проглядывает другое пространство, неистово сияющее. Сияние уже скорее белое.

По мере приближения вижу, что так просто в этот разрыв не войти: его полностью занимает огромное существо, напоминающее в этом сиянии огненную кляксу космических масштабов. Это Мара⁷⁶, он же Орёл⁷⁷, только толтеки, как я понимаю, видели его с изнанки. Ощущение, что он лишь использует ту энергию, которая льётся в разрыв. Потом появляется чувство, что всё вокруг – все миры, кроме, пожалуй, Тушиты, – пронизано сетью энергии, исходящей от этого существа. Оно не то чтобы питается через эту сеть, а скорее получает удовольствие.

Тушита

Она расположена где-то на уровне Нирманарати, но как бы параллельно ей и, кажется, вообще всему в Камалоке. Из Нирманарати в неё войти можно, поймав Метту⁷⁸ и уйдя перпендикулярно всему. Тушита напоминает огромный остров или цветок, парящий в нигде. Цвета пастельные, всё словно соткано из серебристой энергии, силы, вибрации. Если чуть перестроить восприятие, можно настроиться на цветную картинку. Всё здесь насыщено энергией непомрачённого сознания. Я вижу формы, напоминающие деревья и здания-храмы, одно огромное – в центре. Если приглядеться, можно увидеть почти в каждом месте существо в медитации. Остановившись и посмотрев вниз, как бы в «землю», можно увидеть иные – низшие – реальности, в том числе и мир людей, и адские миры.

Траястримса⁷⁹

Если от Ямьи отступить как бы на шаг вниз, оказываешься в мире, где всё тоже состоит из сияния, но сияние это более плотное, более скромное (после Ямьи кажется даже тускловатым) и более золотое. Можно видеть словно бы огромный дворец, полностью из золотого сияния, и величественное существо, восседающее на троне (и существо, и трон тоже состоят из сияния)⁸⁰. И около существа – свиту людей, чьё сияние не такое яркое и чистое, но они тоже сияют. Они одеты в подобие парадных одеяний, их лица спокойны и строги. А существо на троне опять же не имеет половой принадлежности. Сначала мозг идентифицирует его как существо женского пола, потом рисует царственного юношу (чей возраст на самом деле далеко не юн), наконец просто отказывается от затеи определить пол, поскольку этот

⁷⁶ Буддийский аналог «князя мира сего».

⁷⁷ В книгах Кастанеды условно персонифицированный источник всего сущего, создающий, а затем «пожирающий» живые существа.

⁷⁸ В буддизме любовь, доброжелательность.

⁷⁹ Верхний астрал. Золотое Существо в Траястримсе соотносится с образом царя богов-дэвов (Шакры) буддийской мифологии. Ср. также в ранней каббале: Метатрон – ангел лица Божиего, восседающий в преддверии самого верхнего небесного дворца. Выше Божий престол – Меркава. Но в более поздних еврейских текстах считалось, что и образ восседающего на Меркаве – это не сам Бог, а особый «ангел».

⁸⁰ О нём и говорилось в первой главе как о Золотом Существо.

критерий здесь неприменим. Этот бог милосерден, благ, бесконечно спокоен. За его тронном – проход дальше, в мир Ямьи, и оттого кажется, что его голова сияет особенно ярко, словно солнце. А может, так оно и есть.

Переходный мир

Наги

Их мир удивительным образом расположен где-то в самом низу, но он не адский. Обширное тёмное пространство со слабо светящимися синим образованиями, похожими на водоёмы и скалы. Этот мир производит впечатление крепости или чего-то закрытого, потаённого. Тем не менее, насколько я могу видеть, наги определённым образом связаны с силами природы. Ростом они с человека, стоят вертикально. В их внешности есть что-то, напоминающее кобру: такой же капюшон и кажущаяся чешуйчатость. Окраска в целом тёмная. Там, где у змеи мордочка, у нагов – что-то похожее на человеческое лицо, спокойное и сосредоточенное, малоподвижное.

Интеллект нагов очень остр и ясен, хоть и далёк от человеческого. Кроме того, они проявляют неизменный интерес к практикам, связанным с выходом за пределы Камалоки, с освобождением скажем так. Они отгородились от остальных обитателей Камалоки, это существа-отшельники. Единственное существо, к которому они испытывают благоговение, любовь и перед которым преклоняются, – это Великая Мать.

Нижний мир

Техногенный ад

Солнца нет, вместо неба – что-то вроде плотных облаков. Огромные пирамидальные дома-горы из чёрного полированного камня и стекла, общая цветовая гамма – чёрная, тускло-жёлтая, багровая. Населяют всё это некие очень агрессивные демоны. Толком ничего я там не рассмотрел.

Дуггур

Этот опыт очень похож на Дуггур⁸¹, описанный Даниилом Андреевым в «Розе Мира». Это особый inferнальный мир. Состоит из островов, как бы стоящих на облаках; вокруг – облачные пространства, как бывает, когда лунной ночью летишь на самолёте над облаками. Там всегда ночь. И всегда луна, которая светит странным светом, похожим на ультрафиолетовую лампу.

На каждом таком острове имеется нечто вроде города, соответствующего городу в нашем мире, с площадью в центре, на которой расположена своеобразная трёхступенчатая пирамида, напоминающая шумерские ранние зиккураты. Эти пирамиды – центр и ось жизни каждой колонии.

Некоторые здания в нашем мире имеют отражения в Дуггуре, но там архитектура их груба. Я видел нечто вроде огромных сцен и казематов, которые, казалось, были наспех сложены из чего-то наподобие кирпича, также – огромные дворцы как бы из чёрного камня. Преобладающие цвета – чёрный, красный и красновато-жёлтый, иногда призрачно-синий,

⁸¹ Как правило, в мифологиях мир демонов сексуальности верхний из inferнальных миров. Очевидно, относится к стихийному уровню на грани эфирного.

мертвенно-голубой. Освещалось всё чем-то похожим на электрические или газовые лампы либо на факелы, но в целом освещение в Дуггуре очень тусклое, кругом царит полумрак с глубокими тенями.

Растительности я не видел.

Обитатели Дуггура – это существа как минимум шести разновидностей.

1. «Патриции». Основное, гуманоидное, население. Внешний вид: в общих чертах похожи на человека, без волосяного покрова, даже без бровей и ресниц. Кожа сизовато-голубого цвета, совершенно бледная. Глаза кажутся полностью чёрными, без белков, радужки, зрачков. Рот не очень большой, зубы мелкие и острые. Нос, кажется, почти отсутствует – только две дыхательные щели, ушных раковин тоже нет. Телосложение не очень развитое, но и не даёт ощущения щуплости. В целом небольшого размера, кажутся ростом примерно с подростка. Голова почти пропорциональна или чуть больше, чем нужно по человеческим нормам. Одежды, как правило, не носят, кроме каких-то ритуальных случаев. Я не могу вспомнить, имеется ли у патрициев разделение по половому признаку. Вроде бы нет, как ни странно.

Они отличаются чрезвычайным сладострастием. Кажется, что всё их тело является сплошной эрогенной зоной. Их вождение не знает границ и имеет характер скорее некоего лихорадочного голода, который никогда не утоляется до конца.

Среди патрициев есть каста как бы жрецов, или высших посвящённых, держащих непосредственную связь с неким большим демоном этого мира, предстающим в женском облики. Я привык называть этого демона Волгеа (терминология Даниила Андреева). В своих сновидениях я видел, как эти жрецы оказывали целенаправленное влияние на сознание людей. Я видел, что ими как бы выбираются те из нас, кто наиболее падок до удовольствий. Над ними проводится планомерная работа, в основном в состоянии сновидения или наркотического опьянения. В конце концов, человек в теле сновидения попадает в Дуггур и здесь его заражают особой демонической энергией, словно бы подсаживают в его существо демона. С этих пор человек полностью отравлен и более не контролирует своих действий. Некоторые из нас бессознательно ищут такого контакта. Результатом его может стать либо сумасшествие и разрушение личности, либо превращение в «патриция» после смерти. Так я видел в сновидениях, ни на что не претендую.

Истоцившийся патриций, которому пришло время умирать, как бы усыхает, его конечности втягиваются, тело сжимается, лицо становится похоже на злую и страшную пародию на младенческое личико с большими чёрными глазами и острыми зубками, как у пираньи. Это существо живо вгрызается в почву Дуггура, которая становится для них не плотнее желе. Оно уползает вниз, в тёмный океан нечистот. Острова Дуггура как бы плавают над этим океаном подобно своеобразной коре или плотным облакам. В этом океане такой «человеко-червь» пожирает полуживые останки рабов, о которых речь пойдёт чуть ниже.

Время от времени с чёрной поверхности океана взмываются вверх гнилостно светящиеся протуберанцы и касаются «потолка», то есть изнаночной стороны Дуггура. От таких касаний на «потолке» остаются человекочерви. Каждый из них, закрепляясь, образует нечто вроде серого кокона, который постепенно растёт, впитывая протаивающие питательные капли. Внутри кокона человекочервь превращается в патриция, который, достигнув достаточно зрелого возраста, прорывает кокон.

Подобно белёсому пауку, ползёт он по потолку, цепляясь за него неведомым образом. Он ползает туда и сюда в компании таких же «новорождённых» (которые, впрочем, являются уже вполне дееспособными особями) в поисках прохода наверх. Такие проходы имеются в виде особых колодцев, куда они и устремляются.

В каждый жизненный цикл человекочервь погружается всё глубже в океан и в конце концов уже теряет способность подняться к его поверхности и вновь воплотиться в Дуггуре.

Останки человекочервя, разлагаясь, погружаются в неведомые и жуткие глубины, где в них ещё долго теплится подобие сознания.

2. Рабы. Те, кто были людьми и жили в нашем мире перед тем, как попасть в Дуггур. Если человек основной целью и смыслом своей жизни имел получение удовольствия, после смерти душа его притягивается к Дуггуру, где он или она влачит рабское существование. Рабы выполняют все хозяйственные работы, иногда им допускается участвовать в оргиях патрициев или же они становятся объектами странных экспериментов жрецов.

Сословие патрициев пополняется за счёт рабов. Умерший раб проваливается в океан, где его пожирают заживо обитающие там существа, те самые человекочерви, являющиеся, как уже говорилось, не кем иным, как патрициями между перерождениями в Дуггуре.

Остаётся от раба только нечто вроде позвоночника и значительно съёжившаяся голова. Всё это трансформируется в человекочервя, который продолжает свою «карьеру» обычным путём.

Умерший раб как бы проваливается сквозь ставшую вдруг полужидкой материальность вниз, и при этом он словно бы остаётся полуживым. Для раба великим благом видится такая «смерть», поскольку после определённого периода мучений в океане он сначала сам становится человекочервём, а потом рождается в Дуггуре патрицием.

Рабство в Дуггуре называют посвящением, а смерть – это последнее посвящение перед тем, как человек становится полноправным патрицием. Рабы сами ищут смерти, однако здесь не подходит самоубийство – совершив его, раб попадает не в океан, а куда-то в другое место, мне не известное. Однако, если раб совершил самоубийство в стремлении стать патрицием, он определённо попадает в какой-то из адов. Для того чтобы стать патрицием, нужна смерть в оргии патрициев, смерть от их ритуальных издевательств и тому подобного. Иногда в Дуггуре происходит нечто вроде прорыва нечистот из океана, как бы извержение. Латать эту брешь бросают, естественно, рабов. Да они и сами не прочь – ведь это верный способ стать патрицием.

Очень редко дуггурианские рабы кончают самоубийством именно из-за отвращения, бунта и безысходности, а ведь именно такое самоубийство могло бы разорвать мягкие, но чрезвычайно цепкие оковы Дуггура.

3. Великая демоница. У каждого крупного острова Дуггура имеется своеобразное существо, которое я видел только мельком. Эти существа огромны. Они способны создавать сладостные иллюзии и воздействовать подобно мощному эйфорогенному наркотику. Они являются центром и цементирующим началом для общества Дуггура. Каждая демоница имеет свою неповторимую индивидуальность, которая придаёт своеобразный колорит ночной жизни данного конкретного города. Пребывают они в центральных зиккуратах-капищах, вокруг которых периодически происходят некие массовые действия патрициев.

4. Воглеа. Её нельзя назвать непосредственной обитательницей островов Дуггура, но она незримо присутствует там. Она ощущается как мощная демоническая сила. Что-то вроде Кали-Дурги.

Во время особых служений-праздников в Дуггуре огромные толпы патрициев собираются на центральной площади острова к зиккурату, в котором пребывает великая демоница. С помощью определённых ритуалов с участием великой демоницы эти толпы прокладывают для Воглеа тропу вниз, к себе. Она приходит в призрачном голубоватом луче в одном из своих отражений, дробясь на множество образов, соединяющихся с каждым из патрициев. Рабам запрещено участвовать в этих действиях, но разрешено смотреть и желать, и они, прячась по тёмным углам, наблюдают оттуда с жадностью.

5. Древние демоны. Эти существа мне кажутся чем-то древним, обитавшим в Дуггуре до патрициев. Их бытие странно – они словно бы пребывают в спячке и пробуждаемы пат-

рициями только при необходимости. Именно их подсаживают к избранным людям. Некоторые из них обладают огромной мощью.

6. Демоны-«животные». Это – тоже часть древнего населения Дуггура, дожившая до наших дней. По виду они напоминают животных. Те, что я видел, напоминали помесь леопардов или ягуаров и борзых собак. Ныне эти демоны, бывает, используются патрициями в своих оргиях и развлечениях, а также для охраны. Дело в том, что чувствительность этих существ невероятна. Они могут почувствовать пришельцев сквозь любую защиту.

Музыка, которую я слышал в Дуггуре, больше всего похожа на наше тяжёлое трансное направление. Ритм в ней очень развит, духовых или струнных же элементов я не слышал. И были ещё иногда голоса – кажется, пели рабы. Злое хоровое пение, этаким потусторонний хор ведьм. Но главное всё же – тяжёлый и быстрый трансный ритм. Страшноватая музыка. Вроде бы простая технически, но удивительно эффективная в плане изменения состояния сознания, которое, впрочем, и так довольно лабильно в «тонком сне».

Дуггур зачастую прямо-таки сквозит в нашем мире:

1. Эмиссары Дуггура в нашем мире. Это наркотики (как правило, эйфорогены и психостимуляторы) и алкоголь.

Кроме того, эмиссарами Дуггура в нашем мире являются и произведения искусства вышеописанного плана и такие явления современной жизни, как разного рода ночные клубы и т. п.

Общий гламурно-гедонистический настрой, модный ныне, фиксирующий сознание на получении наслаждений; мистицизм, с уклоном в его тёмную сексуальную или околосексуальную сторону; лоббирование и пропаганда сексуальной разнузданности; распространение разрешённых психоактивных веществ, а также наркотиков, особенно психостимулирующего и эйфорогенного свойства; распространение ночной клубной жизни. Некоторые сцены в современных фильмах или рекламе почти прямо рисуют картины Дуггура, а некоторая музыка почти прямо передаёт музыку или атмосферу Дуггура. При этом всё это часто преподаётся в соблазняющей форме.

Романтизация вампирических типажей; «бери от жизни всё»; «ведь ты этого достойна»; все эти бледные гламурные супермены и супервумены; «свободная» любовь; вседозволенность; открыто проповедуемый эгоизм. Каждый день перед нами мелькают сериалы, реалити-шоу, ток-шоу, реклама всяческих энергетических напитков, пива, шоколада, чего угодно.

Всё это имеет вкус Дуггура.

2. Эмиссары Дуггура в сновидении. Это то, что в Средние века называли суккубами и инкубами.

3.4. Ла Меча

Переходные миры

«Лимб»

Я стояла у большой реки, которая потом плавно выгнулась в огромное круглое озеро с тихими берегами, поросшими редкими деревьями. Озеро было совершенно гладким, стекляннм, только стекло было тёмное. Тёмная, почти чёрная, спокойная, почти недвижимая гладь воды.

Я стояла на мраморной лестнице, ступени которой уходили под воду.

Было совершенно неувидительно, когда откуда-то появилась большая лодка без вёсел, без перевозчика (!), которая тихо скользила по чистой тёмной глади.

Лодка причалила к берегу, и я вошла в неё.

Потом я некоторое время плыла по озеру, а окрестности постепенно менялись.

В конце концов, лодка остановилась у противоположного (так я поняла) берега.

Я вышла из лодки и оказалась на берегу, где тоже была мраморная лестница, со ступенями, теряющимися где-то в глубине тихих озёрных вод.

Передо мной была лужайка, полная играющих чёрных пантер.

Одна из них отделилась от стаи и подошла ко мне. Животное довольно заурчало и стало тереться об ноги, а потом схватило зубами край моей одежды и стало тянуть за собой, словно куда-то приглашая.

Я пошла за пантерой.

Об одежде. Когда я вышла на берег, я обнаружила, что на мне другая одежда – какое-то чёрное одеяние, абсолютно лёгкое, вроде античной туники, как бы из шифона. И лицо своё, и тело я словно видела со стороны. И это были лицо и тело несколько другого человека – отличающиеся, так сказать, повышенной материальностью. То есть более плотные, что ли, чем даже здесь, в реальном мире. Как бы более чувственные. И лицо – словно в театральном гриме, мощная косметика.

Вместе с пантерой мы вышли на высокую гору, поднимающуюся над большим, в виде правильного полумесяца, заливом. Небо было сумрачное, по нему плыли тёмные печальные облака. Таким же тёмным было и море, таким же гладким и безмятежным, как озеро в начале видения.

На вершине горы находилась округлой формы беседка с лёгкими колоннами, густо увитая виноградом, вроде террасы над морем. Пейзаж напоминал итальянский (очень похож), средиземноморский. Только в нём не было ни сияния, ни красок, ни щедро льющегося и всюду проникающего света, который так радует душу.

Напротив, всё там было тихим, безмятежным и печальным. По горам росли чёрные кипарисы, моё любимое дерево.

Царило полное уединение.

Единственным существом, которое немного отличалось от всего, что там встретилось, была чёрная пантера. Она была очень красива – грациозное, подвижное, абсолютно совершенное создание. Гладкая, почти атласная, шкура, упругая, изящная стать. Животное резвилось, играя как обычная кошка.

Я помню, что спустилась к морю, долго-долго лежала на тёмном песке, слушая тихий-тихий водный плеск. Штиль. Мёртвый штиль. Время суток неизвестно. Вообще время течёт медленно и грустно. Одиночество, тишина, полный покой.

Только пантера была рядом, лежала на песке, смотрела на меня.

Я то ли спала, то ли грезила наяву – там, в том мире. И видела, как откуда-то сверху падает белая сияющая жемчужина. Она прожгла лоб, упала в меня и исчезла где-то во мне.

Потом облака раздвинулись и появилось свечение. Я стала подниматься навстречу этому слабому свету из облаков, очень быстро всё стало меняться, и, видимо, произошёл переход на другой уровень, потому что я оказалась среди звёзд.

Здесь вдруг что-то произошло другое, не помню.

И я снова оказалась в своей террасе над печальным чёрным морем.

Так происходило несколько раз: жемчужина появлялась, прожигала лоб, исчезала внутри меня. Я начинала подъём и... снова оказывалась в том же самом месте.

Потом жемчужины стали сыпаться одна за другой, все в том же порядке, словно текли в меня. И никакого толка, всё то же самое. Тот же возврат.

Как бы долина вечного возврата.

В асурические миры

1.

Начало с океанского берега возле Кадиса.

Тяжело печатать, руки словно не мои.

Всё как будто не моё сейчас; так и раньше бывало, но особенно почувствовала сегодня.

Стою на берегу, на песке. Солнце высоко над головой. Хочется лечь на песок, но я начинаю брести по воде.

Сначала иду вдоль берега, в сторону северо-запада, потом поворачиваю западнее, прямо в океан, иду по мелководью отлива, вода – чистойшая.

Очень прозрачное сияние воды – отражаются солнечные лучи.

Потом знакомая картина – вода начинает течь вниз, падать водопадом – вниз.

Передо мной ровные плитки – светлые, как бы из мрамора, – над водопадом, поверх облаков, которых в этом месте всегда много; они лежат, словно слой тумана.

Я начинаю идти по плитам, переходя пропасть по воздуху.

Потом плиты начинают незаметно подниматься вверх.

Я тоже поднимаюсь.

Здесь возникает источник голубого света впереди.

Иду к нему. Оборачиваюсь назад – внизу Земля, окутанная водяным слоем, прозрачным и чистым, всё переливается – красиво. Земля сине-голубая, под слоем воды, обтекающей её как нежнейшая оболочка.

Я над этим слоем, дальше – только голубое сияние впереди, как миндалевидная мандорла на полотнах средневековых авторов – внутри как бы светящаяся щель. Втекаю туда. Некоторое время двигаюсь там. Вокруг меня стена из голубого пламени. Это как один из коридоров.

Всё напоминает вообще некий процесс рождения.

Выплываю в космос – вижу ниже огненное голубое полотно, окутывающее второй слой – воды, дальше – шар Земли. Всё напоминает кольца Сатурна, только гораздо шире и это не просто вращающиеся кольца, а именно слои.

Подобно галактике с центром в виде Земли.

Как бы два пояса Земли – воды и огня.

Дальше было несколько подобных коридоров, в которые я просто втягивалась, окончательно перестав ощущать своё тело – там; то есть я себя не видела как человеческую форму, хоть она и была, весьма расплывчатая, световая. Как обычно было.

Один из коридоров был светящимся и белым, вошла я в него, когда увидела подобный голубому свет – правда, уже в космосе, среди звёзд.

Там тоже было некое подобие огня-свечения. Я долго двигалась таким образом.

Потом был момент, когда я почувствовала усталость и вроде съехала ниже; там мне в лицо дохнуло пламенем, но не светящимся, как выше, а похожим на настоящий огонь. По этой огненной стене я выбралась наверх, скорее, волевым усилием. Там, в огне, было трудно дышать, но – странное чувство – как бы и сладко, что ли. В общем, странные ощущения.

Потом опять вижу океан – огромный, похожий на реальный, но слишком тёмный, как бы с грозовым закатным небом на северо-западе. Но там, среди закатных грозовых туч, виден свет, и я туда плыву.

Дальше вокруг меня только штормовой океан, а потом резко впереди – звёздочка на горизонте, как маяк.

Впереди – галактика среди звёзд со щелью посередине, как на космических фото, всё – белое сияние, в центре тёмная щель.

Я двигаюсь туда. Через несколько мгновений попадаю в хрустально-водный поток, чистый, белый, потом передо мной вырастает нечто вроде скального обрыва, по которому струится водопад. Я встаю перед этим обрывом и вижу своё отражение – неопределённое, хотя вода очень чистая и прозрачная. Я приближаюсь к водной стене, и тут происходит необычное. Я приближаю своё лицо к воде и вижу, как навстречу мне из толщи воды идёт некто странный, человекоподобной формы, но это, разумеется, не человек, это я внутри понимаю.

Причём спокойно так движется. Я приближаю лицо и понимаю, что там, изнутри водного потока, иду я сама. Это прозрачное существо хрустально-водной природы, как сам водопад.

Я приближаю лицо и сливаюсь с ним. Дальше я – это создание... хммм... Божие... поднимаюсь наверх и там долго «сизжу» на обрыве скалы. А кругом безграничное пространство. Когда я пишу о том, что «сизжу», это не совсем так – я там всё время теку и как бы переливаюсь оттенками водно-прозрачно-голубого цвета. И вся сущность – такая мощно-прозрачная, но вот облик... Сначала, в водопаде, он был неопределённым, потом стал меняться.

Я была существом с мощными крыльями, причём с подобием каких-то перепонок, но лицо было просто ужасным – в нём перемешивались человеческие и, я бы сказала, демонические черты, но всё очень большое и прозрачное, и я иногда смотрела сквозь свою плоть и видела всё окружающее пространство – звёзды, землю внизу с её оболочками.

А потом мне на голову в месте лба скатилась звезда, совершенно белая, чистая. Она сияла.

Вообще существо на инопланетную форму похоже.

Не знаю, как это происходит, что в человеке столько всего намешано...

И вообще всё путешествие я словно рождалась, как бы вылупливаясь из кокона.

Я распластывалась во все стороны света, растекалась, но это нисколько не меняло целостности формы.

Потом у меня возникло чувство, что это далеко не всё, я стала как бы собираться внутренне, словно подготавливаясь к дальнейшему движению.

Появилось ощущение, что я превращаюсь в куколку – в светящемся коконе я находилась. Вот это самое мощное существо было и коконом, и его сердцевиной.

Вдруг оболочка стала раскрываться наподобие цветочного бутона. Меня вытянуло вверх – в пространство, как бы состоящее из множества каналов, трубок, изогнутых конструкций, похожих на щупальца, и всё это двигалось непрерывно и постоянно менялось. Какие-то арки из световых, причудливо изогнутых трубочек – потоков энергии.

Но там было как-то тяжело.

Я помню, был момент, когда я стала молиться.

У меня было чувство, что я заблудилась.

После чего возникло видение яркого света и был сильнейший ветер, вроде солнечной бури – только абсолютно белой. И – море, океан светового ветра и светового огня.

И вот этот огонь как бы стал срывать с меня эту сияющую водно-хрустальную плоть – я прямо чувствовала, как с меня её срывает и уносит ветром.

И был жар и ветер, много-много ослепительного света вокруг.

И у меня снова изменилась форма – стала светящейся человекоподобной, более человеческой, чем предыдущая.

Я вижу световой поток – золото-белый, и иду в него.

Потом вижу как бы цветок хризантемы, очень красивый, прямо перед собой – и захожу в сердцевину. И там вдруг понимаю, что очень устала.

Я сворачиваюсь внутри цветка – там спокойно и тихо, в то время как всё путешествие не покидало ощущение ветрового шума, как бы шума ветровой силы. Лепестки – стена света, и вот я плыву как во сне. Словно стебель качается, а потом я вижу себя уже на берегу океана.

2.

Я начала движение от затопленного карьера. Я лежала на его берегу, озеро – позади, солнце почти чётко надо мной.

Ибо полдень.

(Стихийная сфера)

Солнце было пламенным шарообразным светилом. Оно не лучилось, как ранее, а горело огнём. Языки пламени окружали его, протуберанцы выплёскивались с раскалённой поверхности. Я долго всматривалась в солнечное пламя, пока не почувствовала тягу вверх, к светилу. Оно растекалось передо мной ручьями золотой горячей плазмы. Солнце было рядом с моим лицом, дышало небывалым жаром, и спустя мгновение я ощутила, как меня внесло в раскалённый поток солнечного вещества. Там, внутри солнца, было тихо, только плавилось всё, и я тоже плавилась и текла. Лицо мне в буквальном смысле лизали языки огня, огонь лился мне навстречу, но при этом я не сгорала и не чувствовала никакой боли, разве только трудно было пробираться сквозь лес пламени. Потом мне послышался треск, как от костра, от огромного костра, разожжённого в лесу, слизывающего всё на своём пути – поваленные стволы, сучья, ветки, иссохшие кустарники, прошлогоднюю траву...

В этом огне я и сама была огнём, одним из многочисленных протуберанцев, которые образуют солнечную корону. Я срывалась с поверхности солнца и летела огненным сгустком.

(Переход в эфир)

Спустя некоторое время я увидела чёрное космическое пространство. Прямо передо мной разверзлась бездна, через которую протекала огненная река, одновременно являющаяся мостом. Идти по ней не хотелось, поскольку река втекала в глухое чёрное пространство вроде чёрной дыры. Как будто некое незнакомое светило было закрыто диском другой планеты. Однако никакого другого пути я не заметила и пошла по огненной реке, которая вскоре

превратилось в сплошное озеро огня⁸². Я брела по нему, пока не вошла в густые клубы чёрного дыма, в мгlistую туманность. «Дым», впрочем, быстро рассеялся.

(Эфир)

Огонь, по которому влекли неведомые силы мироздания, вынес меня в лиловый странный мир.

Это был мир таинственный, чуждый, пронизанный глубинным магизмом.

Возможно, гораздо более древним, чем сама Земля или стихийные миры.

В лиловом мире не было светила. Там всё излучало глубокое лиловое свечение.

Небо было тёмного лилового цвета. Это был очень насыщенный цвет.

Я видела бескрайнюю равнину, а на ней – город, тёмный, в золотых мерцающих огнях, как это бывает в обычных городах. Здания в городе были многоэтажными, высокими, их архитектура – современной. Они напоминали небоскрёбы Нью-Йорка.

Город, несомненно, был населён какими-то существами, однако желания познакомиться с ними поближе у меня не возникло, поскольку слишком явным было ощущение скрытой угрозы и тяжёлой магической силы. Я облетела город сверху и справа. Однако это лиловое пространство не хотело отпускать меня. Я ощутила заминку в движении. Всюду, куда бы я ни направила свой взгляд, я встречала одно и то же: глухое лиловое небо, крепко пригнанное к земле, лиловый «воздух», лиловую равнину без конца и края. Дышать здесь было трудновато. Воздух был слишком плотен. Однако вскоре я заметила, что по равнине прямо ко мне движется золотистый смерч, расширяющийся с каждым своим вращением. Я позволила этому смерчу унести меня. Я неслась в нём и видела в потоке мелькающие лица людей, других живых существ. Я сама была подобна этому быстрому потоку. Вскоре поток превратился в разреженный световой столб, в котором, как в солнечном луче, по спиральным траекториям вращались пылинки-миры, роились золотые искры. Я втянулась в этот свет и двинулась вверх, всё время ощущая тяготение.

(Астрал)

Потом раздался сухой треск и звон, словно разбилось стекло.

Я скользнула в отверстие – окно иллюминатора с острыми краями битого стекла.

Оглянулась. Золотая воронка смерча висела справа от меня, уходя узким концом вглубь космоса, к Земле. Остриё воронки пронизывало лиловый мир с огненной рекой-мостом, оставшийся глубоко внизу, но расположенный выше Земли. Земля была маленькой и далёкой. Меня окружал космос.

Передо мной словно распахнулись невидимые врата, и я снова вплыла в странный мир.

Это было мелководное озеро, уходящее за линию «горизонта». Озеро было насыщенного синего цвета. По берегам оно поросло пышными тёмными деревьями, похожими на ивы-ракиты. Деревья отражались в тихой воде. Озеро было гладким как стекло. Над миром стояло синее небо глубокого ночного оттенка. Оно также было недвижно тихим. Озеро отражало небесную синеву, отчего казалось бездонным. Белые облака тумана таяли по берегам.

Я двинулась вперёд. Синева неба и воды была настолько глубокой, что граничила с бархатной чернотой ночи. Царство иссиня-чёрного цвета – здесь это было понятно.

Из-за озера блеснула полоса света, яркого, белого. Она приблизилась и полыхнула ещё ярче. Меня внесло в этот пронзительный белый свет.

⁸² Характерные апокрифические образы «края земли» при переходе в нижние миры на крайнем западе/северо-западе.

Я оказалась в мире абсолютно белом, пронизанном струящимися излучениями энергий, одним из которых была я сама. Я сворачивалась в клубок и разматывалась на отдельные тонкие нити, при этом не переставая ощущать себя чем-то отдельным от прочих, хотя и связанным с ними взаимодействиями особого рода, наподобие магнитного поля. Белое пространство было живым.

Из него я вновь попала в мир глубокого синего излучения. Я посмотрела наверх. Из немыслимо синей бездны ко мне (!) спускались крылатые существа. Они не были похожи на ангелов из моих прежних путешествий, но это были, несомненно, ангелы. Отличие их было в том, что они были бесплотны, эта бесплотность читалась. То есть они были излучениями больше, чем материей, даже очень разреженной. Их тела были белёсыми, угадывались лица, крылья, руки, но всё это было неуловимым – не меняющимся и текучим, а именно неуловимым. Их было предположительно трое, они были связаны друг с другом, что-то вроде херувимов или серафимов.

Они подхватили меня и понесли вверх. Я оказалась в мире гигантских форм.

Я сделалась огромной, невероятно огромной. Это было не расширение сознания, как в предыдущий раз, но именно многократное увеличение формы, образа.

Я была женской формой в какой-то лёгкой одежде, но это существо было ГРОМАДНЫМ. Вокруг меня были такие же огромные существа, с крыльями и без.

Кругом были скалы; мы сидели на скалах, созерцая развёртывающиеся вокруг нас бездны, и молчали, видимо, понимая друг друга без слов. Пребывание здесь было довольно длительным.

После чего передо мной возникла каменная лестница, ведущая наверх. Я стала подниматься по ней. Лестница расширялась, в ней возникали звенья, выбитые из мрамора или некоего подобия мрамора. Иные звенья лестницы плавали в пустоте. Потом появились другие лестницы, но в стороне от них я обнаружила каменную, по которой шла всё время. Я решила не отклоняться от выбранного пути и продолжила подъём.

(Эмпирей)

Синева сменилась белизной. Пустотной и чистой. Из белого сияния пустоты возник лик. Лик был огромен и подобен человеческому. Он был множествен и един одновременно. В нём были все качества и не было ничего. И я ничего не ощущала по отношению к нему.

В лике было что-то восточное, индийское, и не было, по сути, ни одного ясного признака, по которому его можно было к чему-либо или к кому-либо отнести. Над ним по спирали по часовой стрелке кружилось белое сияние.

Если бы меня снова спросили, что я чувствую, я бы ответила: «Ничего».

В этом пространстве не было нужды ни в оценках, тем более эмоциональных, ни в умозаключениях.

Этот мир был и не был одновременно, он был всем и не был ничем. С помощью эстетических критериев тоже нельзя описать этот мир. Не потому, что они не смогут его выразить, а потому, что они к нему попросту неприменимы. Словно он чужд им – абсолютно чужд. Прежние миры можно было описать с помощью оппозиции «красивый – некрасивый» и «совершенный – несовершенный», а этот мир лежал по другую сторону этих понятий. Он был и совершенный, и не совершенный, и ни то ни другое. И даже, видимо, не третье. Вообще понятия его не описывали. Никакой понятийный аппарат не подходит для описания, там можно только пребывать. Или не пребывать, что, по-видимому, одно и то же. И вообще всё равно. И это почему-то очень трудно. То есть неопределённость в какой-то момент становится тягостной, словно не за что уцепиться, нет ничего – ни образов, ни потоков энергий,

ни вещественной плотности явлений материального мира, которые нам привычны и на которых можно сосредоточить внимание.

Внимание начинает рассеиваться, плыть, и это утомляет.

Полная неопиcуемость.

Пещера нагов

У нагов я была только однажды.

Я попала к ним через горный источник, на дне которого был золотой песок, оказавшийся входом в пещеру.

Потом идёшь через туннель, сделанный в глубине горы.

Стены туннеля покрыты слоем золотой плитки, неровной и поблескивающей.

Идёшь по плитам из шлифованного изумруда.

И выходишь на берег водоёма – это подземный водоём.

Он тёмный, на противоположном берегу видна тёмная таинственная масса – дворец. Он приглушённо поблескивает.

Есть там белое дерево с белыми плодами.

Сами существа антропоморфные, одеты в золото-чешуйчатую одежду – её вид напоминает раджастханские и персидские миниатюры.

Они любят танцевать и вообще часто изъясняются на языке танцев.

Я видела их хоровод. Это завораживающее зрелище.

Сам мир производит впечатление укрытости, спрятанности. Предположительно там большие пространства, но мне не хватило света и воздуха.

Всё словно светится тем отблеском, который испускают в великом множестве драгоценные и самоцветные камни.

Верхний мир

В мир дэвов

Я назову движение в этом направлении Тихим Путём.

Таким он и был, когда начался внутри меня самой под свист вернувшихся домой ласточек, под стук дятла за спиной, под шорохи в листве неизвестных птиц...

Ещё лаяли две собаки – бестолковые и смешные, и всё это вплелось в ткань путешествия.

Это Тихий Путь, путь без напряжения и драматизма. Путь спокойного развёртывания пространства и замедленного течения времени, которое порою словно замирает.

Путь начался с зелёного кокона листьев, которые обернули тело, спеленали его, как куколку бабочки. Бабочки, которая еще не родилась, но уже существует в своём великолепии где-то внутри плотного кокона...

Бабочка жива и прекрасна, но никто не видит её, пока она не выйдет из своей зелёной темницы.

Воздух и листва окружили меня со всех сторон, окутали покрывалом свежей зелени. Весенний воздух был прозрачным и влажным. Он вился вокруг тела, словно невесомая ткань, зыбкая кисея, сотканная из запахов молодой травы, дальнего дождя и пробуждённой земли. Ткань была пропитана ветром – ласковым и тёплым.

В этом коконе я стала подниматься вверх, спиралевидно закручиваясь в воздушных потоках. В какой-то момент я осознала, что нахожусь в поле сновидения – в мире столь же светлом и радостном, как тот, с которого началось моё странствие.

Этот мир был представлен двумя основными подробностями – тихим озером (или прудом) с прозрачной водой, абсолютно гладкой, и кустами пышных белых и бледно-розовых роз, которыми поросли пустынные берега.

Розы осыпались, их тонкие шёлковые лепестки тихо скользили по стеклянной глади озера. В глубине розовых зарослей была видна беломраморная лестница, уходящая в зелёную чащу. Медленно, плавно двинулась я по этой лестнице.

Я поднималась по ней довольно долго, пока не достигла ещё более глухой чащи. Высокие старые деревья – лиственницы, кедры, сосны – росли на обомшелых скалах. Впереди были ворота в японском стиле, на высоких каменных столбах – пара перекладин. Я вошла в ворота. Кругом было очень тихо и совершенно безлюдно. Я стала подниматься по склону поросшей лесом горы, пока не почувствовала, что нахожусь в маленькой лёгкой лодочке, уносившей меня вверх по всё той же плавно разворачивающейся спирали. Я кружилась в насыщенном светом пространстве, пока передо мной не повисли качели, словно сотканые из лепестков различных цветов, которые так и манили к себе. Я забралась на эти качели, и они начали раскачиваться, постепенно увеличивая амплитуду колебаний и набирая высоту.

Вскоре я оказалась в прохладном голубом пространстве. Там было очень тихо и мирно. Я увидела дорожку из мелких золотых зёрен, которую кто-то словно нарочно рассыпал передо мной. По этой стёжке из сверкающих зёрен я двинулась дальше.

Через несколько мгновений я снова почувствовала спиралевидное вращение. Я не осознавала своего тела и в эти моменты не понимала, кто я и почему нахожусь в этом странном мире. Вдруг я осознала, что моё тело становится иным. Я покрылась блестящей крепкой чешуёй, тело вытянулось и чрезвычайно удлинилось. Это был огромный серебряный дракон, переливающийся перламутровыми оттенками, блистающий и быстрый. Дракон резко сорвался с места и стремительно исчез в голубых просторах. Спустя некоторое время он, словно стрела, пущенная из лука, вырвался в чёрное космическое пространство и рассыпался фейерверком золотых искр.

Впереди замаячили белые молочные облака, подобные клубам пара.

В этих белых туманных клубах вспыхивали разноцветные искры.

Вдруг передо мной показалось тихое озеро, и по кромке воды я пошла вперёд, забирая влево, огибая края озера. В этот момент я увидела бескрайнее, уходящее за линию горизонта золотое поле. Над сияющим пространством звонких спелых колосьев вились и жужжали пчёлы – хрустальные, с золотыми крыльями. Лопасты крыльев вертелись со страшной скоростью и трещали. Пчёлы ринулись вперёд и ввысь, и я, став такой же пчелой, – вместе с ними. Мы летели над золотым полем, а потом, резко рванув вверх, рассыпались, исчезли. Так же, как исчез серебряный дракон.

Я обнаружила себя перед золотой двустворчатой дверью, которая распахнулась передо мной, открывая новый мир. Уходя за горизонт, громоздились высокие, поросшие лесами горы. Леса были тропические, яркие, зелёные. В то же время эти леса, эти горы были неопределимы до конца, они были текучи, изменчивы. Текли и струились деревья, разворачивались бутоны ароматных цветов, свивались и развивались лианы, оплетавшие огромные кряжистые стволы. Так же струилась и жизнь этого мира. Люди – одетые в богатые одежды, обильно украшенные драгоценными ожерельями, в серьгах и перстнях – плавно двигались по воздуху, вдруг останавливаясь в потоке и тем не менее продолжая пребывать в общей динамике. Это был мир причудливых диковинных форм, необычных очертаний.

Мир, в котором всё плавно перетекало друг в друга.

Дальше я попала в мир маленьких летающих обезьян. Казалось, их полёт длится в воздухе вечно. Таким медленным, даже сонным, казалось в этом мире движение времени.

Вдруг я снова увидела лестницу. Золотую и совершенно гладкую, наподобие отполированного стекла. Это была даже не лестница, а, скорее, совершенно гладкая золотая скала, в которой были вырублены ступени длиной в маленькую человеческую стопу. Я стала подниматься по этим специально сделанным углублениям в скале, когда скала неожиданно изогнулась и резко легла горизонтально. Было ощущение, что скала поднимается вверх и в то же время неуклонно протягивается вперёд в горизонтальном направлении.

Скала сузилась до размеров золотой стреловидной стелы, по отшлифованной поверхности которой я осторожно двигалась.

В одно из мгновений я почувствовала, как моё лицо тонет, как в зеркальном движущемся стекле, в лёгкой струящейся субстанции. Она облепила моё лицо, а когда эта субстанция рассеялась и исчезла, не оставив следа, я нашла себя уже в ином облике. Я была тихой серебряной женщиной, похожей на китайскую статуэтку. Я текла и менялась вместе с миром, который меня окружал. Это был мой мир – только мой. Он был чист и невероятно красив. Ни пятна нечистоты, ни тени несовершенства не было в этом мире. Весь он был – безграничный покой и гармония. Мир абсолютной уравновешенности, мир, в котором, казалось, всё было раз и навсегда распланировано, защищено от ошибок и самого права на ошибку.

Мир абсолютной законченности – и при этом постоянной текучести, изменчивости. Формы этого мира непрерывно менялись. Он был прозрачен и перламутрово-бел. Я была повелительницей этого мира, его душой, его сутью.

Я была тихой-тихой женщиной, в сияющем головном уборе, похожем на огромный серебряный кокошник, унизанный сотнями колокольчиков, издающих тонкий мелодичный звон. Всё в этом странном мире было наполнено музыкой серебряных колокольчиков. На мне было лёгкое белое платье, серебряная накидка, длинный-длинный шлейф, сворачивающийся причудливыми складками.

Эта женщина ткала птиц. Она проводила ладонь по воздуху, и в воздухе возникала тончайшая белая ткань. Она проводила ладонью по ткани – и на ней появлялось изображение птицы, словно вышитое золотыми и серебряными нитями. Она проводила по изображению птицы – и птица слетала с полотна и уносилась прочь.

В этом мире было великое множество разных птиц. Павлины – белые и синие, золотые и серебряные, райские птицы с переливающимися хвостами, соловьи и малиновки – все золотые и серебряные, словно сотворённые руками этой волшебницы из драгоценных металлов. По озеру, с водой словно жидкий хрусталь, плавали белые гордые лебеди...

Иногда женщина входила во дворец, текучие очертания которого напоминали китайскую пагоду. Во дворце она садилась за низенький серебряный столик, украшенный перламутровыми пластинами, и пила прозрачный нектар из маленького кубка. Нектар был похож на берёзовый или кленовый сок, аромат его был подобен аромату весны – раскрывающихся древесных почек.

Женщина была спокойна и светла. Её жизнь была жизнью медленной глубокой реки в тёплый летний день. Тихо течёт она меж луговых трав, и только бирюзовые стрекозы, повисая над водой, дарят течению трепетный след своих отражений.

В том мире время не двигалось, может его там и вовсе не было, а была – вечность, вечное Всегда. Привычные человеческие чувства и эмоции были не свойственны хозяйке этого мира не потому, что они были ей не интересны, и не потому, что были ею преодолены, а потому, что такова была её природа – безэмоциональная и прозрачная словно зеркало, безызынно и безыскусственно отражающая всё существующее. Она была чиста, прохладна и нежна. Словно лунный ветер.

В её владениях всё было таким же прозрачным. Мир без горестей и забот, без печали и радости, без ошибок и заблуждений, так свойственных человеческому миру. Мир, запрограммированный на полное совершенство, абсолютную НЕВОЗМУТИМОСТЬ. Его хозяйка

была отрешённой, свободной от любых забот и томлений. Царство абсолютной невозмутимости. События, происходящие там, нигде не оставляли ни малейшего следа. Это мир, не подверженный никаким видимым переменам. Полная свобода и полное уединение, в котором жила хозяйка, усиливали очарование. Мир высокоорганизованной «материи», если так можно назвать субстанцию, из которой он состоял.

Здесь я почувствовала себя удивительно спокойно. Незамутнённость, прозрачность сознания – подлинная драгоценность.

Я ощутила тяготение вверх, словно кто-то незримый тянул меня, тихонько дёргая золотую нить. Однако, подустав, я решила немного отдохнуть в тихом мире Белой волшебницы.

Мир Ангелов

Я вижу себя где-то на Востоке, похоже в Индии. Это долина, по которой течёт Ганг. Вода в реке рыжая, грязноватая. Я иду по воде вдоль берега. Река начинает потихоньку подниматься вверх. Я оказываюсь в предгорьях Гималаев. Вода меняет цвет, становясь чистой, прозрачной, почти белой, переливается через небольшие пороги, так как кругом – горы. Вода перескакивает через камни, через огромные валуны. Она очень чистая и холодная, почти ледяная. Я иду по воде, река продолжает подниматься вверх. Вокруг – горный пейзаж, есть растительность – ярко-зелёные деревья, потом растительность исчезает. Это область альпийских лугов, а затем – ещё выше – только скалы и снега. Величественный пейзаж Гималаев.

Здесь течение реки сначала прячется в снег, а потом снова начинается – но уже как бы в воздухе.

Река поднимается в небо, и я вижу, как струи реки уходят в облачный пояс, расположенный высоко над горами. Я поднимаюсь по реке вверх, оказываясь над облаками.

Они белые и сверкающие, клубятся подобно туману. Над ними течёт чистейшая река. Впереди и выше я замечаю что-то подобно гигантскому дворцовому сооружению; словно замок вдаль, он высок и светел, его очертания теряются в клубах облаков. Туда уходит река, извиваясь по воздуху. В то же время я вижу, как река делится на четыре рукава по сторонам света: на юг уходит река, чьё дно усыпано красными рубинами, на западе вьётся река, на дне которой лежит слой сапфиров настолько глубокого синего цвета, что они кажутся почти чёрными. На севере – река с дном, засыпанным горным хрусталём, а на востоке это река, по которой я поднималась, – дно покрыто янтарём и вода тихо переворачивает камешки⁸³.

Я начинаю двигаться по реке, которая прямо передо мной и направляется вверх, похоже по северному рукаву. Вода в реке абсолютно прозрачная и белая.

Дальше, оборачиваясь, я смотрю вниз. Отчётливо видны все четыре рукава реки, которые как бы обтекают землю, соединяясь здесь, на высоте, в единый поток, который, словно фонтан, вырывается вверх. Кругом очень светло. Небо совершенно чистое, очень нежного голубого оттенка.

Река, по которой я шла, теряется в общем потоке. Передо мной появляется область сверхзаряженного пространства – оно ярко-синее и белое, оно пульсирует, напоминая то ли вспышки молний небывалой мощи, то ли северное сияние, но неизмеримо ярче. Туда и манит, и отчего-то трудно идти: присутствует чувство, что ты в этом мире совершенно лишний человек.

И тем не менее я туда иду. Спустя некоторое время вижу, что это сине-белое пространство, по которому я двигалась, не что иное, как гигантский цветок, напоминающий подсол-

⁸³ Образ четырёх рек архетипичен и присутствует во многих традициях: от четырёх рек, текущих из Рая, до рек, стекающих с Мировой горы Меру.

нух, с васильковой сердцевинкой и ярко-белым пламенем лепестков; над ним теперь вьётся струя реки, по которой я то шла, то летела – над ней.

Это происходит в космосе. Вдруг пространство меняется, становясь чисто-белым и полным света. Я попадаю в мир, где все предметы обретают невесомость. Всё плавает, всё величественно парит.

Я пролетаю над огромным собором, похожим на земной Нотр-Дам-де-Пари – его крыши, белые и сверкающие, искрящиеся миллионом золотых и серебряных искр, ясно видны все башенки, пинакли и шпили. Справа – речной поток, вьющийся по воздуху.

Подо мной сияющий город, подробностей которого я особо не фиксирую. Само пространство напоминает величественный чертог, в структуру которого вписана и река, и собор, над которым я пролетела, и – сонмы ангельских сил.

Их не просто море – их океаны. Весь воздух трепещет от ангельских крыльев, всё дрожит, зыблется и струится, всё подобно то ли жидкому стеклу, как вода в реке, то ли чистому расплавленному металлу, то ли текучему огню, который всё пронизывает и из которого сделано всё вокруг.

Потом я вроде бы опускаюсь на землю и вижу перед собой белое поле, поросшее белой же травой. Оно огромное, за горизонт уходят струи реки.

Передо мной вырастает фигура Ангела. Это Архангел Михаил, я узнаю его по огненному мечу в правой руке. Он совсем юный, у него ярко-голубые, абсолютно прозрачные бездонные глаза.

Он одет в белую одежду – подобие туники и рубахи византийского типа.

Он ведёт меня за собой. Мы идём полем вдоль реки, он несёт меч в левой руке и по пути как бы срезает траву. Мы выходим на пустынный берег. Я присаживаюсь отдохнуть, и он садится рядом, положив меч на траву.

Мы смотрим на реку и ведём безмолвный разговор. Он молчит, но каждое слово запечатлевается у меня в уме.

За спиной сильное золотое свечение – это крылья, очертания которых только угадываются: не перья, как мы привычно думаем, и не такие, как видела ранее, – как на средневековых картинах – бабочкины, а энергетическое сгущение высокой интенсивности. Золото-белый свет. От него целиком по фигуре идёт свечение.

Поднимаю голову и вижу, что его лицо смуглое, волосы тёмные, а глаза голубые. Мы говорим долго, мне не хочется двигаться, я никуда не хочу оттуда уходить.

Ощущение от Ангела следующее:

1. Да – это да.
2. Нет – это полное нет.
3. Компромиссов – нет.
4. Оттенков-нюансов, долей-процентов, словом всей чепухи нашей – нет.
5. Есть приказ, программа – всё.
6. Вопросов – нет.
7. Полная ясность.
8. Абсолютный вектор на Свет.
9. Жёсткость – воин же (!).
10. Мощь, которая очень сильно очеловечена, как бы прикрыта человеческим обликом.
11. Абсолютный Свет, светоносная суть.

Непонятно, почему он со мной находится так долго; я чувствую себя странно, даже неловко, а он отвечает мне, что может находиться в разных местах одновременно и это довольно легко. Легко! Хम्म...

Помню, что мы говорили, а вот о чём – теперь забыла.

У него в руках возник листок бумаги, чуть ли не из тетради в клетку.

И он – Ангел, предводитель небесного воинства – сделал бумажный кораблик и пустил его по воде.

Река, кстати, там срабатывает как гигантская линза.

В эту линзу мы долго глядим и видим землю. Там идут сплошные боевые действия и войны, всё задымлено, закопчено.

Потом мы летим куда-то кверху. Я вижу четыре колонны, а между ними, на прямоугольной площадке, стоит то ли ветхозаветный ковчег, то ли просто огромный ларец, золотой, в узорках, и от него исходит сильный свет.

Вдруг всё ангельское воинство разом взмывает вверх, всё трепещет крыльями, всё сверкает и горит золотым пламенем, течёт и струится, всё блещет, что больно глазам.

Всё создано из текучего огня. Всё горит и течёт. Всё дрожит и зыблется жидким огнём.

Белое пространство неба открывается сияющей лазурью ещё выше расположенного мира, и оттуда бьёт столб сильнее света.

Бах! Бах! Полный огонь! Какой-то золотой треск! В небе тучи ангелов! Это довольно жутко.

Столб сияет, в нём крутятся золотые искры, искры летят кругом, словно снег.

Река крутится, как спираль ДНК, летя по воздуху, и всё дико горит.

Звучит какая-то музыка, похожая на симфонико-какофонический шум; наверное, она таковой воспринимается из-за своей мощи – больше как шум, а не как музыка.

Я бормочу что-то вроде: «Нет, не сегодня, достаточно уже», – и прячу лицо в ангельской груди.

Я помню смутно, что он перенёс меня обратно на реку и я ложусь в реку и теку вместе с рекой.

Как бы превращаюсь в воду.

Я не помню там ни своего пола, ни возраста, ни имени – просто человек, как некий род и вид, и всё.

Пробуждаюсь я уже возле реки Чернавки – тихая река, на берегу цветут жёлтые ирисы...

Помню, когда я в первый раз поднималась в мир, населённый ангелами, у меня было впечатление крайнего отрешения от всех человеческих бед, даже равнодушия. Они меня даже расстроили этим.

Словно у них есть программа, которой они следуют как заводные, и всё прочее не в их компетенции. Однако если с одним человеком могут столько возиться... что же про всё человечество говорить?..

Небесные сферы

Начинается со струйки ручья – текущей по цветущему альпийскому лугу, среди тающего под солнцем снега, журчащего под ледяной коркой у берегов.

Иду, глядя на струящуюся воду, течение воды успокаивает. Потом ручей ныряет в знакомое белое мерцание облаков. Тихо, вода нежно поёт. Альпийский луг словно продолжается впереди, между облачных нагромождений.

Появляется белая длинная лестница, по которой течёт вода, – это вода белой реки с хрустальным дном⁸⁴. Иду по лестнице; она незаметно, полого поднимается ввысь, как бы по возвышенности. Вода чуть переливается.

Вдруг начинается небольшой спуск, я оказываюсь в белой-белой келье, с белёными стенами снаружи, но внутри стены как бы выложены полудрагоценными необработанными камнями. Посредине кельи – огромное окно. Подхожу и смотрю. Передо мной раскидывается величественный пейзаж. Всё в бело-хрустальных тонах. Стекловидные потоки световой энергии текут от хрустальной сферы высоко в небе, как от солнца, между тем она не является источником света, а только преломляет свет, идущий от выше и дальше расположенного светила. Пейзаж – гористая местность, состоящая из белых хребтов. Скала, в которой прорублена моя келья, напоминает крымскую крепость Чуфут-Кале. На протяжении всей скальной стены – такие же кельи, с квадратными и прямоугольными окнами со сглаженными краями. Там живут какие-то отшельники и мудрецы.

Я вижу себя со стороны: на мне надето что-то белое, тело слабо выражено – такое же белое, словно слитое с окружающим пространством, форма женственная, вроде есть подобие волос, но всё световой природы.

Передо мной пространство, насыщенное невероятным воздухом и свободой.

Летают какие-то птицы, похожие на орлов или на чаек.

Внизу, в страшной пропасти, течёт хрустальная река. Скала с кельями загибается к самой высокой части хребта. Я мысленно пересекаю пропасть с рекой внизу и вижу себя на вершине горы. Эта вершина абсолютно коническая, даже остроконечная, на ней чудом растёт огромное дерево с пышной кроной, состоящей из жёлто-золотых цветов. Из цветов вылетают то ли шмели, то ли бабочки, то ли какие-то мелкие птицы. Я сажусь под деревом: земли, почвы, за которую могли бы держаться его корни, нет, и оно словно плавает над вершиной горы. Смотрю вниз и понимаю, что мир, в котором я нахожусь, – часть ещё более обширной хрустальной сферы, в которую он и входит. Под руслом реки располагается земля, окружённая стекловидной оболочкой; к вершине, где я нахожусь, стекаются рукава четырёх рек, пятая – невидимая – льётся по склонам горы. Всё это – система одного из хрустальных шаров. Надо мной вращается хрустальная сфера, испуская лучи, я тянусь к ней, она меня втягивает, и, спустя несколько мгновений кружения, я оказываюсь внутри неё – теперь внизу оказывается вершина горы с деревом.

(Землю вижу всё время в нескольких «коконах»: слой воды, огненная кайма, зыблющееся эфирное прозрачное поле, похожее на воду, но не вода, а скорее что-то стеклянное.

Сквозь слои идут горные хребты: некоторые остаются на уровне воды или огня, но есть такие, которые уходят неизмеримо выше. Основная вершина в центре, самая высокая, исчезает в белом свете сверху.)

Затем я теряю свой облик, превращаясь в огнистое тело, лечу по световому проходу и вдруг оказываюсь в космосе, который, по отношению к нашему, незнаком, зависаю над цветком, состоящим из огнистого сияния: лепестки неправильной формы, размётаны, словно дышат. Выше – ещё одна хрустальная сфера, которая имеет более сильное свечение, чем нижняя.

Путь через Нижний мир

Я стояла на огромной равнине, полностью покрытой водой⁸⁵. Вода была тёмной, но в ней тем не менее отражалось грозное небо с низкими облаками. По воде шли волны,

⁸⁴ Т. е. подъём осуществляется с Северного континента.

⁸⁵ Это север.

течение было стремительным, настолько, что не было сил сопротивляться потоку. Волны шли с южной стороны на север. На южном берегу водного пространства были видны какие-то тёмные деревья, качающиеся от ветра, они ограничивали горизонт.

С другой стороны водной равнины был обрыв, за которым возвышалась скала и готический замок, словно вырубленный в скале, тёмный и как бы полуразрушенный.

За этим замком угадывалось смутное, «подслеповатое» свечение, идущее снизу, плавали лёгкие молочные облака и мерцали редкие звёзды на бледном небе.

Я не знала, куда мне двигаться. Стояла беспомощно на этой водной равнине и чего-то ждала. Внутренний голос всё время твердил: «Быстрее, быстрее, здесь нельзя долго задерживаться!» Действительно, по воде пошли огромные круги. Появились водовороты, которые словно притягивали к себе. По воде поплыли огромные водные змеи. Я взобралась на торчавший из воды камень. Но долго сидеть там не смогла – он упал и меня повлекло со страшной силой к северу. Дважды я пыталась подняться, и оба раза меня сносило течением. В конце концов, я стала уставать.

Всякий раз, когда я пробовала двинуться на юг, против потока, к деревьям на краю равнины, меня разворачивало в обратную сторону. Ветер дул прямо в лицо, почти сбивая с ног.

Вдруг по воде прошла огромная трещина, водное пространство разделилось надвое. Я оказалась на той стороне, где был обрыв и замок на противоположном берегу. А пространство, где росли деревья, стало стремительно уходить прочь. Меня буквально несло вместе со всей массой воды и земли – или чего там ещё было – к обрыву.

Оказавшись в этом месте, я прошла по мосту над пропастью, куда низвергалась масса воды. Я вышла к скальному готическому замку. Я прошла его насквозь. Это был даже не замок, а скальный город, абсолютно пустынный, брошенный много столетий назад, если к этому месту применимо понятие времени. Здесь было темно, над головой неслись свинцово-сизые тучи. Шумел ветер, хлопая дверями и ставнями. Я шла одна, похожая на нищую, в какой-то старой одежде, с необъяснимой печалью в сердце.

Я прошла город и стала подниматься по скале, ведущей к облакам, надеясь оттуда увидеть окрестности и определить, куда двигаться дальше.

Я поднялась на скалу, но пространство неожиданно распрямилось и странная дорога пошла резко под уклон. Голубоватая, словно подсвеченная луной, дорога шла всё время вниз, при этом мне казалось, что дорога идёт вверх. Между тем я влетела в пространство непонятных военных действий, где всё воевало со всем. Мир мщения и битвы – так назвала бы я его⁸⁶. Здесь меня окружили тёмные создания; они, несомненно, были ангелами, но ангелами падшими. Они бились друг с другом не на жизнь, а на смерть, и кто кого побеждал, не знаю. И вообще, побеждал ли кто в этой страшной битве – не знаю. Настоящий хаос крыльев, мечей, сверкающего оружия, стремительно сыплющихся молний окружал меня. Здесь не было места какому-то пониманию происходящего, это была война, длящая много времён, целые эпохи.

Ангелы тьмы были в точности такими, какими их рисуют на средневековых манускриптах, какими их видели и рисовали, например, художники кватроченто. Те же тёмные лица, те же кожистые крылья, те же перепонки, когти – словом, вся атрибутика, пожалуй только не было хвостов. Они были одеты в доспехи, и кругом – море, море, море оружия, сверкающих убийственных предметов. Лица их были подобны лицам людей, даже ликам

⁸⁶ Мир непрерывного сражения как адский мир упоминается во многих источниках. У Данте ему соответствует «ад гневных» – пятый круг ада в стигийских болотах у стен адской твердыни Дита, у каббалистов это четвёртый «зал нечистоты» из семи, у буддистов – самый верхний круг ада (нараки). Это нижний («подземный») эфирный слой. Ср. также с описанием у Руты.

ангелов, только темны и искажены отчаянием, ненавистью, страшной ненавистью и мщением.

Я была там одной из многих яростных существ, ни у кого не вызывая ни малейшего интереса (слава БОГУ!), ни внимания. Тела этих созданий, в том числе и моё, были словно изваяны из металла, из чего-то наподобие ртути, текучей и упругой.

Энергия невероятной мощи царила в этом мире, но это была разрушительная мощь, мощь бессмысленной войны.

Так я неслась в этой дикой свалке, пока меня буквально не вытянуло на дорогу, ведущую к высокому величественному замку⁸⁷, стоящему на равнине, пустой и бесплодной.

Замок был мрачен, он тускло отсвечивал металлическим блеском и сильно притягивал к себе, так что само пространство вокруг казалось намагниченным.

Вообще, ощущение глубоко скрытого ужаса и отчаяния не покидало меня в этом мире. Я собрала последние остатки любви, которые были в сердце, и двинулась дальше. Ведь ничего другого там не было, не было иного пути. Надо было куда-то двигаться. Надежда почти оставила меня.

Я поняла вдруг, что замок, стоящий передо мной, это мрачное жилище Люцифера, создаёт вместе со своим хозяином намагниченность, заряженность окружающей атмосферы.

То есть, если этот замок разрушится, все бьющиеся друг с другом ангелы тьмы просто исчезнут в один миг, словно их никогда и не было. Просто исчезнут в один миг. Но пока существует сила, вызвавшая их к жизни, они живут и сражаются и даже обладают собственной судьбой.

Я оказалась притиснутой почти к самым воротам, ведущим в замок, – они были просто огромны. Тёмная тяжёлая масса стали, глухие старинные замки... Было такое чувство, что ворота вот-вот откроются, и я с затаённым ужасом и странным любопытством ждала, когда это произойдёт. «Это конец», – подумала я.

Вдруг сверху упал луч света – световой столб проник сквозь облака и осветил равнину. Я просто рванулась в этот столб и стала подниматься вверх. С меня вихрем слетала чешуя, осколки металла, словно слезала ржавчина.

Вскоре я почувствовала себя в космосе⁸⁸. Справа и чуть сверху находилась Земля, слева и внизу – Луна, светящая голубым светом, к которой тянулась дорога. И вот здесь я с облегчением вздохнула.

Некоторое время я ещё двигалась в белом световом пространстве, образованном струящимся сверху лучом.

И неожиданно оказалась на берегу большого, тихого белого озера, над которым сияла звезда. Свет её был стократ ярче солнечного, окрестные предметы (там были камни, скальные образования) не давали тени.

На берегу озера сидел Иисус, такой, каким его обычно рисуют на реалистических картинах или же показывают в кино, а рядом с ним – маленький мальчик чрезвычайно симпатичного вида, золотистоволосый и весь какой-то беленький.

Оба они смотрели на воду и бросали в озеро камешки.

Пространство стало завинчиваться световой воронкой, мы трое стали подниматься вверх, потом был какой-то глухой звук и резкий выброс в иной мир.

Мне показалось, что я перенеслась не в другое пространство, а в другое время.

⁸⁷ Мифографически собственно Дит, крепость, окружающая устье бездны (Тартара) – астральной части ада. Ср. с образом Мордора у Толкиена.

⁸⁸ Адский вектор меняется на другой; Космос, как уже говорилось, там характеристика эфирного восприятия.

Я оказалась на берегу моря, похожего на Средиземное. Вода гладкая, стеклянная, светлая и прозрачная. Камешки отчётливо видны сквозь толщу воды.

На берегу моря – руины белого античного храма, теней не было.

Над миром сияла звезда. На берегу сушились перевернутые вверх дном рыбацкие лодки, сети серебрились от соли...

Пейзаж чем-то напоминал картины Василия Поленова, посвящённые земной жизни Христа.

Вдруг от руин храма к нам двинулась толпа людей, одетых в простые холщовые одежды, они бежали к Нему, приветствуя и крича: «Учитель, Учитель!» Он пошёл с ними, а я осталась стоять на берегу, глядя на воду. Я присела на камень и вдруг буквально затылком ощутила сияние сверху. Луч шёл сзади.

Я повернулась и увидела высоко-высоко, на вершине белой лестницы, что-то вроде трона, слабо, впрочем, угадывающегося. На троне сидел Сияющий, в короне из лучей, в венце из драгоценных кристаллов, испускающих свет.

Окрест Него, насколько мог видеть глаз, шумело и испускало свет, шевелилось и дышало Живое Белое воинство – Ангелов и людей, крыльев и белых одежд, колышущихся от ветра. Всё это звучало симфонией. В то же время было ощущение невероятной тишины.

Я помню, что легла на лестницу, вниз лицом, и чувствовала горячее дыхание, словно от солнца. Когда я подняла голову, я увидела над собой лицо Иисуса. Он был и там, на вершине лестницы, и у её подножия, рядом со мной.

Волны энергии немыслимой силы и чистоты вращались над Христом, сидящим на троне, но Его лик был совсем иным, чем тогда, когда он приближался ко мне. Там, на вершине лестницы, Его лицо было более суровым, более величественным. И сияло, лучилось.

Я помню ещё, что втянулась в круг сияющей энергии, а вот дальше...

Дальше я просто плыла в огненном потоке, вдыхая его и испытывая страстное желание вдыхать этот огонь и дальше. Он жёг, но я жила и дышала. И дышать было как-то тяжело, но дышать этим огнём почему-то всё равно хотелось. А пространство развёртывалось подобно величественному цветку, похожему на лотос. Сине-белые языки пламени лизали меня, поднимали вверх, я текла сквозь струящуюся стену огня, сквозь огненные волны небывалой мощи.

Затем смена картины. Я оказалась в мире, образованном кольцами световых энергий: кольца свивались наподобие арок, скручивались и множились во всех направлениях, это было очень странное зрелище. Между петлями арок – золотыми потоками – скользили тени фигур, отдалённо напоминающих человекоподобные, но они растворялись в этом пространстве, не оставляя следов, сворачиваясь и исчезая, словно концентрические круги энергий поглощали их.

Это было явление множественности, неопишемости и странности. Здесь я приостановилась...

* * *

Непосредственно столкнувшись с образами и структурами Иного, мы встречаем как уникальные, так и повторяющиеся образы. В целом можно разделить эти восприятия на индивидуальные, на культурные архетипы и на собственно архетипические.

Первые связаны с персональными уникальными особенностями человека, его «манерой восприятия». Причём опыт, основанный на этих восприятиях, может быть повторяю-

щимся, создающим собственную «географию» с устойчивыми параметрами и характеристиками. К этой категории можно отнести и такой параметр, как «качество настройки», поскольку, развивая духовидческие способности, психонавт становится способен «собрать миры» со сложными характеристиками там, где первоначально видел что-то безобразно-абстрактное: цвет, свет и т. д.

Вторые – архетипы культуры – связаны с культурным багажом человека, его религиозными воззрениями и национально-культурными особенностями. Культура в какой-то степени задаёт образный ряд при восприятии «совсем иного», когда духовидец непроизвольно устанавливает, «на что это похоже». А религии последовательно создают апробированные образцы, матрицы Иного мира – то есть вероятность того, что Христа встретит именно христианин, многократно возрастает. Подобные культурные и религиозные матрицы описаны у Данила Андреева как затомисы (для цивилизаций) и трансмифы (для мировых религий), а также миры литературных, архитектурных и музыкальных прообразов⁸⁹.

Третьи – собственно архетипические восприятия – встречаются равно у современных психонавтов и в древних тестах и преданиях разных религий и народов.

За ними просматриваются ещё более глубокие восприятия – это, прежде всего, структурные архетипы, восприятия сил и т. п. – имеющие, судя по всему, общечеловеческий характер.

Естественно, здесь возникает вопрос о реальности воспринимаемого. (Ответ о несомненной феноменологической реальности людей, как правило, не удовлетворяет.) Здесь возможны разные варианты ответа.

Например, ответ: «Брахман реален, мир – обман» утверждает абсолютную ценность «потустороннего» опыта, по сравнению с относительной, иллюзорной «реальностью» наблюдаемого посредством органов чувств мироздания. Или можно говорить о первичности «тонкой реальности», недоступной профанам, видящим только материальные следствия таинственных причин.

Напротив, материалистический подход будет рассматривать дуальную пару «реальность – галлюцинация» (и реальным, разумеется, будет признан материальный мир).

Философия, отвергающая «наивный реализм» старого материализма (и, заметим, находящая всё больше подтверждений со стороны нейрофизиологии), понимает, что воспринимаемый нами «реальный», «материальный» мир не столь уж реален, что органы чувств имеют серьёзные ограничения в восприятии физической реальности и что их данные не воспринимаются непосредственно, а проходят сложную систему перекодировки, фильтрации, обработки, прежде чем собираются в привычный нам образ физического мира. С этой точки зрения мы вообще не способны воспринять «вещь в себе», а всегда имеем дело с иллюзией. Различие, например, между буддизмом и современной философией сознания (Чалмерс, Метцингер и т. д.) только в том, что первый считает сознание причиной, а тело следствием, а вторая наоборот.

Вопрос здесь в том, какая иллюзия/галлюцинация продуктивна, то есть способствует выживанию тела и достижению поставленных задач в физическом мире. Для учёного наша обычная картина реальности будет максимально эффективной, а архетипическая (понимаемая как галлюцинаторная, если не сказать психиатрическая) – минимально. Для мага напротив: Иная реальность оказывается весьма эффективным способом воздействия на Эту.

Здесь ещё важно, как оценивается путешествие в «Иной мир» с прагматической точки зрения. Для архаичного сознания граница вообще была размыта до исчезающей. Для

⁸⁹ Другое дело, что для Андреева именно «потусторонние» структуры первичны, а «посюсторонние» – производны.

магического это окно в «четвёртое измерение», резко повышающее способность влиять на происходящее, так сказать, с изнанки, в нарушение законов «материального мира». Для религиозного сознания опыт «иногo» – это, прежде всего, подтверждение определённой картины мира, до того принимаемой на веру. Для поэтического (мифопоэтического) – неисчерпаемый источник вдохновенья и образности. Для научного – поле исследования и коррекции психологических процессов, обычно скрытых от непосредственного наблюдения. Для мистического – путь трансформации сознания, выход на качественно новый уровень бытия и осознания реальности. И здесь вопрос, воспринимаем ли мы при этом скрытые структуры объективно существующего мироздания или скрытые (трансцендентальные) структуры собственного сознания, строго говоря, вторичен.